
СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ	<p><i>Омар Нессар.</i> «Боннская модель» и политический процесс в Афганистане в 2001–2004 гг. 5</p> <p><i>Лиджиева И. В., Немгирова С. Н.</i> Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия 15</p> <p><i>Сартикова Е. В.</i> Становление и развитие профсоюза работников просвещения в Калмыкии: 1920–1928 гг. 23</p>
АРХЕОЛОГИЯ	<p><i>Очир-Горяева М. А.</i> К вопросу о роли коня в погребальном обряде калмыков 27</p>
ЭТНОЛОГИЯ	<p><i>Айыжы Е. В., Базырчан А.-Х. О.</i> Священные места цаатанов в сомоне Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии (по материалам полевых экспедиций) 31</p>
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	<p><i>Савельев А. В.</i> Огубленные «ы» и «и» в низовых говорах чувашского языка 36</p> <p><i>Очирова В. С., Омакаева Э. У.</i> Номинации лиц мужского пола по степени родства в калмыцком языке (на материале песенных текстов) 42</p> <p><i>Абдалтаджедини Нахид.</i> К истории иранизма <i>сардар</i> в русской литературно-документальной рецепции 47</p>
ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	<p><i>Сокаева Д. В.</i> Мифологический компонент осетинских легенд, преданий и устных рассказов о святилище Бурсамдзели 50</p> <p><i>Сарбашиева (Гузиева) А. М., Болатова (Атабиева) А. Д.</i> О специфике символических обобщений в национальной балкарской литературе 54</p> <p><i>Топалова (Зумаева) Д. Ю.</i> О своеобразии современной русскоязычной поэзии Калмыкии (на примере творчества Д. Насунова и Р. Ханиновой) 59</p>
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ	<p><i>Батырева С. Г.</i> Калмыцкая ассоциация художников «Джунгария»: к вопросу этнической идентичности 68</p>
СОЦИОЛОГИЯ	<p><i>Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В.</i> К вопросу о социальном неравенстве населения Республики Калмыкия в условиях трансформации российского общества 71</p> <p><i>Томаска А. Г.</i> Особенности адаптации учащихся – представителей коренных малочисленных народов Севера – к условиям города 76</p> <p><i>Винокурова Д. М.</i> Территориальная мобильность жителей Республики Саха (Якутия): семейные связи и миграционные намерения 82</p> <p><i>Намруева Л. В.</i> О роли библиотек в сохранении культурного наследия (на примере Республики Калмыкия) 88</p>
ПЕДАГОГИКА	<p><i>Мушаев В. Н.</i> Система непрерывного обучения в свете проблем развития калмыцкого языка 95</p> <p><i>Коксунова Н. Б.</i> Применение технологии укрупнения дидактических единиц на уроках калмыцкого языка и литературы (матричные задания) 98</p>

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ЭКОНОМИКА	<i>Молокаева О. Х.</i> О некоторых проблемах правового статуса комиссий Федерального Собрания Российской Федерации по парламентскому расследованию	103
	<i>Булуктаева К. Ю., Гунаев Е. А.</i> Конституционно-правовое регулирование предметов исключительного ведения субъектов Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия)	109
	<i>Замбаев Х. Н.</i> Концептуальные аспекты мониторинга качества государственного финансового контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации	114
БИОЛОГИЯ	<i>Менглинова А. Б.</i> Проблемы экологии в Калмыкии как факторы заболеваемости и смертности населения	120
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	127
АННОТАЦИИ	129
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	135

CONTENT

HISTORY	<i>Omar Nessar.</i> «Bonn Model» and Political Process in Afghanistan in 2001–2004	5
	<i>Lidzieva I., Nemgirova S.</i> The Ethno-Cultural Development of a Region: the Monitoring of Ethno-Confessional and Intercultural Interaction in the Republic of Kalmykia	15
	<i>Sartikova E.</i> Formation and Development of Trade Union of Workers of Education in Kalmykia: 1920–1928	23
ARCHEOLOGY	<i>Ochir-Goriaeva M.</i> To the Question of the Role of a Horse in a Funeral Rite of Kalmyks	27
ETHNOLOGY	<i>Ayyzhy E., Bazyrchap A-Kh.</i> Sacred Places of the Tsaatans of Tsagaan-nuur Somon of Khubsugul Aimag of Mongolia (on field expedition materials)	31
LINGUISTICS	<i>Saveliev A.</i> The Rounded «y» and «i» in the Anatri Dialects of Chuvash	36
	<i>Ochirova V., Omakaeva E.</i> Nominations of Males on the Degree of Kinship in the Kalmyk Language (on the material of song texts)	42
	<i>Nakhid Abdaltadzhedini.</i> To the History of Iranism <i>Sardar</i> in the Russian Literary and Documentary Reception	47
FOLKLORISTICS & LITERATURE STUDIES	<i>Sokaeva D.</i> Mythological Component of Ossetian Legends, Tales and Oral Stories about Boursamdzeli Sanctuary	50
	<i>Sarbasheva (Guzieva) A., Bolatova (Atabieva) A.</i> About Specifics of Symbolic Generalizations in National Balkar Literature	54
	<i>Topalova (Zumaeva) D.</i> On the Originality of Modern Russian-Language poetry of Kalmykia (on the example of the works of D. Nasunov and R. Khaninova)	59
ART STUDIES	<i>Batyreva S.</i> Kalmyk Association of Artists «Dzhungaria»: to the Question of the Ethnic Identity	68
SOCIOLOGY	<i>Badmaeva N., Idzhaeva B.</i> Towards the Issue of Social Inequality of the Population of the Republic of Kalmykia in the conditions of the Transformation of the Russian Society	71
	<i>Tomaska A.</i> The Features of Adaptation of Pupils – Representatives of the Indigenous Minorities of the North — to City Conditions	76
	<i>Vinokurova D.</i> Territorial Mobility of Inhabitants of the Republic of Sakha (Yakutia): Family Relations and Migratory Intentions	82
	<i>Namrueva L.</i> On the Role of Libraries in Preservation of Cultural Heritage (on the example of the Republic of Kalmykia)	88
PEDAGOGICS	<i>Mushaev V.</i> System of Continuous Training in the Light of Problems of Development of the Kalmyk Language	95
	<i>Koksunova N.</i> The application of Technology of Integration of Didactic Units at Lessons of the Kalmyk Language and Literature (matrix tasks)	98

JURISPRUDENCE & ECONOMICS	<i>Molokaeva O.</i> On some Problems of Legal Status of the Parliamentary Inquiry Commissions of Federal Assembly of the Russian Federation ...	103
	<i>Bulukhtaeva K., Gunaev E.</i> Constitutional and Legal Regulation of Subjects of Exclusive Maintaining of the Subjects of the Russian Federation (on the example of the Republic of Kalmykia)	109
	<i>Zambaev Kh.</i> Conceptual Aspects of Monitoring of State Financial Control of Execution of Budgets of Subjects of the Russian Federation	114
BIOLOGY	<i>Menglinova A.</i> Environmental Problems in Kalmykia as Factors of Incidence and Mortality of the Population	120
SCIENTIFIC LIFE	127
ANNOTATIONS	129
INFORMATION ABOUT AUTHORS	135

УДК 94
ББК 66.2(0)7

**«БОННСКАЯ МОДЕЛЬ» И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС
В АФГАНИСТАНЕ В 2001–2004 гг.**

Омар Нессар

В 2012 году, вскоре после начала операции «Несокрушимая свобода» в Афганистане, в г. Бонн (Германия) состоялось совещание афганских политиков и представителей международного сообщества — первая Боннская конференция. В рамках этой конференции было заключено соглашение, определившее основы национальной политической системы в постталибском Афганистане.

В настоящее время изучение «боннского опыта» и его влияния на политический процесс в Афганистане представляется актуальным как с точки зрения изучения политической истории страны, так и с целью сбора материала для прогнозирования итогов многолетней миссии Международных сил содействия безопасности (далее — МССБ¹).

Современный афганский политический процесс изучен в российской науке не в достаточной мере, что обусловлено объективными обстоятельствами. Опыт изучения афганской политической жизни преимущественно относится к периоду 1960–1980 гг., когда изучаемая страна была доступна для советских специалистов, имевших возможность прямых контактов с ее партийными активистами. Это позволило им достаточно хорошо изучить политический процесс времен правления Народно-демократической партии Афганистана (далее — НДПА), а также историю, структуру и деятельность партии [Слинкин 1999; Слинкин 2003; Коргун 1983].

Гражданская война 1990-х гг., массовая эмиграция и кризис крайне затрудняли научную работу в стране, в результате чего большинство исследований того периода в значительной мере освещали политическую

жизнь довоенного периода и имели ограниченную источниковую базу. Впрочем, несмотря на это, можно выделить ряд работ, посвященных обзору политической истории Афганистана, охватывающих период до конца войны 1992–2011 гг. [Искандаров 2004], посвященных исследованию движения «Талибан» [Сикоев 2004а, Nojumi 2002] и хода гражданской войны в стране [Акимбеков 2003].

Возможности применения результатов этих исследований для изучения современной политической ситуации в Афганистане ограничены следующими обстоятельствами: изменением персонального состава политических элит в результате смены поколений и смертности в военный период, снижением роли крупных политических партий прошлого в политической жизни 2000-х гг. (НДПА или бывших «коммунистов»), переходом на нелегальное положение активистов многих партий и движений (движение «Талибан», Исламская партия Афганистана Г. Хекматъяра).

К проблеме формирования послевоенной политической системы Афганистана обращались англоязычные авторы (в частности, [Elliot 2009; Lister 2011]), однако их анализ чаще всего опирается исключительно на открытые, зачастую иностранные, источники и в меньшей мере — на изучение афганских источников и непосредственные интервью с участниками политического процесса. Кроме того, в России и на Западе в 2000-е гг. появился ряд работ, посвященных анализу недавних или текущих политических событий [Сикоев 2004а: 12–16; Коргун 2005: 41–49; Арунова 2005: 16–18; Коргун 2004].

Указанные обстоятельства делают необходимым проведение новых исследований по изучению современных политических процессов в Афганистане, а также публика-

¹ МССБ — возглавляемый НАТО международный войсковой контингент, действующий в Афганистане с 2001 г.

цию работ, обобщающих афганский политический опыт последнего десятилетия.

Предыстория вопроса

Боннская конференция стала очередным этапом развития афганской политической жизни. Основным фактором политического процесса в стране в 1995–2001 гг. было активное движение «Талибан», которому удалось установить контроль над значительной частью территории страны и приступить к реализации собственных политических установок.

Генезис движения талибов исследователи определяют различным образом. Одни видят корень в этническом факторе, то есть предполагают, что движение «Талибан» возникло как пуштунское националистическое движение, ставящее целью объединить страну и положить конец гражданской войне [Elliot 2009]. Другие предполагают, что главенствующую роль в движении изначально играли религиозные доктрины [Nojumi 2002]. Наконец, есть указания на то, что действия талибов можно связать с «сельской» идентичностью их образа жизни и опыта [Edwards 2002].

Изначально талибы рассматривались как пуштунское движение, являющееся союзником номинального президента Афганистана Б. Раббани, которое принимало участие в объединении страны. Некоторые российские эксперты считают талибов «детьми» моджахедов, обделенных властью. На начальном этапе именно эта позиция обуславливала поддержку многих афганских политиков, а также зарубежных спонсоров [Сикоев 2004а]. Более того, сегодня некоторые бывшие лидеры талибов именно на Б. Раббани возлагают ответственность за переезд Усамы Бен Ладена из Африки в Афганистан. По словам бывшего главы МИД режима талибов Абдул Вакиля Мутавакиля, лидер террористической сети «Аль-Каиды» в 1990-х гг. перебрался в Афганистан на самолете афганской государственной авиакомпании «Ариана», посланном за ним в Сомали по распоряжению Б. Раббани [по данным телеканала «Толо», сентябрь 2011 г.]. Однако, по всей видимости, руководство движения «Талибан» по мере достижения самостоятельных успехов пересмотрело эту стратегию и пришло к выводам о возможности самостоятельного захвата власти в стране. Важнейшим переломным моментом в политике талибов ста-

ло взятие в 1996 г. Кабула, за которым последовало объединение всех прочих политических групп против экспансии движения «Талибан». Не могла не оказать влияния на отношение народа к движению «Талибан» казнь талибами бывшего президента Афганистана, пуштуна Наджибуллы.

Так или иначе, основные цели талибов сводились к завершению гражданской войны, ликвидации оппозиции, установлению государственного и общественного устройства, основанного на характерном для них понимании норм шариата. Кроме того, талибы выступали в качестве проводника идеи пуштунского политического и религиозного доминирования, что в значительной мере превращало конфликт в противостояние пуштунов и этнических меньшинств страны. Это положение вело к усилению популярности талибов среди пуштунского населения Афганистана.

В стратегической перспективе движение «Талибан» рассматривало возможность экспорта своей общественно-политической модели в сопредельные страны. Важным способом достижения этой цели стал стратегический союз движения «Талибан» с международной террористической организацией «Аль-Каида» [Жаккар 2007]. Подконтрольная талибам территория Афганистана использовалась организацией Усамы Бен Ладена в качестве политического убежища, для создания тренировочных баз и лагерей, а также вербовки активистов. На территории страны функционировали представительства Исламского движения Узбекистана (ИДУ) и «Чеченской Республики Ичкерия» [Можда 2003].

На отношениях «Талибана» с иностранными государствами негативно сказалось также развитие наркопроизводства на землях, подконтрольных талибам (выращивание опийного мака и переработка опиума в морфин и героин). Этот фактор привел к резкому росту производства опиатов в Евразии, что способствовало распространению наркомании во многих странах континента [Хохлов 2006]. Особенно значительная дестабилизация общества из-за обострения проблем наркопреступности и наркомании имела место в Средней Азии [Зеличенко 2003].

Негативно повлияла на отношение к режиму талибов также проводимая ими политика по отношению к культурным ценностям Афганистана. Так, в конце 1990-х гг.

по приказу руководства движения были уничтожены культурные ценности афганских музеев, в том числе Кабульского национального музея [Можда 2003]. В 2001 г. духовный лидер движения «Талибан» мулла Мохаммад Омар выпустил декрет о разрушении в стране неисламских памятников, в результате которого были уничтожены Бамианские статуи Будды, создание которых относилось к I тысячелетию н. э. Международным сообществом этот акт был воспринят как вандализм со стороны движения, что привело к окончательной дискредитации режима талибов.

Политический процесс во внутренней афганской политике определялся прежде всего политическим противостоянием «Северного Альянса» и движения «Талибан», причем последнее в долгосрочной перспективе только усиливало свои позиции, что позволяло ожидать его окончательной победы в гражданской войне в течение 2000-х гг. Политический процесс внутри «Талибана» был обусловлен распределением власти между Кандагарской ставкой муллы Омара, который постоянно проживал в этом городе, и правительством Исламского Эмирата Афганистан в Кабуле, которое осуществляло исполнительную власть в стране [Акимбеков 2003].

Анализ политического процесса внутри «Северного Альянса» осложнялся его фрагментацией на этнические узбекские, таджикские и иные группировки, которые, совместно выступая против талибов, имели собственные политические интересы.

В результате неудач на пути создания и укрепления международных связей режим талибов подвергся атаке США после терактов 11 сентября 2001 г., ответственность за которые была возложена на «Аль-Каиду», базировавшуюся в то время на территории Афганистана. Удар последовал после того, как американской стороне было отказано в выдаче лидера «Аль-Каиды», Усамы Бен Ладена. Впрочем, некоторые бывшие лидеры режима талибов утверждают, что они предлагали вариант передачи Бен Ладена некоему «специальному трибуналу» мусульманских стран. Однако это предложение, по словам представителей талибов, американской стороной было отвергнуто [данные телеканала «Толо», сентябрь 2011]. Начало операции США против талибов привело к изменению политической ситуации в Афганистане, так как создало условия для

более активного вмешательства иностранных государств во внутривнутриполитическую борьбу.

После совершенных «Аль-Каидой» терактов Соединенные Штаты оказали поддержку войскам «Северного Альянса», объединениям вооруженных групп, противодействовавших талибам, значительную роль в которых играли непештунские национальные меньшинства, проживающие в северной части Афганистана. Одновременно США начали серию военных операций под общим названием «Несокрушимая свобода» против подразделений «Аль-Каиды» в ряде стран. В том числе было принято решение о непосредственном вмешательстве в афганский конфликт путем отправки американских войск в Афганистан.

США и их союзники, в первую очередь по НАТО, ввели в страну собственные войска, основываясь на резолюции Совета Безопасности ООН № 1386 [Резолюция 2001], сформировав Международные силы содействия безопасности ISAF (International Security Assistance Force). Первоначально в зону ответственности ISAF входила столица Афганистана Кабул. С 2003 г. зона ответственности начала расширяться, согласно ряду решений ООН, в результате чего к 2006 г. охватила всю страну.

После начального периода «Несокрушимой свободы» талибы отступили, уклонившись от прямого вооруженного противостояния с ISAF и «Северным Альянсом». В первую очередь это было связано с тем, что иностранные войска значительно превосходили талибов по военно-технической оснащенности, а также активно применяли авиацию, которой не располагало движение «Талибан». В итоге движение уклонилось от прямого вооруженного противостояния и было вынуждено покинуть крупные населенные пункты. Благодаря этому войскам международной коалиции и «Северного Альянса» достаточно быстро удалось взять Кабул и другие крупные города Афганистана под свой контроль.

Афганский политический процесс после Бонна

После прямого вмешательства иностранных государств в афганский конфликт, приведшего к значительному изменению баланса сил в стране и усилению антиталибских групп, перед международным сообществом и афганскими элитами встала необхо-

димось создания и легитимизации органов государственной власти Афганистана.

Решению этой задачи была посвящена конференция, прошедшая в декабре 2001 г. в Бонне под патронажем ООН. Согласно боннским решениям, были определены основные государственные институты, персональный состав временной верховной власти, принято решение о необходимости разработки новой конституции страны.

Формированию временных органов власти предшествовала борьба следующих политических групп [Filling 2001].

Римская группа. Политическая группа монархического толка, собравшая собственный съезд осенью 2001 г. в Риме. Возглавлялась бывшим монархом Мохаммадом Захир-Шахом. Эта группа занимала умеренно-либеральные позиции. В работе Боннской конференции участвовало, по одним данным, 9, а по другим — 11 представителей этой группы. В римскую группу, в частности, входили: Абдулл Саттар Сират, Азизулла Васифи, Хидайят Амин Арсала, Мохаммад Исхак Надири, Залмай Расул, Мохаммад Амин Фарханг, Мустафа Тахири, Сима Вали, Рана Мансури [Можда].

«Северный Альянс». Делегаты основной антиталибской вооруженной силы, альянса полевых командиров севера страны. После гибели в сентябре 2001 г. Ахмад Шаха Масуда его преемником стал Мохаммад Касим Фахим. Однако он и Б. Раббани лично не принимали участия в Боннской конференции. Группа «Северного Альянса» имела преимущественно непуштунский характер. В работе конференции участвовало 11 представителей этой группы — в частности, Мохаммад Юнус Кануни, доктор Абдулла Абдулла, Хаджи Абдул Кадир, Абас Карими, Хусейн Анвари, Мустафа Казими, Мохаммад Натики, Амина Афзали, Мирвайс Садик.

Кипрская группа. Группа проирански настроенных эмигрантов, собравшая свой учредительный съезд на Кипре в том же году. Одним из ее лидеров считался Саид Исхак Гилани, лидер афганского суфийского тариката Кадирия. В работе конференции участвовало 5 представителей этой фракции. Эта группа также представляла интересы лидера Исламской партии Афганистана (ИПА) Г. Хекматъяра, находившегося в то время на территории Ирана. На это указывает присутствие в составе группы на переговорах в Германии зятя лидера ИПА, Хомаюна Джарира.

Пешаварская группа. Афганские эмигранты-пуштуны, находившиеся на территории Пакистана. Группу возглавляли сторонники Расула Сайяфа, номинально являвшегося членом «Северного Альянса», однако занимавшего наиболее независимую и радикальную позицию по ряду вопросов. Он подозревался в контактах с «Аль-Каидой», а также лоббировал решение об амнистии для участников вооруженного сопротивления силам США. В работе конференции участвовало 5 представителей фракции Сайяфа.

Кроме того, в работе конференции в Бонне принимал участие ряд независимых полевых командиров и деятелей афганской эмиграции, не примыкавших ни к одной из перечисленных фракций.

Основными решениями Боннской конференции стали [Agreement on Provisional]:

- формирование временной администрации, которая должна была принять на себя управление Афганистаном до формирования переходного совета;

- созыв Чрезвычайной Лойя Джирги, которая должна была утвердить новую Конституцию Афганистана (до ее утверждения действующей признавалась Конституция 1964 г. за исключением ряда статей);

- создание судебной системы во главе с Верховным судом;

- декларация о необходимости сотрудничества с международным сообществом и иностранными войсками, находящимися в стране в рамках резолюции Совбеза № 1386.

Участники конференции заседали в Бонне 9 дней. Предметом наиболее острой политической дискуссии стал вопрос о персональном составе правительства, в частности, избрание главы временной администрации. По некоторым данным, в результате одного из голосований большинство голосов в качестве главы временного правительства получил представитель Римской группы Абдул Саттар Сират. Однако под давлением США он был вынужден отказаться в пользу кандидатуры тогда еще мало кому известного Хамида Карзая [Можда]. Представители «Северного Альянса» настаивали на своем праве на верховную власть в стране и пытались уклониться от принятия Боннских соглашений. Раббани пытался даже отозвать делегацию «Альянса» из Бонна, ссылаясь на отсутствие у нее необходимых полномочий. Однако под давлением ему пришлось согласиться с формированием временной

администрации при участии представителей других групп [<http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/campaign/interviews/abdullah.html>].

Необходимо отметить явно настороженное отношение афганских участников Боннской конференции к создаваемой временной администрации. Практически никто из лидеров фракций не захотел лично участвовать в ее работе, предпочитая воздействовать на новую власть опосредованно. Временная администрация представляла собой своеобразный «совет министров», во главе которого стоял председатель (фактический глава страны), имеющий 5 заместителей и группу рядовых министров. Следует подчеркнуть, что председатель не являлся реальным главой государства, так как ключевые решения должны были приниматься большинством голосов.

Несмотря на невозможность удержать монопольную власть над страной, «Северный Альянс» смог стать доминирующей силой в составе временной администрации. Из 24 министерских портфелей 14 принадлежали представителям «Северного Альянса», причем им досталось руководство ключевыми, силовыми ведомствами (МИД, Министерство обороны, МВД, служба разведки). Большинство важных постов, особенно в правоохранительных структурах, попало в руки членов формальной фракции «Шура-е-Низар», к которой причисляют выходцев из провинций Панджшер и Бадахшан (Северный Афганистан). Администрацию страны возглавил один из пуштунских полевых командиров, занимавших антиталибскую позицию, Хамид Карзай, который лично не присутствовал на конференции. Формально он не принадлежал ни к одной из перечисленных выше фракций, однако, по сведениям некоторых российских авторов, его назначение на пост главы администрации лоббировалось промонархически настроенной «Римской группой» [Арунова]. 23 декабря в Кабуле прошло первое заседание временной администрации под руководством Х. Карзая. А днем раньше новое правительство Афганистана официально признали США.

Кроме того, Боннская конференция в определенном смысле ограничила участие в политическом процессе ряда группировок. Прежде всего, вопреки стремлениям ряда государств, в ней не принимали участия представители движения «Талибан» и

Исламской партии Афганистана под руководством Г. Хекматъяра. По сути, Боннская конференция вывела их за пределы формируемой политической системы Афганистана, исключив элемент переговорного процесса с радикальными политиками.

Другим важным результатом Бонна стало включение в декларативную часть резолюции тезиса о привилегированном положении бывших «моджахедов», участников вооруженной борьбы с СССР, которые, по замыслу авторов резолюции, должны были составить основу новой афганской политической элиты. Эта позиция нашла свое отражение в персональном составе временной администрации. Из 5 вице-председателей два были активными участниками войны 1979–1989 гг., один был членом руководства одной из группировок «моджахедов», хотя сам и не участвовал в боевых действиях. Практически все ключевые министерские посты заняли ветераны борьбы с НДПА и Советской армией, большинство из которых входили в окружение Ахмад Шаха Масуда. Очевидно, что Боннская резолюция в части, касающейся «моджахедов», ставила значительную преграду политическим амбициям бывших членов НДПА и лиц, служивших в госструктурах в коммунистическую эпоху. По имеющимся данным, только 1 член нового правительства — Сухаила Сиддики, министр здравоохранения, делала успешную карьеру во время правления афганских коммунистов.

Вместе с тем, Боннская декларация ставила в худшие стартовые условия лиц, не принимавших активного участия в войне 1979–1989 гг., в т. ч. эмигрантов и представителей младшего поколения политиков. Это видно на примере Мохаммада Фарханга, который занимал во временном правительстве второстепенный пост министра реконструкции, несмотря на то, что был одним из наиболее известных афганских экономистов.

Итоги Боннской конференции позволили окончательно определить статус находящихся в стране иностранных воинских контингентов. Численность иностранного военного контингента в Афганистане сегодня превышает 130 тыс. человек. За более чем 12 лет пребывания в Афганистане силы коалиции стали одним из элементов сложной региональной политической архитектуры [Нессар].

Изменения политической архитектуры после Лоя Джирги 2002 г.

Следующим этапом формирования политической системы Афганистана стали политические изменения, происшедшие после проведения Лоя Джирги 2002 г. и передачи власти от Афганской временной администрации к Переходной администрации, управлявшей страной в 2002–2004 гг.

Проведение Лоя Джирги летом 2002 г. было осуществлено в рамках реализации Боннских решений, однако привело к фактическому пересмотру системы власти, установившейся в то время.

Первым важным изменением стало укрепление власти Хамида Карзая, который был избран большинством депутатов Джирги президентом Исламской Республики Афганистан (ИРА). Это разделение власти президента и правительства значительно повысило статус Х. Карзая, поставив его над действующим составом национальной администрации. Кроме того, Джирга внесла ряд изменений в состав правительства страны. Из 5 вице-председателей администрации свои посты потеряли 4, кроме того, 12 из 24 министерских портфелей поменяли своих владельцев [<http://www.nps.edu/Academics/centers/ccc/publications/OnlineJournal/2006/Feb/johnsonFeb06.pdf>].

Основной причиной столь радикальных изменений стало включение в политический процесс сил, которые были слабо представлены на Боннской конференции. В первую очередь речь идет о полевых командирах, располагавших вооруженными формированиями, а также влиянием на подконтрольных им территориях. По данным западных наблюдателей, большинство членов Джирги представляли различные полевые командиры, проникновение в число депутатов иных кандидатов было весьма ограничено.

Власть новой кабульской администрации не могла основываться только на поддержке иностранных войск, поэтому она была вынуждена пойти на определенные уступки, назначив представителей местных элит на министерские посты. Можно, например, указать на несомненную роль влиятельного гератского полевого командира Исмаила Хана в назначении своего сына Мирвайса Садика на пост министра воздушного транспорта и туризма [<http://www.telegraph.co.uk/news/>].

Эти перестановки имели важные последствия. Во-первых, в правительстве были

значительно ослаблены позиции «Римской группы»: из 8 ее представителей пост сохранил только Мохаммад Амин Фарханг, занимавший второстепенный пост министра реконструкции. Свои посты потеряли также вице-председатель Сима Самар, министр финансов Хадайт Арсала, министр по делам границ Аманулла Задран. По всей видимости, Хамид Карзай не поддерживал эту кадровую чистку; в ходе работы Джирги он с большим уважением отзывался о Захир Шахе, называл его «отцом нации» и обещал ему значимую роль в разработке новой Конституции [Kenneth Katzman 2008]. Впоследствии Лоя Джирга 2004 г. официально закрепила за бывшим монархом этот титул. «Северный Альянс» в меньшей мере пострадал от этих перестановок, хотя оставление Юнусом Кануни поста министра внутренних дел не могло не сказаться на позициях этой политической группы.

Во-вторых, произошли изменения в этническом составе министров. Преемниками многих покидавших свои посты членов правительства, являвшихся представителями национальных меньшинств, становились этнические пуштуны, как это было в случае с Ю. Кануни. Следует отметить, что в ряде случаев кадровые перестановки «смягчались» переводом бывших министров на менее значимые должности, как это было в случае того же Кануни, занявшего пост советника Х. Карзая, и министра городского развития Абдул Кадыра. В этом случае политический вес перечисленных лиц снижался, однако формально они оставались членами правящей элиты. Кроме того, Х. Карзай проводил кадровую политику, которая, по мнению западных экспертов, была направлена на сбалансирование влияния этнических групп — сокращение влияния этнических таджиков в силовых структурах. Речь идет о крупных кадровых перестановках в армии в сентябре 2003 г., в результате которых 22 представителя таджикской национальности, занимавших высокие посты в армии, были заменены на пуштунов, узбеков и хазарейцев [Kenneth Katzman 2008].

Одновременно с усилением политической борьбы за контроль над правительством активизировалось и вооруженное противостояние в стране. Можно предположить, что до этого момента представители непримиримой вооруженной оппозиции ожидали смягчения политики США и официального Кабула, т. е. готовности вступить

в переговоры о включении боевиков в национальную политическую элиту. Однако, поняв в 2002 г. бесплодность этих ожиданий, вооруженная оппозиция возобновила военное давление на своих противников.

Большой ошибкой оказалась недооценка способности оппозиции к сопротивлению, которая была характерна для западной прессы первой половины 2000-х годов [Giustozzi 2008]. Сопротивление талибов и боевиков из «Аль-Каиды» активизировалось с сентября 2002 г., повстанцы стали предпринимать все более серьезные и опасные нападения на иностранные войска и местные силовые структуры. Изначально наиболее часто действовали группы по 15–20 боевиков, однако, начиная с лета 2003 г., участились случаи нападений отрядов талибов численностью в 100–200 человек. Им удавалось выводить из-под контроля правительственных сил значительные территории в сельской местности, особенно в восточной и южной частях страны.

Несмотря на то, что рост военной активности определялся в основном позицией движения «Талибан» и ИПА, определенную роль в нем сыграло исключение некоторые влиятельных полевых командиров из легальной политической элиты. Например, Аманулла Задран вместе со своим братом Пашой-ханом, лишившимся поста губернатора Пактии, примкнули к вооруженной оппозиции и участвовали в войне против правительства до ареста осенью 2003 г. [http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3461351.stm].

Новая Конституция и президентские выборы

Основанием для новых радикальных перемен в правящей кабульской элите стало принятие зимой 2003–2004 гг. новой Конституции Афганистана. Главным итогом этого акта стало окончательное закрепление верховной власти президента Х. Карзая. Вновь избранному главе государства принадлежали право назначения министров по согласованию с парламентом, главенство над исполнительной властью, обширные полномочия в законодательной и судебной сферах [Сикоев 2004б; Виташов; International Crisis Group 2003].

Вопрос превращения Афганистана в президентскую республику вызвал в ходе работы конституционной Джирги острую дискуссию. Среди делегатов было много сторонников парламентской формы прав-

ления, которые опасались концентрации властных полномочий в руках одного лица. На одном из заседаний Джирги 48 % делегатов даже заявили о намерении бойкотировать дальнейшее обсуждение, если соответствующие положения проекта Конституции не будут пересмотрены. Однако в итоге под давлением США Джирга вынуждена была утвердить «президентскую» версию Основного закона [James Ingalls 2004].

Укрепление президентской власти позволило новому президенту осуществить кардинальную перестройку политической системы в стране. Важнейшей чертой нового передела власти стало выделение и усиление политической группировки, которую можно определить как «технократы». «Технократы» — политики, не имеющие военного опыта, чаще всего эмигранты, не принимавшие активного участия в движении «моджахедов», но обладавшие специальным образованием, полученным за рубежом, и определенными научными и управленческими навыками [Разак Мамун 2007].

На усиление позиций этой группы указывает профессиональный состав министров в правительстве 2004 года. Просматривалась явная тенденция передачи министерских постов лицам, имеющим профессиональное образование без учета их военного опыта. В правительстве 2004 г. большинство министров, в силу тех или иных причин, не участвовало в войне 1979–1989 гг., но зато большинство имело высшее образование, 9 из 25 имели ученые степени² [Биографические данные...]. Укажем на пример того же Мохаммада Фарханга, который перешел с поста министра реконструкции на пост министра торговли и промышленности.

Наряду с ослаблением позиций «моджахедов» произошли и другие политические перемены. Продолжилось ослабление позиций «Северного Альянса» и национальных меньшинств, так как ключевые посты в правительстве продолжали концентрироваться в руках министров-пуштунов. В частности, характерным эпизодом является передача руководства министерством обороны от Мохаммад Касима Фахима к Абдул Рахиму Вардаку, его бывшему заместителю.

² Биографические данные членов правительства взяты из справки Института исследования Афганистана // URL: <http://www.institute-for-afghan-studies.org/Documents/1stCabinet.html> (дата обращения: 20.12.2013).

Наконец, усиление Х. Карзая и рост числа министров-«технократов» привели к восстановлению влияния «Римской группы». Ее представитель Хадайт Арсала стал куратором экономического блока в кабинете министров Хамида Карзая (этот пост он занимал вплоть до 2009 г.). Еще минимум двое членов правительства принадлежали к «римлянам».

Важной составляющей политики, осуществлявшейся в 2004 г., стала интеграция полевых командиров в официальную политическую систему страны, укрепившая центральную власть Кабула в провинциях. Исмаил Хан получил в новом правительстве пост министра энергетики и водных ресурсов, ряд полевых командиров в Балхе и Джелалабаде получили должности начальников местных полицейских управлений. В рамках этого процесса влиятельный в то время на севере Афганистана узбекский генерал Абдул Рашид Дустум согласился переехать в Кабул, получив должность специального советника президента страны по военным вопросам и проблемам безопасности [Независимое военное обозрение].

Важным последствием принятия новой Конституции стало также развитие новой партийной системы Афганистана, охарактеризованное некоторыми российскими авторами как «партийный бум» [Сикоев 2004: 12–16]. По состоянию на 2005 г. в стране было зарегистрировано 80 политических партий, 33 из которых принимали реальное участие в парламентских выборах. Однако, несмотря на массовую регистрацию партий, для афганской политической жизни осталось характерным непубличное участие партийных организаций в предвыборных кампаниях. Так, лишь 12 % кандидатов в Волуси Джиргу официально баллотировались как представители от той или иной партии, однако по итогам выборов 200 из 249 избранных депутатов принадлежали к одной из партий или проявляли себя как активные сторонники таковой [Elliot 2009].

Еще одним политическим итогом рассматриваемого периода стало сокращение активности иностранных войск в Афганистане. 2004 г. стал переломным для коалиционных сил, ведь именно в этот период, после начала активной фазы иракской кампании, США переключили свое внимание на Ирак. Это не означало отказ от защиты уже занимаемых территорий и поддержки режима Хамида Карзая, однако вело к со-

кращению военного давления на боевиков. В результате этого активность талибов значительно возросла, как и роль в их деятельности религиозных экстремистов из иностранных государств. Именно в этот период в Афганистане участились теракты с использованием «живых бомб», что несвойственно менталитету афганцев [Нечитайло]. Иностранная коалиция не давала вооруженной оппозиции должного отпора, что вело к усилению влияния «Галибана» и деградации обстановки в сфере безопасности вплоть до конца первого десятилетия 2000-х гг.

* * *

Для западных стран, на фоне начала вывода иностранных войск, главной задачей афганской миссии становится решение проблем безопасности и устранение угроз политическому режиму в Кабуле, которые за последние годы лишь возросли. Этот вопрос стал центральной темой второй Боннской конференции. Таким образом, если участники первой Боннской конференции пытались решить проблемы постталибского Афганистана, то предметом внимания участников второй Боннской конференции стало обсуждение политической архитектуры постнатовского Афганистана.

Один из главных «менеджеров» первой Боннской конференции по Афганистану, специальный представитель Генерального секретаря ООН Ахзар Ибрагим, по завершении работы 9-дневной первой конференции в Бонне выразил надежду, что ее итоги станут основой для установления мира в Афганистане после 20 лет войны. Спустя 13 лет можно сказать, что все решения, принятые в 2001 г. в Бонне, были выполнены: принята Конституция, избраны президент и парламент страны.

Однако пока не приходится говорить об установлении мира и стабильности в Афганистане. Выборы главы государства и парламента сопровождались сообщениями о массовых фальсификациях. Эти события привели к дестабилизации политической ситуации. Западные политики и эксперты неоднократно высказывали озабоченность высоким уровнем коррупции в государственных органах власти Афганистана. Афганские власти, в свою очередь, не принимают эту критику, утверждая, что основу сложившейся системы заложили западные специалисты. Возможно, выполнение реше-

ний Боннской конференции дало бы больше положительных результатов, если бы с самого начала проходило с учетом местной и региональной специфики.

Очевидно, что афганский политический процесс, по мере приближения даты вывода из Афганистана основных сил США и НАТО, будет приобретать новую остроту и динамику. Связи между основными субъектами политического процесса будут становиться менее устойчивыми, следует ожидать разрушения нынешних и образования новых политических союзов и коалиций, которые, в свою очередь, не будут отличаться долговечностью и надежностью.

На ближайшие годы основными проблемами афганского политического процесса, на наш взгляд, станут:

- сохранение целостности государства,
- модернизация государственно-политической системы страны при сохранении ее устойчивости и стабильности,
- обеспечение баланса сил и интересов между основными этническими группами — между пуштунами и непуштунами,
- интеграция в политический процесс различных фракций вооруженной оппозиции,
- разработка приемлемых для большинства населения страны моделей социального, политического и религиозного поведения, а также идеологических проектов, способных содействовать решению задач консолидации афганского общества.

Сложность решения задач, стоящих перед афганским обществом, предъявляет особые требования к качеству афганской политической элиты, а также предполагает надежное партнерство Афганистана с заинтересованными международными организациями и государствами. Очевидно, что без такого партнерства основные национальные государственно-политические задачи, составляющие содержательную часть афганского политического процесса, не могут быть решены.

Литература

- Акимбеков С. М.* Афганский узел и проблемы безопасности Центральной Азии. Алматы, 2003.
- Арунова М. Р.* Афганистан на перепутье // Азия и Африка сегодня. № 1. 2005. С. 16–18.
- Арунова М. Р.* К вопросу о стабилизации обстановки в Исламской Республике Афганистан. Ч. 1 [электронный ресурс] // URL: <http://www.journal-neo.com/?q=ru/print/8806> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Виташов Д. С.* Основы конституционного строя Афганистана по конституции 2004 г. [электронный ресурс] // URL: <http://www.crisisweb.org/home/getfile.cfm?id=1050> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Жаккар Р.* Секретные архивы Аль-Каиды. Разоблачающие материалы о последователях бен Ладена. Перевод с французского Н. Качахидзе. М.: Столица-Принт, 2007.
- Зеличенко А. Л.* История интегрирования Кыргызстана в международный процесс противодействия афганской наркоэкспансии: 1991–2002 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2003.
- Искандаров К.* Общественно-политические движения в Афганистане: 1945–2001. Дис. ... д-ра ист. наук. Душанбе, 2004.
- Конституция ИРА*, статьи 60, 71 [электронный ресурс] // URL: <http://www.afghanistan.ru/doc/3032.html> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Коргун В. Г.* Афганистан в начале XXI века. Сб. ст. М.: Ин-т Ближн. Востока, 2004.
- Коргун В. Г.* Афганистан. Президентские выборы и выбор ориентиров // Азия и Африка сегодня. № 4. 2005. С. 41–49.
- Коргун В. Г.* Интеллигенция в политической жизни Афганистана. М.: Наука, 1983.
- Мамун, Разак.* Текнократхай мосалах. Кабул: Интишарат-е-саид. 2007.
- Можда В.* Афганистан ва пяндж сал салтанат-е талибан. Тегеран, 2003.
- Можда В.* Афганистан от первой боннской конференции до второй [электронный ресурс] // URL: <http://www.farsi.ru/doc/4531.html> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Независимое военное обозрение* [электронный ресурс] // URL: http://nvo.ng.ru/wars/2003-05-30/2_korotko.html (дата обращения: 20.12. 2013).
- Нессар О.* Афганский кризис и проблема региональной безопасности [электронный ресурс] // URL: <http://ria.ru/politics/20101019/287107016.html> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Нечитайло Д. А.* Особенности использования террористов-смертников в Афганистане. [электронный ресурс] // URL: <http://i-r-p.ru/page/stream-exchange/index-15617.html> (дата обращения: 20.12. 2013).
- Резолюция 1386* (2001), принятая Советом Безопасности на его 4443-м заседании, 20 декабря 2001 года. Электрон. текстовые данные.

- Женева: Организация Объединенных Наций, 2001 [электронный ресурс] // URL: <http://www.un.org/russian/document/scresol/res2001/res1386.htm> (дата обращения: 21.04.2011).
- Сикоев Р. Р.* Афганистан в преддверии президентских выборов // *Азия и Африка сегодня*, № 8, 2004. С. 12–16.
- Сикоев Р.* Основной закон 2004 года в контексте афганского конституционализма // *Азия и Африка сегодня*. 2004. № 6.
- Сикоев Р. Р.* Талибы: религиозно-политический портрет. М.: Ин-т Востоковед. РАН, 2004
- Слинкин М. Ф.* Афганистан: страницы истории (80-90-е гг. XX века). Симферополь, 2003.
- Слинкин М. Ф.* Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки – Амина (1978–1979 гг.). Симферополь, 1999.
- Хохлов И. И.* Развитие наркобизнеса в условиях контртеррористической операции в Афганистане // *Мировая экономика и международные отношения*. 2006. № 6.
- Agreement on Provisional Arrangements in Afghanistan Pending the Re-Establishment of Permanent Government Institutions* [электронный ресурс] // URL: <http://www.unric.org/de/frieden-und-sicherheit/26329> (дата обращения: 20.12.2013).
- Edwards D. B.* Before Taliban. Genealogies of the Afghan Jihad. Berkeley-Los Angeles-London, 2002.
- Elliot A.* Political Party Development in Afghanistan: Challenges and Opportunities ‘Policy Options for State-Building in Afghanistan’ SAIS Spring, 2009 Электрон. текстовые данные. [электронный ресурс] // URL: <http://www.sais-jhu.edu/academics/regional-studies/southasia/pdf/Afghanistan%20Political%20Parties%204ELLIOT.pdf> (дата обращения: 22.04.2011).
- Filling. The Vacuum. The Bonn Conference*– Электронные текстовые данные. Berlin: WGBH Educational Foundation, 2001 [электронный ресурс] // URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/campaign/withus/cbonn.html> (дата обращения: 22.04.2011).
- Giustozzi A.* Koran, Kalashnikov, and laptop: the neo-Taliban insurgency in Afghanistan. New York: Colombia University Press, 2008. (дата обращения: 20.12.2013).
- Ingalls James.* The New Afghan Constitution. A Step Backwards for Democracy // *Foreign Policy in Focus*, March 13, 2004. В. R. Rubin Creating Constitution for Afghanistan [электронный ресурс] // URL: <http://www.cic.nyu.edu/peacebuilding/oldpdfs/JOD%20published.pdf> (дата обращения: 20.12.2013).
- International Crisis Group, “Afghanistan: The Constitutional Loya Jirga” (Kabul/Brussels: ICG), December 12, 2003 [электронный ресурс] // URL: <http://www.crisisweb.org/home/getfile.cfm?id=1050> (дата обращения 24.03.2011).
- Katzman, Kenneth.* Afghanistan: Post-War Governance, Security, and U.S. Policy. Congressional Research Service. Order Code RL30588. November 26, 2008 [электронный ресурс] // URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ADA490415&Location=U2&doc=GetTRDoc.pdf> P. CRS-9 (дата обращения: 20.12.2013).
- Lister S.* Understanding State-Building and Local Government in Afghanistan. Электрон. текстовые данные. Crisis States Research Centre, London School of Economics, 2007 [электронный ресурс] // URL: http://se2.isn.ch/serviceengine/Files/RESSpecNet/57452/ipublicationdocument_singledocument/509F5143-BF56-4B72-8360-849F9D0E0E15/en/wp14.2.pdf (дата обращения: 22.04.2011).
- Nojumi N.* The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Religion. New York: Palgrave, 2002. URL: <http://www.nps.edu/Academics/centers/ccc/publications/OnlineJournal/2006/Feb/johnsonFeb06.pdf> (дата обращения: 20.12.2013). URL: <http://www.institute-for-afghan-studies.org/Documents/1stCabinet.html> (дата обращения: 20.12.2013). URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/1457405/Afghan-aviation-minister-killed-inambush.html> (дата обращения: 20.12.2013). URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/south_asia/3461351.stm (дата обращения: 20.12.2013). URL: <http://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/campaign/interviews/abdullah.html> (дата обращения: 20.12.2013).

УДК 316.4
ББК 60.59

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: МОНИТОРИНГ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОГО И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В РЕСПУБЛИКЕ КАЛМЫКИЯ

И. В. Лиджиева, С. Н. Немгирова

В условиях глобализации мирового сообщества одними из характерных его признаков являются интенсивное взаимодействие народов, интернационализация культур. В России и ее субъектах процесс интеграции как утверждения межнационального гражданского единства и формирования государственности народа определен историческим развитием. Сложившиеся на протяжении веков нравственные устои изначально многонационального российского общества в своей основе имеют такие ценностные принципы, как интернационализм, веротерпимость, стремление к консолидации. «Вместе с тем в сфере межнациональных отношений имеются нерешенные проблемы, вызванные как глубокими общественными преобразованиями при формировании в современной России свободного открытого общества и рыночной экономики, так и некоторыми просчетами в государственной национальной политике Российской Федерации. Сохраняют актуальность

проблемы, связанные с проявлениями ксенофобии, межэтнической нетерпимости, этнического и религиозного экстремизма, терроризма» [Указ 2012].

Калмыцкая степь, расположенная на перекрестке цивилизаций Европы и Азии, всегда была своеобразной платформой, где происходили процессы взаимодействия различных культур и религий. Как было отмечено Главой Республики Калмыкия А. Орловым, «Калмыкия всегда являлась и является регионом стабильности на Юге России, где в мире и согласии проживают представители разных национальностей, религиозных конфессий» [Межнациональное соглашение 2012: 2]. Республика Калмыкия — один из многонациональных субъектов Российской Федерации, на территории которого проживают представители около 100 национальностей. Соотношение численного состава народов, населяющих республику, представлено в табл. 1.

Таблица 1. Национальный состав населения по данным переписи населения 2010 г. [Республика Калмыкия 2012: 22]

	тыс. чел.	% от общей численности населения
Калмыки	162,7	56,2
Русские	85,7	29,6
Представители других национальностей	50,1	14,2

В последние десятилетия Республика Калмыкия, в которой были сохранены мир и спокойствие в кризисные 1990-е и в начале 2000-х гг., становится миграционно привле-

кательным регионом, как свидетельствуют данные о национальном составе населения и положительной динамике числа прибывающих в Республику Калмыкия (табл. 2).

Таблица 2. Число прибывших в Республику Калмыкия (чел.)

2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
6511	7229	10492	11888

Согласно данным отдела Федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия, численность иностранных граждан, прибывающих на территорию субъек-

та, имеет тенденцию ежегодного роста в среднем на 25,6 % (табл. 3). За последние годы наибольшую долю поставленных на миграционный учет составляют гражд-

дане бывших союзных республик СССР — 7,8 %, Украины — 7,4 %, Республики Таджикистан — 4,1 %, Республики Армения — 3,3 %, Киргизской Республики — 1,7 % [Доклад].

Таблица 3. Число иностранных граждан и лиц без гражданства, поставленных на миграционный учет (чел.)

2009 г.	2010 г.	2011 г.	2012 г.
4567	5325	5830	6178

Одним из принципиально важных субъектов реализации национальной политики в регионе, сохранения межнационального мира и согласия, обеспечения информационных, образовательных, культурных и иных гуманитарных запросов и потребностей жителей Калмыкии разных национальностей являются национально-культурные общественные объединения (НКОО). По данным Министерства юстиции Российской Федерации, в Республике Калмыкия зарегистрированы следующие НКОО: Казахский культурный центр «Жерлестер», Армянский культурный центр «Эребуни», Общественная организация «Азербайджанский конгресс», Калмыцкое республиканское общество калмыцко-корейской дружбы, Калмыцкая общественная организация «Дагестанская диаспора», Общественно-культурное объединение чеченцев «Согласие» («Барт»), Общественная организация «Культурный центр турок-месхетинцев», Общественный фонд туркмен Республики Калмыкия «Бирлик» («Единство»), Общественная организация Местная немецкая национально-культурная автономия «Возрождение» [Официальный].

Основными направлениями деятельности НКОО в Калмыкии являются: приобщение жителей республики к культурным ценностям народов, проживающих на территории региона; возрождение, сохранение и развитие национальной культуры и традиций своего народа; изучение родного языка; оказание правовой, социальной и иной поддержки представителям своей диаспоры; установление контактов с исторической родиной. На территории региона также активно действуют и незарегистрированные НКОО, которые вносят свой вклад в создание этнокультурного облика республики.

В 2012 г. Институт комплексных исследований аридных территорий провел методом полуструктурированного интервью по теме «Этноконфессиональное и меж-

культурное взаимодействие в Республике Калмыкия» опрос экспертов, в качестве которых выступили представители органов власти, национальных культурных и религиозных организаций, СМИ и научной общественности. 66,7 % участников опроса указали на то, что НКОО оказывают содействие в гармонизации межнациональных отношений в республике, 33,3 % опрошенных затруднились ответить. Абсолютное большинство экспертов согласны с мнением о том, что взаимодействие НКОО с органами власти влияет на ситуацию в сфере межнациональных отношений. 53,3 % экспертов оценивают это взаимодействие как эффективное, двустороннее, 40 % считают, что оно ограничивается лишь обменом общей информацией. В качестве новаций взаимодействия органов власти и управления с НКОО необходимо выделить поддержку проектов и программ, инициируемых национально-культурными объединениями, которые осуществляются через бюджетное финансирование, гранты, социальный заказ. В этих условиях актуализируется задача оптимизации государственной политики, направленной на интеграцию этнических диаспор в социокультурное пространство республики.

Динамичность этнокультурных процессов современного российского общества, включенного в процессы глобализации, а также потребность в управлении и оптимизации межнационального и межкультурного взаимодействия актуализируют необходимость разработки на региональном уровне политики, исходным пунктом которой является мониторинг социального самочувствия населения и характера межэтнических отношений. Согласно Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации, задачей научного сообщества является своевременное выявление факторов, которые могут вызвать напряженность в сфере этнокультурного взаимодействия.

Такая постановка проблемы определила содержательную направленность социологических исследований Института комплексных исследований аридных территорий в 1999, 2002, 2007 и 2011–2013 гг.

В данной работе был сделан акцент на анализ полевых материалов за 2012 и 2013 гг. по теме «Этноконфессиональное и межкультурное взаимодействие в Республике Калмыкия». Объектом исследования выступили представители этносов, проживающих на территории региона, в возрасте от 18 лет и старше. Для сбора первичной информации использовались методы анализа документов и массового анкетного опроса. Выборка массовых опросов проектировалась как территориальная и квотная по полу, возрасту и национальности в соответствии со Всероссийской переписью 2002 и 2010 гг. Объем выборки в 2011 г. составил 386 чел., в 2012 г. — 386 чел., в 2013 г. — 509 чел.

Сохранение стабильности и безопасности в регионе является характерной особенностью республики. На современном этапе на первый план выдвигается задача формирования общероссийской идентичности. Если в 2012 г. прежде всего россиянами ощущали себя 59,3 % респондентов, то в 2013 г. — 44,8 %, представителями своей национальности — соответственно 32,4 % и 42,0 %. Согласно результатам опроса, наметилась тенденция к снижению уровня самоидентификации респондентов как россиян при росте национального самосознания у представителей всех национальностей, принявших участие в опросе.

Испытывают гордость от принадлежности к своей национальности 75,4 % участников опроса, в то время как по отношению

к гражданству — чуть больше половины респондентов, что меньше, чем в 2012 г. на 8,7 %. Эти данные также подтверждают наметившуюся тенденцию. В 2013 г. 84,2 % калмыков, 70,1 % представителей других национальностей и 62,6 % русских отметили, что испытывают гордость от принадлежности к своей национальности. Следует отметить, что привязанность к своему народу в большей степени характерна для малочисленных наций, в чем выражается стремление к сохранению себя как этноса.

Если в 2012 г. только 37,0 % респондентов оценивали межнациональные отношения в республике в целом как благоприятные, то в 2013 г. — 44,4 %, причем в 2013 г. такого мнения придерживаются 64,9 % калмыков, что почти в два раза больше, чем в 2012 г. Можно предположить, что рост данного показателя связан с положительными тенденциями в решении социально-экономических проблем в регионе, подтверждением чему является более высокий показатель благоприятной оценки сельскими жителями, нежели городскими. Между тем незначительная тревога в данной сфере сохраняется у лиц в возрасте 18–29 лет, большинство из которых (57,4 %) оценивают межнациональные отношения в республике как стабильные, но не беспроблемные. Как благоприятные оценивают межнациональные отношения в регионе 44,2 % русских (в 2012 г. — 34,6%), 43,3 % представителей других национальностей (50,8 % — в 2012 г.). О преобладании гармоничных отношений между всеми народами, проживающими на территории республики, свидетельствуют продолжающиеся снижаться показатели оценки межнациональных отношений как «напряженных, тревожных» (табл. 4).

Таблица 4. Оценка межнациональных отношений как «напряженных, тревожных» (в % от числа опрошенных)

Национальность	2012 г.	2013 г.
Калмыки	4,9	2,5
Русские	8,0	4,3
Представители других национальностей	3,3	3,0

Динамика оценки межнациональных отношений респондентами в месте своего проживания в 1999–2013 гг. представлена на рис. 1. Максимальный уровень положительных оценок межнациональных отношений респондентами в местах своего проживания

приходится на начало 2000-х гг. и 2013 г., которые характеризуются относительной стабильностью, в отличие от переходного периода конца XX в. и периода преобладания посткризисных тенденций новейшей истории.

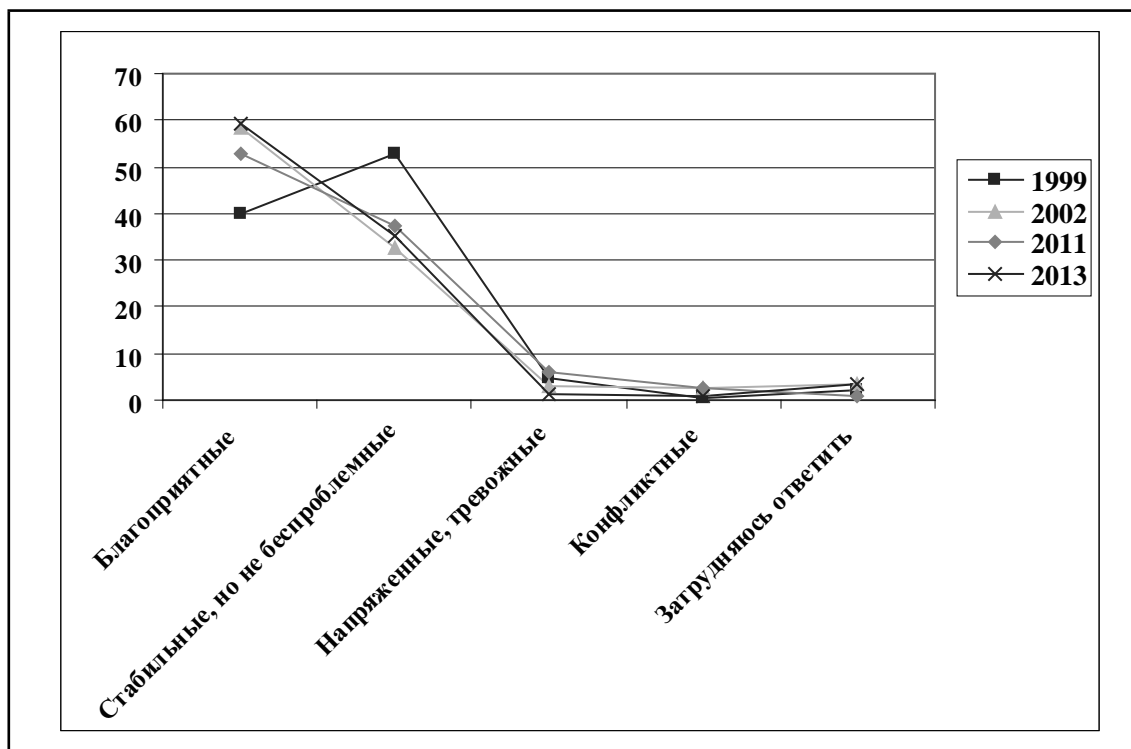

Рис. 1. Оценка межэтнических отношений населением в месте своего проживания (в % от числа опрошенных)

Можно предположить, что позитивные тенденции в оценках состояния межэтнических отношений в регионе также связаны с реализацией национального проекта «Развитие агропромышленного комплекса» (Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынка сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 гг.), который способствует решению проблем занятости и роста доходов населения, оптимизации инфраструктуры и др. Создание благоприятных условий для развития этого сектора связано с субсидированием кредитов, организацией закупок продукции на местах, поставкой сельскохозяйственной техники на условиях лизинга и т. д. Но при этом «нельзя не учитывать и того, что рынок труда Калмыкии вследствие специфики ее экономического профиля (доминирование животноводства и отсутствие крупной промышленности) достаточно узок и не в состоянии обеспечить занятости значительного количества мигрантов [Очирова 2011: 135].

Благоприятная сфера межэтнических отношений предполагает наличие высокого

уровня правовой культуры, проявляющейся прежде всего в уважении к национальным и религиозным чувствам других, т.е. толерантности, тенденция которой наметилась в регионе, что подтверждается результатами исследования. Уменьшилась доля тех респондентов, которые сталкивались со случаями ущемления национальных интересов и чувств, что, в свою очередь, привело к ее снижению и при ответе на вопрос: «Были ли в течение года в Вашем городе/селе насильственные столкновения?». В 2012 г. признавали факт конфликтов на национальной почве 13,7% респондентов, в 2013 г. — 12,2%, на религиозной почве — 4,1% и 2,9%, соответственно.

Хозяйственная система южного макро-региона значительно стратифицирована, ее укрупненные сегменты исторически складывались под влиянием этнокультурных, ресурсных, коммуникационных, природных и других факторов. Геоклиматические условия повлияли на специализацию Калмыкии как животноводческого сектора на Юге России (табл. 5).

Таблица 5. Специализация сельскохозяйственного производства в южном макрорегионе (в %) [Матишов, Батиев, Котеленко 2007: 94]

	2006 г.		2009 г.	
	Растениевод- ство	Животновод- ство	Растениевод- ство	Животновод- ство
ЮФО				
Астраханская область	52	48	59	41
Волгоградская область	63	37	61	39
Ростовская область	61	39	51	49
Краснодарский край	60	40	60	40
Республика Адыгея	51	49	63	37
Республика Калмыкия	24	76	21	79
СКФО				
Ставропольский край	64	36	62	38
Республика Дагестан	53	47	50	50
Республика Ингушетия	46	54	31	50
Карачаево-Черкесия	52	48	38	62
Кабардино-Балкария	60	40	55	45
Чеченская республика	25	75	28	72
Северная Осетия (Алания)	40	60	30	70

Положительно относятся к увеличению численности представителей других национальностей в республике 32,0% опрошенных, что на 8,7 % больше, чем в 2012 г. Но при этом 34,1 % сельских жителей не одобряют процесс миграции на территорию республики. Следует предположить, что именно мигранты (в основном представители этнических групп Северного Кавказа, для которых животноводство является характерной отраслью хозяйствования) становятся конкурентами на рынке труда. Рост численности внешних мигрантов привел и к увеличению конкуренции в строительстве, торговле и сфере услуг. В условиях безработицы данный процесс может послужить катализатором негативных явлений в сфере межнационального взаимодействия.

К миграции положительно относятся 55,3 % респондентов с неполным средним образованием, и только 27,5 % — с высшим. При этом подавляющее большинство респондентов готовы принять человека другой национальности как гражданина государства, делового партнера, коллегу по работе, соседа и друга. В то же время представителя другой национальности как потенциального члена семьи рассматривают одинаково стабильно и в 2012 г., и в 2013 г. 55 % респондентов. Более консервативны в этом вопросе респонденты мужского пола, проживающие в сельской местности, как калмыки, так и представители других на-

циональностей. Можно предположить, что такие настроения связаны со стремлением к сохранению своего народа в полиэтничном пространстве. Традиционализм в семейно-брачных отношениях характерен для респондентов данной группы, что еще раз объясняет консервативность взглядов по данному вопросу.

Сложившееся положение еще раз подтверждает гипотезу о влиянии социально-экономических причин на межнациональные отношения. Своевременное выявление негативных тенденций в данной сфере позволяет органам государственной власти республики скорректировать направления проводимой национальной политики.

Современное законодательство «гарантирует свободу совести, свободу вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними» каждому гражданину. Согласно принятому 5 апреля 1994 г. Степному Уложению (Основному Закону) Калмыкии, республика «разделяет ответственность за существующие глобальные общечеловеческие проблемы и обязуется прилагать усилия к их разрешению в духе любви, сострадания, милосердия и прогресса, содействуя устройству мира и согласия на Земле» [Степное Уложение 1994: 3].

Наряду с констатацией положительной динамики оценки межнациональных отношений также можно отметить рост уровня религиозности среди населения республики. Если в 2007 г. к верующим себя относили только 43 % респондентов, то в 2013 г. — уже 66,8 %. В зависимости от возраста наблюдается незначительное уменьшение этого показателя: верующими считают себя 67,6 % молодых людей — по сравнению с 64,7 % респондентов 60 лет и старше. Следствием атеистической политики, проводившейся в СССР, стало формирование соответствующих взглядов у старшего поколения, в постсоветский же период, характеризовавшийся процессами демократизации и возрождения религиозных институтов, созданы условия для свободного выбора и в сфере вероисповедания.

Абсолютное большинство последователей всех религий, участвовавших в опросе, положительно относятся к людям, исповедующим другую религию, веру, а также к исполнению религиозных обрядов представителями различных конфессий. В то же время на 11,1% уменьшилась доля тех, кто считает, что религия способствует сохранению национальной культуры и традиций (78,5 % в 2012 г. против 67,4 % в 2013 г.), возросло число респондентов, ответивших, что религия является фактором возникновения конфликтов на религиозной почве (5,7 % и 8,6 %, соответственно).

Государственно-конфессиональные отношения в Республике Калмыкия отличаются позитивной динамикой. В 2004 г. по инициативе Объединения буддистов Калмыкии, Элистинской и Калмыцкой Епархии Русской Православной церкви и Духовного управления мусульман РК в республике был создан Межрелигиозный совет традиционных конфессий, деятельность которого способствует обеспечению межрелигиозного и

межэтнического мира и согласия, предотвращению конфликтов на этноконфессиональной почве, утверждению в обществе традиционных духовных ценностей.

Результаты опроса экспертов показали, что Центральный Хурул «Золотая обитель Будды Шакьямуни» и Русская Православная церковь оказывают наибольшее положительное влияние на состояние межнациональных и межконфессиональных отношений в республике, в то время как все течения протестантского толка, напротив, вносят дисгармонию в эти отношения. 25 % экспертов считают, что деятельность таких организаций, как «Свидетели Иеговы», следует ограничить или вообще запретить.

В понятие «национальная культура», как показывают результаты опроса, респонденты в первую очередь включают традиционную культуру этноса — те ценности, которые способствуют сохранению национального своеобразия и языка. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько хорошо Вы знаете свою национальную культуру?» — распределились следующим образом (табл. 6). На первое место большинство респондентов поставили соблюдение национальных традиций, обычаев и религиозных обрядов. Такого мнения придерживается подавляющее большинство калмыков (73,1 %), 54,6 % представителей других национальностей и 52,2% русских. Соблюдают национальные традиции, обычаи и религиозные обряды в большей степени женщины (67,2 %), чем мужчины (61,3 %). По всей видимости, это обусловлено ролью женщины в семье и домашнем хозяйстве. Несмотря на то что, согласно устоявшемуся мнению, в сельской сфере сохраняется культура, традиции и обычаи народа, показатель сельских респондентов (61,4 %) на 6,7 % меньше, чем городских (68,1 %).

Таблица 6. *Распределение ответов на вопрос: «Насколько хорошо Вы знаете свою национальную культуру?» (в % от числа опрошенных)*

1.	Соблюдаю национальные традиции, обычаи и религиозные обряды	64,4
2.	Готовлю национальные блюда	63,9
3.	Говорю на родном языке	62,7
4.	Участвую в национальных праздниках	55,0
5.	Приобщаю детей к национальной культуре	42,8
6.	Хорошо знаю историю родного края	37,9
7.	Знаю, изучаю народное творчество	21,7
8.	Располагаю предметами национальной принадлежности	21,7
9.	Плохо знаю свою национальную культуру	8,8

Знание традиций своей культуры также проявляется в приготовлении национальных блюд (этот ответ в оценках респондентов занимает второе место): пища — составляющая традиционной культуры народа, которая является одним из важнейших признаков этноса, практически не зависимым от политического режима, формы правления. Если в известные исторические периоды речевая деятельность на родном языке не приветствовалась и во многих ситуациях осуждалась, то запретить приготовить, например, калмыцкий чай было невозможно. В связи с этим все участники опроса, вне зависимости от национальности, образования, места жительства, отмечают, что знание ими своей национальной культуры проявляется в приготовлении блюд национальной кухни.

Особо следует отметить, что 62,7 % респондентов на третье место поставили ответ «говорю на родном языке»: абсолютное большинство респондентов русской (82,8 %) и других национальностей (70,1 %), и только 49,1 % калмыков. Большинство калмыков, участвовавших в опросе и говорящих на калмыцком языке, проживают в сельской местности (56,2 %) и 43,8 % — в городе. Наименьший показатель говорящих на родном языке (51,5 %), зафиксированный у молодых людей, объясняется как последствиями депортации, так и формированием новых приоритетов у молодежи в условиях глобализации.

Вызывает определенную тревогу тот факт, что хорошо знают историю родного края только 37,9 % респондентов, из них — 42,7 % калмыков, 32,5 % русских и 31,3 % представителей других национальностей. В зависимости от возраста наблюдается следующая тенденция: чем старше респонденты, тем больше они знают историю своего народа. Так, этот показатель у участников опроса, достигших 60 лет и старше, составляет 44,7 %, а у молодых респондентов — 35,3 %. Подобная ситуация складывается и с приобщением детей к национальной культуре: чем старше респондент, тем выше показатель.

На вопрос: «Интересует ли Вас культура народов, проживающих на территории республики?» — подавляющее большинство респондентов ответили утвердительно (62,9 %), не проявляют интереса к культуре других народов 25,3 % опрошенных. В большей степени интерес к культуре других народов проявляется в изучении быта, обрядов, традиций, кухни других на-

родов (30,6 %); прослушивании музыки разных народов, классической и эстрадной (29,7 %); посещении национально-культурных мероприятий, концертов, фестивалей, театров (28,9 %) и т. д.

Большее половины респондентов считают, что народы, проживающие на территории республики, имеют одинаковые возможности для развития своей национальной культуры, но в то же время каждый четвертый полагает, что не все этнические группы имеют равные возможности, 8,1 % участников опроса выразили отрицательное мнение по этому поводу. Можно предположить, что в республике создана благоприятная среда для развития национальных культур народов, проживающих на ее территории, но необходимо обратить внимание и на наличие приведенного количества отрицательных ответов участников опроса.

В решении вопросов межличностного общения представителей социально-этнических групп важную роль играют средства массовой информации. 68,0% опрошенных согласны с тем, что СМИ способствуют формированию доброжелательного отношения к представителям различных национальностей и религий. Однако результаты контент-анализа республиканской и городской прессы, на наш взгляд, свидетельствуют о том, что СМИ не уделяют должного внимания освещению этнокультурной тематики. Так, в газете «Известия Калмыкии» за 2 полугодие 2012 г. вопросы межкультурного взаимодействия освещались лишь в некоторых статьях и заметках. Между тем СМИ обладают огромным потенциалом для пропаганды ценностей мира и согласия в межнациональных и межконфессиональных отношениях, содействия свободному и открытому диалогу, обсуждению имеющихся проблем.

Анализ статистических и социологических данных, полученных в ходе исследования, свидетельствует о том, что в Республике Калмыкия социальное самочувствие в сфере межнациональных отношений характеризуется относительной стабильностью при наличии небольшого уровня тревожности, что указывает на необходимость коррекции политики, проводимой властями различного уровня в данном полиэтничном регионе. От оптимально выстроенного взаимодействия органов государственной власти с НКО во многом зависит этнополитическая и этносоциальная ситуация в республике.

По нашему мнению, беспокойство населения связано с социально-экономическими и бытовыми причинами, которые обусловлены ростом миграционных процессов на территории Калмыкии. Миграцию в пределы республики можно объяснить межнациональной стабильностью региона, этнической толерантностью титульной части населения, территориальной привлекательностью, животноводством как основной отраслью экономики. Все это, в свою очередь, ведет к росту конкуренции на региональном рынке труда.

Таким образом, в этнокультурном развитии Республики Калмыкия выявляются следующие тенденции:

1. Регион характеризуется наличием благоприятной межнациональной среды как для внутренних, так и для внешних мигрантов. В то же время полученные данные свидетельствуют о том, что население титульной национальности обеспокоено сложившейся в сфере межнациональных отношений ситуацией, оценивая ее как стабильную, но не беспроблемную, что свидетельствует о наличии в республике латентного уровня межэтнической напряженности.

2. Национальные группы имеют различные приоритеты в вопросах самоидентификации. Для абсолютного большинства респондентов русской национальности общегражданская идентичность имеет первостепенное значение, тогда как для большинства респондентов-калмыков таковое значение имеет этническая идентичность, что, на наш взгляд, связано с низким демографическим воспроизводством калмыков и стремлением их сохраниться как народ в полиэтничном обществе.

3. Республика Калмыкия является благоприятным регионом не только для развития национальных культур, но и для взаимообогащающего диалога между народами. Этнокультурные предпочтения населения ориентированы на ценности как собственных этнических групп, так и других национальностей, что проявляется в интересе к традициям других народов, к их музыке, посещении национально-культурных мероприятий, концертов, фестивалей, театральных постановок.

4. В регионе фиксируется положительная динамика в области межконфессионального взаимодействия, которая обусловлена исторически сложившимися особенностями взаимопомощи и уважения друг к другу всех проживающих здесь народов.

5. Органами власти не в полной мере используется потенциал НКО в плане интеграции этнических диаспор в социокультурное пространство республики, гармонизации межнациональных и межконфессиональных отношений в Калмыкии.

Дальнейшее изучение этнокультурных характеристик региона позволит выявить его специфику, прогнозировать и предупреждать возникновение межэтнических и межконфессиональных противоречий и конфликтов, а также послужит эффективной реализации Стратегии национальной государственной политики РФ. Сохранение этнокультурного многообразия, межнационального мира и согласия, обеспечение бережного отношения к национально-культурной самобытности народов Российской Федерации являются важными концептуальными направлениями развития как государства, так и общества.

Литература

- Доклад* о результатах и основных направлениях деятельности отдела федеральной миграционной службы по Республике Калмыкия на 2012 год и плановый период 2013, 2014 и 2015 годов [электронный ресурс] // URL: <http://www.fms08.ru/> (дата обращения: 12.08.2013).
- Матишов Г. Г.*, Батиев Л. В., Котеленко Д. Г. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Т. II. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2007. 176 с.
- Межнациональное согласие* — это диалог и кропотливая работа // Элистинская панорама. 25 января 2012 г. № 11 (1791).
- Очирова Н. Г.* Трансформация социально-демографической структуры населения в конце XX и начале XXI вв. (на примере Республики Калмыкия) // Каспийский регион: политика, экономика, культура № 3. 2011. С. 131–136.
- Официальный сайт* Министерства юстиции Российской Федерации // [электронный ресурс] // URL: <http://unro.minjust.ru/> (дата обращения: 12.08.2013).
- Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2012: Стат. сб./* Калмыкиястат. Элиста, 2012. 299 с.
- Степное Уложение* (Основной закон) Республики Калмыкия. Элиста: Калм. кн. из-во, 1994. 12 с.
- Указ* Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [электронный ресурс] // URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 12.08.2013).

**СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПРОФСОЮЗА РАБОТНИКОВ
ПРОСВЕЩЕНИЯ В КАЛМЫКИИ: 1921–1928 гг.***Е. В. Сартикова*

Профсоюзы – это один из важнейших социальных институтов общества. Современные условия требуют поиска новых форм и методов работы профсоюзов для эффективного выполнения ими своих функций по обеспечению защиты интересов работников. Это актуально как для федеральных, так и региональных органов российских профсоюзов.

Первый этап профсоюзного движения в Калмыкии охватывает период с 1920 по 1928 гг. Этот период характеризуется процессом перехода калмыков на оседлый образ жизни, что «означало не просто смену форм быта степных кочевников. Он был обусловлен, в конечном счете, сменой форм хозяйствования, переходом к новым занятиям и производствам — земледелию и рыболовству, к кустарным промыслам и мелкой торговле» [Бадмаева 2008: 15].

В Калмыцкой области профсоюзные организации возникли в 1920 г. в Малодербетовском улусе. Первое объединение батраков и служащих носило название Волжского Секретариата профсоюзов, которому удалось организовать 4 отделения союзов: советских служащих, работников просвещения, медицинских работников, работников земли и леса [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 91. Л. 56]. Позже Волжский Секретариат профсоюзов был реорганизован в Малодербетовское улусное профбюро.

Важное место в системе профсоюзного движения Калмыкии занимал профсоюз работников просвещения (Рабпрос). К моменту получения статуса автономной Калмыцкой области профобъединения Калмобласти оставались в профорганах Астраханской губернии. Фактически они объединяли работников центральных учреждений, что же касается улусов, то там не было профобъединений. Такое положение не удовлетворяло ту часть членов профессиональных союзов, которые работали в калмыцких областных учреждениях, а также работников, которые прежде отно-

сились к сталинградским объединениям. Со стороны этой части членов союзов начался поиск путей к созданию самостоятельных областных профобъединений. При поддержке и руководстве только что назначенного секретаря обкома ВКП(б) т. Марбуша стали создаваться областные объединения [Ястребов 1927: 86].

Практика организации профессиональных союзов сводилась к следующему. Рабочие и служащие на своем собрании слушали доклад о текущем моменте, о целях и задачах создавшегося союза и избирали организационную комиссию, которой поручали подготовить проект устава, утверждавшегося затем на общем или делегатском собрании членов союза [Глазков 1983: 18]. Структура создаваемых профессиональных союзов была не везде одинакова, но обычно высшим органом союза являлось общее или делегатское собрание, избиравшее правление, которое вело текущую работу. Правление состояло из секретаря (председателя), казначея и членов. Несколько позже при правлениях начали создаваться различные комиссии (редакционная, культурно-просветительная и др.) [Глазков 1983: 20].

В мае 1921 г. Калмыцкий отдел народного образования организовал учительские курсы. Завершив программу занятий курсов, учителя выслушали доклад о целях и задачах своего профсоюза и выразили желание создать самостоятельный областной союз работников просвещения. Зав. отделом образования В. П. Порох пригласил с этой целью председателя Астраханского союза работников просвещения. Последний, сделав доклад, внес предложение: ввиду того, что члены союза Рабпрос, работающие в Калмобласти, не имеют еще опыта и соответствующих работников по профсоюзной линии, а также не имеют своего профсовета, — не организовывать своего союза.

В ответ на это предложение со стороны аудитории последовал ряд выступлений слушателей с предложением обязательного создания своего союза. Курсы объяви-

ли себя съездом работников просвещения Калмыцкой области и избрали из своей среды правление в составе 5 человек. Так 1 июня 1921 г. был организован Калмыцкий профессиональный союз работников просвещения — Рабпрос, который затем вошел в состав Калмыцкого областного совета профсоюзов. Перед профсоюзом Рабпроса в тот период стояли те же задачи, что и в целом перед профсоюзами всей страны: защита интересов работников, борьба с неграмотностью, увеличение численности членов.

Состав Правления Калмыцкого Облотдела Союза Рабпрос был следующим: председатель — К. Ф. Ястребов, секретарь — Б. Короткий, члены: А. П. Межуев, Бондаренко и Б. Тимошкаева, кандидаты — Борванцкова и Бурмистров. Ревизионная комиссия состояла из Парабучева, Старостина и Скворцова [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 119]. Облотдел объединял Ремонтненское отделение, центральный местком, местком обкомов РКП и РКСМ, 5 улусных (уездных) месткомов (Малодербетовский, Большедербетовский, Манычский, Яндыко-Мочажный и Калмыцко-Базаринский). В профсоюзе состояло 573 члена, в том числе женщин — 237 [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 1].

Представляет интерес изменение количества членов и объединений профсоюза работников просвещения с момента его организации, т. е. с 1921 года. Правда, за 1921 г. сложно представить более или менее достоверные данные, так как в этом году были учтены только городские члены союза, тогда как в большинстве улусов их не было. А если и были данные о численности профобъединений по некоторым улусным организациям, то они, безусловно, не отражали действительного положения вещей, так как некоторые союзы записали общие цифры служащих по спискам своих учреждений.

В источниках имеются различные сведения о численности профсоюза Рабпрос (на 1 января 1922 г.): 573 чел. (НА РК), 538 чел. [Чонкушов 1991: 16], 690 или 980 чел. [Ястребов 1927: 94], 451 чел. [Короткий 1925: 76], почти 1000 чел. [Коокуева 2005: 38]. Вероятными данными действительно учтенного состава членов по союзу Рабпрос можно считать сведения в 573 чел., а последняя цифра, возможно, образовалась из того расчета, что на каждого про-

свещенца, которых в то время по учреждению числилось до 300 чел., считали по два технических работника, обслуживающих школы и детдома, на которых, однако, списков в отделе образования не было. Таким образом и получилась фигурирующая в отчетах Областного совета профсоюзов численность членов в 980 человек (т. е. почти 1000).

К началу 1925 г. Облотдел союза объединял уже 8 месткомов: 2 городских: центральный местком обкомов РКП и РЛКСМ и 6 улусных: Ремонтненский, Малодербетовский, Большедербетовский, Яндыко-Мочажный, Калмыцко-Базаринский и 3 уполномоченных: Икицохуро-Харакусовский, Хошеутовский и Багацохуровский. Членов Союза на 1 января 1925 г. насчитывалось 451 чел., из них женщин — 248 чел., безработных — 31 чел. [Короткий 1925: 76].

Форма взносов процентных отчислений в области установилась индивидуальная. К концу отчетного периода членские взносы стали поступать почти от всех месткомов. Всего к 1925 г. поступило 1264 руб. 24 коп. В ЦК отчисления не производили, так как от них облотдел был освобожден, а в отношении облпрофсовета обязательства выполнялись своевременно. Общее финансирование союза было далеко не удовлетворительно, так как местный бюджет области не был окончательно сформирован и выплата зарплаты производилась частично и с большими задержками, что являлось главной причиной задержки в сборе членских взносов [Короткий 1925: 77].

Работники просвещения в Калмообласти по получаемому содержанию разделялись на 2 группы. В первую группу входили учителя 1-й ступени, которые получали в улусах по общеобластному местному бюджету 9 руб. 62 коп. и доплату от сельских обществ до 30 руб. в месяц деньгами или натурой (главным образом, скотом). Из этой группы 70 % были удовлетворены тридцатирублевым содержанием, а остальным 30 % выплачивались по 9 руб. 62 коп., и только с получением субвенции было выплачено до 22 руб. Вторую группу образовали работники педтехникума, сельхозтехникума, совпартшколы, школ 2-й ступени и семилеток (из них три первых находились на госбюджете, а остальные — на общеобластном местном бюджете), которые получали из расчета 6 руб. для 1-го разряда при 17-раз-

рядной тарифной сетке. Сначала выплата производилась из расчета 4 руб. 20 коп. для 1-го разряда, и таким путем накопилась задолженность, но затем была выплачена почти вся сумма [Короткий 1925: 78].

Областной совет профессиональных союзов от ВЦСПС ежемесячно получал поддержку на содержание своего аппарата, чтобы его сотрудники имели возможность вести необходимую работу по подготовке своих членов и профполитике, объединению всех членов союза, популяризации идей профдвижения.

Работники просвещения просили членов Наркомпроса поставить вопрос о переводе всех школ на госбюджет по следующим мотивам. Учителей в Калмыцкой области было около 200 человек. На указанное число требовалось в месяц 6 000 руб., а в год — 72 тыс. руб. Цифра эта для государственного бюджета была бы незначительной, а местный бюджет она бы облегчила и дала бы возможность обратить внимание на другие нужды школ [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 2].

Форма поступления членских взносов по городу была смешанной, большей частью взносы вносились бухгалтерией учреждения. Рабпрос свои обязательства перед ЦК и ОСПС по возможности выполнял. Имелись следующие фонды: касса взаимопомощи, куда отчислялся 1 % всеми городскими членами союза, и культурный фонд, в который поступали начисления с отдела народного образования. Данный фонд почти весь заключался в облигациях золотого займа — 30 билетов. Оказываемая помощь из кассы взаимопомощи выдавалась безвозмездно или с возвратом, в зависимости от степени нуждаемости и обеспеченности получающего. Средняя выдача была приблизительно 3–5 руб. [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 3].

С Калмыцким отделом народного образования был заключен коллективный договор сроком на весь учебный год, который не выполнялся в точности по отношению к учреждениям и рабочим, находившимся на госбюжете или на непосредственном содержании КалмОНО. Что же касается всей остальной части учреждений и работников просвещения, которые находились на содержании улусных исполкомов по местному бюджету или на содержании сельских обществ, то здесь дело обстояло не везде благополучно.

Прежде всего, согласно указаниям финотдела, смета на бюджетный год как ОНО, так и исполкомами составлялась по госминимуму ставок, и это выражалось для учителя по 12-му разряду при полной нагрузке в 24 часа в неделю суммой в 9 руб. 62 коп. в месяц. Полагали, что финотдел при выплате эту ставку соответственно увеличит до ставки договора или, по крайней мере, до госминимума. Но предположения не сбылись, и учителя получали по местному бюджету 9 руб. 62 коп. в месяц, причем в некоторых местах почему-то эта ставка понизилась до 7 руб. [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 3].

Из газет и журналов, начиная с 1924 г., Рабпрос выписывал «Работник просвещения» и «На путях новой школы». Средства на культработу поступали из отдела народного образования в небольшом количестве. И эти средства имелись, главным образом, в виде облигаций золотого займа и никуда не расходовались, а на имеющуюся денежную наличность была выписана вышеуказанная литература.

Культшефство велось над школами по ликвидации неграмотности, в которых учительство принимало участие по заданиям правления союза. В здании совпартшколы был устроен студенческий вечер в пользу студентов-калмыков г. Москвы, а также в пользу рабфаковцев-калмыков [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 4].

Для учителей работа вне школы заключалась в проведении кампаний по ликвидации неграмотности, антирелигиозной пропаганде, вовлечению населения в кооперацию и разъяснению сущности задач кооперации. Культурно-просветительная работа проводилась в форме разъяснения населению важнейших декретов советской власти, необходимости перехода от кочевого к оседлому быту [НА РК. Ф. Р-13. Оп. 1. Д. 139. Л. 118]. Методом работы профсоюзов считалась как массовая пропаганда и агитация среди населения, так и вовлечение в профсоюз новых членов. Центром работы были избы-читальни, школы, пункты по ликвидации неграмотности. Обучением в ликпунктах в 1924/25 учебном году было охвачено взрослых неграмотных 2 728 человек, а в следующем — 2 702 человека, из которых курс обучения окончили 1 360 человек, в 1926/1927 гг. было обучено 1 138 человек, в 1927/1928 гг. — 1 089 человек [Сартикова 2008: 118].

Таким образом, профсоюз работников просвещения Калмыкии с самого начала своего создания принял активное участие во внедрении новой культуры, здорового образа жизни и осуществлении массовой грамотности населения. Создание профсоюза работников просвещения Калмыкии в значительной степени повлияло на объединение учительства республики и защиту ими своих интересов.

Источники

Национальный архив Республики Калмыкия (НА РК). Ф. Р-13.

Литература

Бадмаева Е. Н. Миграционные процессы в Калмыкии в годы новой экономической политики // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008.

№ 1. С. 12–15.

Глазков А. Л. Партия и профсоюзы в 1917 году: Борьба за единство в российском профдвижении. М.: Профиздат, 1983. 160 с.

Коокуева А. И. В ногу со временем // Профсоюзы Калмыкии (страницы истории). Элиста: НПП «Джангар», 2005. С. 38–45.

Короткий Б. Работа Областного отдела Рабпрос Калмоласти за период с 1 октября 1924 г. по 1 января 1925 г. // Вестник Калмыцкого обкома РКП. 1925. № 2–3. С. 76–82.

Сартикова Е. В. Развитие школьного образования в Калмыкии в XX в. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 407 с.

Чонкушов О. Профсоюзы Калмыкии к 10-летию Области. Элиста: Госиздат, 1931. 37 с.

Ястребов К. Ф. Профсоюзы в Калмоласти к десятилетию Октября // Калмыцкая область за 10 лет Октябрьской революции. Астрахань, 1927. С. 84–98.

УДК 393.05.092
ББК 63.4

К ВОПРОСУ О РОЛИ КОНЯ В ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ КАЛМЫКОВ

М. А. Очир-Горяева

Погребальный обряд калмыков как часть традиционной культуры изучен достаточно полно [Эрдниев 1970; Бакаева, Гучинова 1988: 98–110; Бакаева 2010: 270–282; Шараева 2011: 143–193]. Согласно выводам исследователей, погребальный обряд калмыков в значительной степени отражает представления буддийской религии. Более ранние элементы, связанные с языческими, или, как принято называть их в более обобщенном значении, добуддийскими верованиями в культуре калмыков, прослеживаются слабо и представлены только отдельными элементами.

В настоящее время проследить элементы добуддийских верований удастся только путем использования косвенных данных, их анализа и реконструкции. Роль коня в калмыцком погребальном обряде прослеживается по деталям свадебной церемонии. Оба обряда — погребальный и свадебный — маркируют переломные моменты жизненного цикла и связаны с кардинальной сменой статуса главных лиц: в свадебном обряде — брачующихся, в погребальном обряде — умершего. Этот пункт и сближает по содержанию два, на первый взгляд, диаметрально противоположных обряда. Неслучайно в калмыцком языке понятия «выйти замуж», «умереть» или «уйти на войну или в армию» обозначаются одним словом — *мордх*. По отношению к умершему человеку слово *мордх* применяется в высоком смысле, подразумевая кардинальную смену статуса, например, когда умирает уважаемый человек, достойной смертью. По отношению к невесте слово *мордх* применяют всегда. Уход на войну или в армию приравнивался к почетной для мужчины кардинальной смене статуса.

Факт ритуальной смерти невесты как девушки-дочери в своей семье и рождения ее в качестве невестки/замужней женщины

в семье и роде супруга во время калмыцкой свадебной церемонии аргументированно обоснован в работе Т. И. Шараевой [Шараева 2008: 91–99]. Это наблюдение натолкнуло на мысль, что в таком случае обряд вывода или, вернее, выноса невесты из родительской кибитки должен сохранить элементы древнего погребального обряда.

Ритуальная смерть невесты начинается с приездом представителей жениха, которые обязательно привозят живую овцу, торжественно подводящуюся к дому невесты. Таким образом происходила «компенсация»: приехавшие забирать живую душу из рода приводили символическую замену ей — живую душу-замену из хозяйства жениха. Следующим обрядом, позволяющим сравнивать невесту с умирающим человеком, является обряд «далһ авлһн» — оставление счастья, благодати и жизненной энергии. Над головой невесты, как и над головой покойника, три раза по часовой стрелке обносят чашу с борцоками и сладостями, которые потом передают ее родственникам по мужской линии. У невесты срезают ногти, прядь волос, иногда даже практикуется обряд ритуального отведения невесты «на двор», чтобы все проявления живой субстанции-энергии остались дома. Считается, что после всех этих обрядов невеста подготовлена для перехода ее в другой род.

Проследим элементы выноса невесты из родительской кибитки. Слово «вынос» употребляется не случайно, потому что по обряду невесту именно выносили — как покойника: «көлинь һазрт күргүллго» (не давая коснуться земли ногами). Под утро, на рассвете, специально назначенный представитель со стороны жениха проходил (чему препятствовали родственники невесты) к пологу, за которым она сидела с подругами, прикасался к ее руке и набрасывал ей на лицо платок. С этого момента невеста счи-

талась словно мертвой. Прикоснувшийся к руке невесты представитель жениховой стороны нес девушку до порога кибитки и передавал ее следующему, назначенному для выноса невесты человеку, который переносил ее через порог и передавал ее третьему, сидящему на приготовленном оседланном коне.

Существовало два вида «транспортировки» невесты на коне. Предварительно необходимо заметить, что все калмычки умели ездить верхом с детства, поэтому перевоз ее с сопровождающим на коне был предписан только обрядом. При первом виде транспортировки невесту укладывали поперек седла. Моя мама рассказывала, что в детстве она видела, как невесту бросали поперек седла лицом вниз, руки и ноги ее свешивались с двух сторон коня, — всегда приговаривая при этом: «Дэрк, дэрк...», — выражая тем самым свое отношение к столь немилосердному обычаю. При втором виде транспортировки невесту усаживали в седло. Придерживающий ее представитель жениха сидел на крупе коня. Он обязан был вдеть стопы невесты в стремяна и придерживать ее самое. Согласно обряду, как только ее посадили в седло, невесте было положено раскачиваться из стороны в сторону. Этот момент красочно описан в романе С. Б. Балыкова «Девичья честь» [Балыков 1993: 208]. Считается, что невеста раскачивалась специально для того, чтобы усложнить работу придерживающего ее представителя жениха, подвергнуть испытанию его ловкость, силу и искусство управления лошастью. На мой взгляд, раскачивание в седле было имитацией транспортировки мертвого человека, ведь даже при поддержке труп, конечно же, раскачивался во время движения лошади. Анализ обряда выноса невесты позволяет предположить, что в древности предки калмыков вывозили своих покойников на коне — перекинутыми через седло или же посаженными в седло.

Дополнительные аргументы в подтверждение нашего вывода черпаем из материалов по этнографии родственных калмыкам монголоязычных бурят, часть которых не подверглась сильному влиянию буддийской религии, и тюркоязычных народов, сохранивших и доныне свои языческие верования. По сведениям этнографов, буряты везли покойника к месту захоронения на его лучшем коне, оседланном и в лучшей сбруе. Покойного сажали верхом, поддерживали

с двух сторон; коня вел в поводу один из участников похорон. На покойника надевали его полное воинское облачение. По пути одной из его стрел выстреливали в сторону дома, возвращаясь с похорон, ее подбирали и брали с собой в дом [Семейная обрядность 1980: 91–95]. Алтайцы, по сообщениям информаторов, к месту захоронения покойника везли верхом, посадив его впереди себя в седло, или же на носилках, которые прикрепляли к седлу [Тошакова 1977: 129]. Тувинцы везли умершего к месту погребения на верховой лошади, перекинутым через седло, сопровождающий сидел на крупе коня. В некоторых случаях умершего помещали на седло верховой лошади и везли в сидячем положении. Позади также сидел сопровождающий [Дьяконова 1975: 44].

О глубокой древности обряда транспортировки умерших на коне — верхом или перекинутыми через седло — свидетельствует изображение группы всадников на развертке золотого четырехгранного футляра из Сибирской коллекции Петра I (*Рис. 1*). Впервые это изображение было прокомментировано М. П. Грязновым [Грязнов 1959: 6–31]. Позднее изображение группы всадников было привлечено С. И. Руденко при анализе изобразительного искусства пазырыкской культуры, датирующейся концом VI–III вв. до н. э. С. И. Руденко назвал ее «Сцена воинов, возвращающихся после битвы» [Руденко 1963: Рис. 153]. При более внимательном рассмотрении становится ясным, что на футляре изображена погребальная церемония. На ней изображено семь лошадей и семь человек. Из семи человек живыми являются только два лучника, стреляющих из лука, и два всадника. Двое перекинутых поперек седла воинов явно мертвы, их руки и ноги безвольно свисают вниз. Явно мертв всадник в центре композиции: он едет в седле с опущенной на древко копья головой и безвольно согнутой спиной. Его придерживает с помощью палки едущий рядом всадник.

О доставке умерших верхом на коне зачастую свидетельствует поза погребенных в могилах. В скифо-сарматской археологии известна так называемая танцующая поза, или поза всадника, когда погребенный расположен на спине с подогнутыми (расставленными широко) ногами [Смирнов 1964: 92]. Такие же особенности позы отмечал О. В. Обельченко в курганах Согда II–I вв. до н. э. [Обельченко 1992: 118–120].

Что же происходило с конем, на котором везли мертвого к месту погребения? Коня, на котором везли невесту, как только она сходила с него у кибитки — дома жениха — на белый войлок, сразу отпускали на волю, и никто из кровных родственников жениха не пользовался им. То есть, он считался для них побывавшим в потустороннем мире или мертвым, так же как и сама невеста — для ее родителей и родственников. «Оживала» она для своих родителей и родственников только после их ритуального визита к ней в новую семью и признания таким образом ее в новом статусе. Чисто логически можно предполагать, что в древности коня, на котором везли мертвого, постигала та же участь, что и умершего. Его погребали вместе с хозяином. Отголоском древнего обычая сопровождения умершего конем можно считать сохранившийся до второй половины XIX в. в среде калмыков обряд выноса сбруи коня таким же образом, как покойника — через разобранную часть решетки кибитки [Бакаева 2010: 271]. Лошадь же умершего отводили в хурул.

Обряд погребения с конем мог быть утраченным по следующим причинам: ввиду сложного политического и военного положения, для сохранения поголовья лошадей. Кроме того, огромное влияние на традицию не мог не оказать буддизм с его

принципом неубиения живых существ. Известно, что уже в 1578 году после встречи Алтан-хана туметского и Далай-ламы был принят закон о десяти добродетелях, что означало распространение буддизма в среде монголов. Как следует из данных по этнографии калмыков XIX в., коня умершего передавали в хурул, что можно расценивать как рудимент обряда захоронения с хозяином (буддистского толка) и связывать с положением о запрете жертвоприношений лошадьми и верблюдами во время погребения знатных монголов [Бакаева 2010: 270–282]. Обычай заклания лошадей и других животных был настолько устойчив, что запретительные меры были приняты не единожды и по разным причинам. Тем не менее, обряд погребения с конем продолжал существовать в среде монголоязычных народов даже в XVIII в. В повести академика Ринчена описывается погребение с конем одного из полководцев армии Галдан Бошокту хана [Ринчен 1971: 73–74].

Все приведенные факты говорят о том, что добуддийский обряд погребения с конем вытеснялся с большим трудом, процесс затянулся по крайней мере на три века. Только время и целенаправленные усилия буддийского духовенства привели к полному исчезновению не только самого обряда, но и памяти о нем.

Рис. 1. Погребальная процессия. Изображение на золотом футляре из Сибирской коллекции Петра I (Руденко 1962. Рис. 29)

Литература

- Бакаева Э. П.* Похоронно-погребальная обрядность // Калмыки. Серия «Народы и культуры». Отв. ред. Бакаева Э. П., Жуковская Н. Л. М.: Наука, 2010. 586 с.
- Бакаева Э. П., Гучинова Э.-Б. М.* Погребальный обряд у калмыков в XVII–XX вв. // Советская этнография. 1988. № 4. С. 98–110.
- Балыков С. Б.* Девичья честь. Элиста: АПП «Джангар», 1993. 284 с.
- Грязнов М. П.* Древнейшие памятники героического эпоса народов Южной Сибири // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Вып. 1. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1959. С. 6–31.
- Дьяконова В. П.* Погребальный обряд тувинцев как историко-этнографический источник. Л.: Наука, 1975. 162 с.
- Обельченко О. В.* Культура античного Согда. М.: Наука, 1992. 211 с.
- Ринчен Б.* Ану Хатун // Этнографические вести. № 2. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. С. 64–83.
- Руденко С. И.* Сибирская коллекция Петра I. Свод археологических источников. Д. 3–9. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 51 с.
- Семейная обрядность народов Сибири* (опыт сравнительного изучения) / отв. ред. И. С. Гурвич М.: Наука, 1980. 240 с.
- Смирнов К. Ф.* Савроматы. Ранняя история и культура сарматов. М.: Наука, 1964. 377 с.
- Тоцакова Е. М.* Традиционные черты народной культуры алтайцев (XIX – начало XX в.). Новосибирск: Наука, 1977. 134 с.
- Шараева Т. И.* Обряды жизненного цикла калмыков (XIX – начало XXI в.). Элиста: АПП «Джангар», 2011. 223 с.
- Шараева Т. И.* Ритуальная «смерть» и «возрождение» невесты в свадебном обряде у калмыков // Ойраты и калмыки в истории России, Монголии и Китая. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Элиста, 9–14 мая 2007 г.) Элиста: КИГИ РАН, 2008. Ч. 3. С. 91–99.
- Эрднеев У. Э.* Калмыки (конец XIX – начало XX вв.) Историко-этнографические очерки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.

УДК 390 (519/3)
ББК 63.5 (5Мо)

**СВЯЩЕННЫЕ МЕСТА ЦААТАНОВ В СОМОНЕ ЦАГААННУУР
ХУБСУГУЛЬСКОГО АЙМАКА МОНГОЛИИ
(по материалам полевых экспедиций)***

Е. В. Айыжы, А.-Х. О. Базырчан

В 2013 г. была проведена комплексная полевая экспедиция по гранту Русского Географического общества «По путям географических открытий» (этногеографические экспедиции в Центральную Азию по маршруту известного исследователя, члена Русского Географического общества П. К. Козлова), благодаря которой были собраны богатые материалы, в том числе и сведения о современном состоянии традиционных верований тувинцев, живущих в сомоне Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии.

Во время экспедиционных работ исследователи акцентировали свое внимание на священных местах и обрядовой практике цаатанов (тувинцев-оленеводов), связанных с различными культурами, практикуемыми цаатанами сомона Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии. В процессе экспедиционной деятельности применялись методы наблюдения и фиксации. Учеными выявлены различные виды *обо*, отмечен природный фон Баян-Ульгийского, Убсунурского, Завханского, Хубсугульского, Архангайского и Селенгинского аймаков Монголии.

Природа Монголии завораживает, недаром об этой стране говорят: «Загадочная Монголия». Замечательные картины природы предстают и в трудах П. К. Козлова «Монголия и Кам» (Козлов: 1947), «Путешествие в Монголию 1923–1926» [Козлов: 1949]. В труде «Монголия и Кам» Петр Кузьмич дает следующее описание: «Мы были поражены обилием пернатых. Глазам не верилось, что по соседству с нами в ста шагах беззаботно лежат, стоят, плавают, резвятся, перелетая с места на место, бесчисленные стаи гусей, уток, лебедей, пеликанов, бакланов, белых и серых цапель, чаек, крачек, различных ку-

ликов и многих других. Берега озера изобилуют травянистыми зарослями, по которым пасутся стада монгольского скота, а также стада верблюдов» [Козлов 1947: 45]. Картины, подобные описанным, можно наблюдать и ныне, несмотря на то, что с тех пор прошло больше 130 лет. Члены экспедиции могли не раз в этом убедиться, проезжая степную зону, где паслись стада овец, лошадей, верблюдов, встречая и различные виды диких животных и растений; останавливаясь у озер, где наблюдали необыкновенную красоту природы Монголии: небо с тучами и без них отражалось на тихой, кристально чистой поверхности глади озера, когда казалось, что этот пейзаж нарисован руками художника, и что земля и небо находятся на одном уровне, а в это время на берегу играли стаи гусей и лебедей, пеликанов, паслись яки, смотрящие на человека изумительно спокойными взглядами, словно желая что-то сказать.

Наиболее детально членами экспедиции была изучена топонимия сомона Цагааннуур, собраны сведения о священных местах данной местности. Хотя собранные материалы носят довольно фрагментарный характер, по ним можно проследить, насколько активно идет процесс аккультурации, взаимодействия двух культур (тувинской и монгольской) в топонимии. Кроме того, материалы о священных местах позволяют осуществить их типологизацию, выявить состояние традиционных верований тувинцев-оленеводов на современном этапе.

Представления о существовании неких сакральных мест, концентрирующих энергию, от которой зависят жизнь и благополучие людей, характерны для архаических и традиционных пластов мировоззрения мно-

* Исследование проведено при финансовой поддержке РФО, проект №03/2013-Н1.

гих народов мира. Один из главных признаков, по которым исследователи обычно выделяют такие места, — наличие мифов и преданий, слухов и поверий, связанных с историей происхождения данного места.

Священные места у разных народов существовали с древних времен. Закономерно возникает вопрос: какие места подразумеваются под понятиями «священные», «сакральные», «культурные», что подразумевается под «святыней»? Вопрос о содержании этих понятий до сих пор остается одним из дискуссионных в социальных и гуманитарных науках.

В. Ф. Кернер считает, что происхождение и функционирование культовых мест связано с древней концепцией воспроизводства населения. С мнением автора солидарен и Б. Ц. Гомбоев, тем не менее, считающий, «что эта точка зрения отражает только одну из граней многоаспектной проблемы» [Гомбоев 2006: 58]. В. Ф. Кернер пишет, что пространство, определяемое как «священное», первоначально было связано с местом ритуальной изоляции и осуществления женской обрядности, направленной на приобретение и реализацию плодородия. Эти места со временем стали ассоциироваться с «центрами размножения». Кроме того, исследователь отмечает, что эти места стали зонами концентрации особых сакральных сил, способствующих воспроизводству людей, животных, растений, мира в целом [Кернер 2002: 63].

В работе «Экологический туризм в Республике Тыва» Л. К. Аракчаа, Г. И. Дадаа предложили следующее определение термина «священная земля»: это территория священной горы, включающая в себя весь комплекс вместе с подножием, или площадь отдельной акватории (озера), которая по тем или иным причинам считается священной. Ученые пришли к выводу, что к данному понятию относятся священная земля родовой группы и места лечебных источников [Аракчаа 2011: 50].

Теперь акцентируем внимание на определениях, которые дают священным местам информанты. Люди старшего поколения сомона Цагааннуур рассказывают, что как в старину, так и в настоящее время бездетные женщины посещают святые источники (монг. *аршан* — от санскр.: «*святая вода*»), минеральная вода, целебный источник, курорт [Мурзаев 1974: 110], на тувинском языке *аржаан* — минеральная

целебная вода, минеральный целебный источник [Ондар 2007: 19]. Считается, что в результате посещения подобных мест и полученного в них лечения паломницы приобретают и реализуют потенциал плодородия. По словам старожилков, такие места обладали некой сакральной силой.

В любых священных местах сооружали культовое сооружение *обо* (на тув. яз. *оваа* — «груда; куча; насыпь; курган; груда камней на возвышенном месте, где совершался религиозный обряд в честь духа горы» [Ондар 2007: 46]. *Обо* (букв. «куча») представляет собой груду камней с воткнутым в центре шестом (деревом), на котором подвешиваются ритуальные ленточки, ритуальные шарфы для подношений — хадаки. Описание культового сооружения *обо* встречается и в очерках П. К. Козлова: «На берегу озера, по всей вероятности искусственного, сложено «обо», над которым развевались различные матерчатые приношения и стучали от ветра подвешенные рядом бараньи лопатки, испещренные темными узорчатыми письменами» [Козлов 1947: 40]. Подобные *обо* являются сигнальными знаками, поставленными в памятных местах, — там, где необходимо особое ритуальное поведение и внимание [Гомбоев 2006: 60]. Такие сооружения встречались и в ходе нашей комплексной экспедиции на всех перевалах и возле курганов на границах аймаков Монголии. Следует отметить, что *обо* являются маркерами для определения территорий. Во время своих путешествий по Монголии П. К. Козлов отмечал: «...во многих других местах по нашему пути от реки Кобдо нам приходилось нередко встречать каменные конической формы сооружения, сложенные наподобие „обо“, но с тем различием, что означенные сопки были окружены кольцеобразным валиком, диаметр которого превышал диаметр обо, или, точнее, внутренней сопки, и что подобные сооружения находились не только на перевалах, но и в глубине долин. Время возникновения, происхождение и значение этих сооружений монголы объяснить не умели, заметив, однако, что это древние памятники и монголами называются „киргизинур“, т. е. „киргизское гнездо“. Г. Н. Потанину в окрестности озера Орок-нор монголы сообщили их предание, что кэрэксурь (древние могилы) сложил народ цаган-баргун; он хоронил в них своих покойников» [Козлов 1947: 40]. До настоящего времени еще имеются такие

могилы и курганы, некоторые из них раскопаны археологами, многие из них остались нетронутыми. Находятся эти курганы в основном недалеко от населенных пунктов, у подножия гор, иногда они «идут цепочками».

Культовые места могут почитаться семьей, родом, им могут поклоняться и многие народы, которые проживают на данной местности, но в ходе сбора полевого материала нами были зафиксированы сведения, что у тувинцев-оленоводов имеются свои родовые священные места, куда не положено ходить чужим людям.

Рассматривая содержание понятий «культовое место», «святилище», археолог А. В. Тиваненко дает следующее определение: «культовое место» — это комплекс из недолговременных ритуальных объектов, чаще всего связанных с жизнью одного или нескольких поколений людей [Тиваненко 1989: 5]. Другое определение предлагает Б. Ц. Гомбоев, автор труда «Культовые места Баргузинской долины»: «священное место» — это конкретный географический объект (гора, роща, озера, урочище, перевал и др.), который почитается как местообитание духов общеплеменного (общеродового) значения [Гомбоев 2006: 6]. А. В. Тиваненко определяет «святилище» как долговременный комплекс, вобравший в себя объекты культового характера различных эпох и в силу своей древности получивший общеплеменное (или общеродовое) значение. К числу святилищ исследователь относит петроглифы, имевшие в древности приоритетное значение в силу своей связи с культом «духов-хозяев» родоплеменной территории. Ученый предложил определять святилище (культовое место) как комплекс почитаемых объектов с едиными территориальными границами, на которых совершались ритуальные действия в честь духов местности (у петроглифов), умерших предков (на могильнике), покровителей семейно-родовой общины (в жилище и на поселении) [Тиваненко 1989: 5].

Изучая термин «сакральный», исследователи Л. К. Аракчаа, Л. И. Дадаа пришли к выводу, что к ним относили места более мелкого масштаба (оазис, определенное дерево, скала, курганы, стелы), связанные с какими-то историческими событиями [Аракчаа, Дадаа 2011]. Несколько отлична от данной точки зрения позиция Б. Ц. Гомбоева, который считает, что в понятие

«культовое место» вкладывается также более широкое содержание, оно применимо к локальным объектам, например, относящимся к родовым культам и культам семейно-родового характера. Анализируя этот вопрос, исследователь приходит к выводу о том, что в качестве культового места, называемого сакральной территорией, выделяется не один отдельно взятый пункт, а обширная территория, включающая много других культовых мест и объектов, связанных и в историко-культурном, и в природном отношении [Гомбоев 2006: 60].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что для определения культового места важно обратить внимание на описание объекта поклонения (элементов ландшафта, памятников природы и памятников культуры), а также на различные маркеры, которые определяют объекты поклонения.

Существуют классификации культовых мест. Многие исследователи строили свои классификации на примерах святых мест народов Сибири. Г. М. Василевич, исследуя культовые места эвенков, рассматривает их представления о духах-хозяевах и отмечает, что они делились на такие категории: *сэвэки*, *буга* — «хозяин» верхнего шаманского мира; *харги* — дух-хозяин нижнего мира; *хинкэн*, *магин* — дух-хозяин тайги; *шайтан* — духи-помощники шамана; *илэ* — духи предки шамана [Василевич 1969: 230–233]. Г. П. Харючи использует классификацию культовых мест, основанную на социальных критериях: 1) общенародные; 2) родовые и семейные. В названиях культовых мест отражаются либо жизненно важные события, либо сами почитаемые объекты: камни, озера, реки, бытовые предметы и т. д. Ученый отмечает, что общенародные, родовые и семейные святилища бывают только мужские, женщины допускаются на них лишь по достижении определенного возраста [Харючи 2000: 77–78]. Б. Гомбоев на бурятском материале отмечает, что имеются и специальные женские святилища [Гомбоев 2006: 66].

Рассмотрев полевой материал и наиболее почитаемые сакральные места цаатанов сомона Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии, попытаемся провести типологизацию культовых мест, связанных с памятниками природы и культуры (археологические и этноконфессиональные). В основу предлагаемой нами классификации положены принципы классификации бурятского ученого Б. Г. Гомбоева, которые учитыва-

лись при сборе материалов от информантов о священных, культовых местах сомона Цагааннуур:

1. Памятники природы — (окружающие горы, перевалы, скалы, священные камни, святые источники, одиноко стоящие и необычные деревья, озера, реки, места проживания предков, чащи, рощи).

2. Памятники культуры (археологические, этноконфессиональные) — (шаманские захоронения, груды камней, *обо*, сурбурганы, места захоронений предков).

По полевым материалам можно сделать вывод о том, что среди священных мест выделяются:

1. *Места, где находятся священные лечебные источники* — Тоглой (на тув. яз. переводится как «тогерик», на рус. яз. «круглый»). Происхождение названия Тоглой информанты связывали с тем, что место, где находится источник, похоже на круглый казан. Перечислим основные места, зафиксированные во время экспедиции. В местечке Олдуруг, в 30 км от сомона, находится минеральный источник; в м. Дилигдаг — другой, похожий на круглый казан, минеральный источник, исцеляющий от желудочно-кишечных болезней; в м. Утурыг (слово монгольского происхождения, означает название реки, которая протекает недалеко) — источник, который, по мнению информантов, помогает от всех болезней; в местечке Дулуг-Даг также расположен минеральный источник, вода которого помогает, по мнению окрестных жителей, от всех болезней; вода из источника Кара-Хол помогает от желудочно-кишечных болезней; из источников Боостуг и Сарыг — при болезнях почек (последний из них — теплый источник);

2. *Шаманские культовые места*, среди которых известны Теректиг — место, где хоронят шаманов; Дадарлыг, Бакты — места, освящаемые родами балыкчы, урат; Кошке хем — родовое место рода соян, Тенгисхем — священное место рода балыкчы. Кроме родового места, в культовом центре Чошама находится шаман-дерево, на которое проезжающий путник обязательно повязывает волосок от лошади, оленя; по легенде, из озера Чошама вышел табун лошадей и снова

исчез. Священной родовой является местность Чыварлыг — очень холодная, где постоянно дует ветер, с чем и связано ее название. В Чыварлыге каждый год происходит церемония освящения большой роши, там в основном хоронят шаманов. Кроме того, в сомоне Цагааннуур имеются священные места, почитаемые монголами и дархатами, — к примеру, местечко Харамай.

3. *Культовые места, где есть необыкновенные камни*. — Так, в местечке Боран есть камень зеленого цвета, оно считается родовым местом рода соян; в местечке Чуннук (от этого места на расстоянии около 50 км живут оленеводы) — камень, похожий на руку человека. В местечке Узук есть камень, похожий на человека, и эту местность жители стали называть Кижидаш (на рус. яз. букв.: «человек-камень»). Среди освящаемых мест известно также Кок Даш, где имеются красивые камни.
4. *Священные горы, перевалы*. — Так, на перевале Оларт шаманами построено большое *обо* (здесь проведено освящение большого леса). Гора, где находится *обо*, называется Ушэки (на тув. яз. жители называют Куруун Сайгын, ее считают самой большой горой в окрестности сомона), кроме того, по словам других информантов, эту гору называют Хол баш (ввиду того, что именно оттуда начинается верховье озера Цагааннуур). К священным местам также относят Иилиг тайга (хозяйном этой местности считают белого медведя Ак Хайыракан). Церемония освящения вод в верховьях озера Цагааннуур проводится в местечке Кызыл-Даг, а в низовьях озера на местечке Эне-Сай. Среди священных гор информанты упоминали также Агый, где, по легенде, один охотник выстрелил в свою добычу, а поскольку выстрел был неточным, животное потеряло много крови; увидев кровь, один человек вышел из озера и стал ее убирать.
5. *Священные места, где проживали предки тувинцев-олленеводов* — Тенгис, Дулуг-Даг, Ортен, гора Кыргы, Уш-Белдир, Оргаажык (в этих местах каждый год проводятся обряды).

6. Кроме того, в самом сомоне Цагааннуур шаманом по имени Мока в 2011 г. построена буддийская ступа субурган.

По результатам полевых исследований нами предложена следующая типология культовых мест сомона Цагааннуур:

- Памятники природы и почитания, различаемые по этноконфессиональному признаку. В этот круг священных мест входят священные горы, перевалы, священные камни, целебные источники, лес (роща), деревья, места проживания или места захоронения предков, шаманские и буддийские культовые места почитания.
- Священные места, различаемые по этническому признаку (тувинские, монгольские, дархатские).
- С учетом ландшафта также выделяются ареальные места почитания (горные, таежные, рядом с реками, озерами и т. д.).

Во время сбора названий местностей обнаружилось, что некоторые названия ведут происхождение из монгольского языка, а в некоторых названиях мест смешаны компоненты из двух языков (тувинского и монгольского).

Взаимодействие языков в топонимике отражает два ряда корреляций — синхронический, представляющий собой соотношение различных, но одновременных фактов субстратных языков (адстрат), и диахронический, фиксирующий взаимодействие компонентов бытующего языка с субстратными. [Шулунова 1989]. В результате анализа материала также выявлено, что среди названий топонимов есть наименования, представленные атрибутивной синтагмой с отвечающим реалиям географическим номенклатурным термином в определяемой части [Шулунова 1989]. Например, Кошке хем происходит от слов *кошке* «лавина» + *хем* «река».

Таким образом, в вышеприведенных примерах этнотопонимики наглядно проявляется взаимодействие тувинского и монгольского языков, а следовательно, взаимодействие носителей этих культур.

Полевой материал этнографического исследования сомона Цагааннуур позво-

ляет сделать вывод о том, что в настоящее время у тувинцев-оленоводов шаманизм не утратил свое доминирующее положение, так как, во-первых, в сомоне множество шаманских культовых священных мест; во-вторых, по словам информантов, в сомоне шаманов больше, чем лам. Материал также демонстрирует культурные связи цаатанов с другими этносами, что прослеживается в языке, в быту, в духовной культуре, в топонимике.

Литература

- Аракчаа Л. К., Дадаа Г. И.* Экологический туризм в Республике Тыва. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2011. 126 с.
- Василевич Г. М.* Эвенки: Историко-этнографические очерки (XVII – начало XX в.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
- Гомбоев Б. Ц.* Культовые места Баргузинской долины. Москва; Улан-Удэ: ФГОУ ВПО ВСГАКИ, 2006. 288 с.
- Козлов П. К.* Монголия и Кам. Трехлетнее путешествие по Монголии и Тибету (1899–1901). М.: Географгиз, 1947. 439 с.
- Козлов П. К.* Путешествие в Монголию. 1923–1926. Дневники, подготовленные к печати Е. В. Козловой. М.: Географгиз, 1949. 238 с.
- Кернер В. Ф.* Живые камни (к вопросу о семантике священных мест) // Уральский исторический вестник. № 8. (Древние и средневековые культуры Урала в евразийском культурном пространстве) Екатеринбург: Академкнига, 2002. С. 59–73.
- Мурзаев Э. М.* Очерки топонимики. М.: Мысль, 1974. 384 с.
- Ондар Б. К.* Топонимический словарь Тувы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 552 с.
- Тиваненко А. В.* Древние святилища Восточной Сибири в эпоху камня и бронзы. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1989. 202 с.
- Харючи Г. П.* Ненецкие святилища и их классификация // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. Вып. 3. Археология и этнология. Салехард, 2000. С. 77–78.
- Шулунова Л. В.* Языковые контакты монгольских и тюркских племен Прибайкалья (на материале топонимии) // Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в средние века. Новосибирск: Наука, Сибир. отд-ние, 1989. С. 152–156.

УДК 811.512.111
ББК 81.2

ОГУБЛЕННЫЕ ‘Ы’ И ‘И’ В НИЗОВЫХ ГОВОРАХ ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА

А. В. Савельев

В 2012 г. автор данной статьи обследовал фонетику чувашских говоров низового типа, распространенных в двух населенных пунктах Нурлатского района Татарстана — в деревне Абрискино и в селе Тюрясево. Роспись материала, собранного по фонетической программе О. А. Мудрака (около 1300 основ), позволила выявить в местных говорах ряд особенностей, которые ранее не отмечались в чувашской диалектологии. В частности, было обнаружено синхронно немотивированное, но мотивированное этимологически различие гласных *u* ~ *v* верхнего подъема (на месте пратюркского **a*) и *o* ~ *ω* средне-среднего подъема (на месте пратюркских огубленных), а также наличие в указанных говорах огубленных редуцированных типа *ɨ*° и *ɨ*°, которые считаются типичными только для верхового диалекта [Савельев 2013б].

Одним из неожиданных для чувашской диалектологии результатов исследования стало обнаружение в абрыскинском и тюрясевском говорах низового диалекта огубленных гласных на месте орфографических ‘ы’ и ‘и’. В заднем сингармоническом ряду они реализуются как *ɨ*° / *u* / *y*°, в переднем ряду — как *ɨ*° / *u* / *y*° / *ø* с палатализацией предшествующего согласного (диалектный материал приводится в фонетической транскрипции, где *i* — гласный передне-среднего ряда верхнего подъема; подробнее см. табл. в конце статьи). В этих случаях огубленность артикулируется обычно не столько вытягиванием губ, сколько опусканием щек, при этом появляется осязаемый на слух ‘бемольный’ элемент. Так как лабиализация носит не ярко выраженный характер (*slight labialization*), данные гласные не совпадают с действительно огубленными *u* и *ɨ*.

Как показано ниже, огубленные ‘ы’ и ‘и’ имеют разный фонологический статус в абрыскинском и тюрясевском говорах.

Абрыскинская система носит более архаичный характер, так как в ней эти гласные (по крайней мере, в части случаев — в соответствии с законами развития старой системы) отражают пратюркские фонетические реалии. В Тюрясево, наоборот, произошла перестройка системы, при которой распределение огубленных и неогубленных вариантов оказалось связано с консонантным контекстом на синхронном уровне.

1. Ситуация в абрыскинском говоре

1.1 Огубленный ‘ы’

1.1.1 В абрыскинском говоре слабо огубленный ‘ы’ (далее *ɨ*°) с вариантами часто появляется на месте пратюркского огубленного **ɑ*, который восстанавливается на основе соответствия станд.-тюрк. *a* ~ чув. *i* [ы] ~ тув., тоф. *i*. При этом в анлаутной позиции в тувинском и тофаларском не произошел переход в *i*, то есть пратюркские **ɑ* и **a* совпали в начале слова в *a*-. В якутском **ɑ* соответствует обычно *a*, как вариант присутствует *o*. Во внешних алтайских соответствиях при **ɑ*, как правило, представлены огубленные гласные.

По своим рефлексам ПТ **ɑ* отличается от закрытого **a*, восстанавливаемого на базе соответствия станд.-тюрк. *a* ~ чув. *i* ~ як. *i*. В большинстве чувашских говоров **ɑ* дает следующие рефлексy: в инлауте *i* [ы], но сокращение в *ɨ*° перед носовым и переход в *u* перед **l*, **rt*, **rd* (здесь развитие как для старого **o*); в анлауте *ɨ*-, но *vɨ*- перед аффрикатой (или просто шумным?) и сокращение в *ɨ*° перед носовым (те же аналогии с развитием **ɔ*). Подробнее о реконструкции ПТ **ɑ* см. [Мудрак 1993: 102–105; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2002: 677–679; Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 208–211].

Материал абрыскинского говора позволяет подтвердить приведенную реконструк-

цию и уточнить природу ‘литературного ы’ в чувашском, которая оставалась неясной из-за нехватки материалов по сибирским языкам. Как показывает роспись, ПТ **â* даже в нейтральной позиции дает здесь огубленный рефлекс вида *ы*^о. Тем самым подтверждается реконструкция именно огубленного гласного на пратюркском уровне. Ср. отражения в абрыскинском говоре ПТ **a* и **â*.

Рефлексы ПТ **a* (и аналогичные отражения *a* в усвоенных заимствованиях, отражаемого как *ε* в других тюркских языках):

абр. *jisna* ‘зять’, *myskara* ‘комедия’ (< араб.), *syzat* 3sg. ‘испражняться’, *syxla* ‘охранять’, *sylyx* ‘грех’, *-zyn* ‘человек’, *sybyrs* ‘липнуть’, *syrlax* ‘удовлетвориться’, *syry* ‘каштановый’, *sydar* ‘подушка’, *t’iya*, *t’iy’i* 3sg. ‘жеребенок’, *tylan* p.part. ‘отбивать’, *tyna* ‘телка’, *tyr’l* ‘хлеба’, *ыlyan* ‘проклинать’, *ыltyn* ‘золото’, *ыр* ‘добрый’, *yjiti* p.part. ном., *yjt* ‘спросить’, *si’ly’i* 3sg. ‘грива’, *il*, *an’-il* neg. imp. ‘братъ’, *ir’t* ‘перебирать ягоды’ (последние три основы — со вторичным переходом в передний ряд).

Рефлексы **â*:

абр. *puzâ* ‘кишка’, *jyppuzi* ~ *jypp’orzi* 3sg. ‘вьюнок’ (букв. ‘собачья кишка’), *-zurât* 3sg. ‘писать’, *vuzb* ‘голодный’, *xupsâ* conv. ‘разгораться’, *xurym* ‘живот’, *ыrâ* ‘паз’, *ыradât* 3sg. ‘болеть’, *ur’i* 3sg. ‘молозиво’, *ыvbs* ~ *увbs* ‘горсть’, *ыtla* ~ *утla* ‘слишком’.

Из-за ограниченности материала ранее было не ясно, что нужно восстанавливать в следующих словах — **a* или **â*, но абрыскинские данные указывают на реконструкцию огубленного: абр. *zyrn* p.part. ‘обуться’, *surzâ* conv. ‘роиться’, *ыdalâs* 3pl., *udalan* p.part. ном. ‘обниматься’.

Ср. рефлексы **â* в позициях перед носовыми, **l*, **rt* и **rd*, которые отражают огубленность не только в абрыскинском, но и в других чувашских говорах как низового, так и верхового типа: абр. *xm̄bš* ‘камыш’, *bn̄’è* 3sg. dat. ‘сознание’, *sulât* ~ *svlât* 3sg. ‘лизать’, *xolb̄m* ‘выкуп за невесту’, *xolb̄m* ‘толстый’, *svrdâ* ‘свеча’, *tvrdât* 3sg. ‘тянуть’.

1.1.2 В нескольких случаях на месте ПТ **â* в абрыскинском говоре представлены неогубленные рефлексы:

абр. *šizâm* ‘молния’ (со вторичным переходом в передний ряд), *šuvx* ‘близкий’, *-zyipî* 3sg. ‘сустав’.

По всей видимости, делабиализация рефлекса ПТ **â* происходила в позиции между двумя *ś*, также имела место некая нейтрализация перед следующим губным согласным. Кроме того, неогубленный рефлекс отмечается в абр. *xыр-* ‘скоблить’, где ожидалось бы отражение ПТ **â* (ср. тув. *xir-*, монг. *kawra-* id.). Этот случай можно объяснить тем, что в речи информанта перекрестно перепутались рефлексы ПТ **a* в *xuirb* ‘сосна’ (см. ниже) и ПТ **â* в *xыр-* ‘скоблить’. Вместе с тем, форма *xыр-* свидетельствует о постепенной утере различия *ы*^о и *ы* в абрыскинском, которая затронула пока только часть основ.

1.1.3 С другой стороны, есть примеры, когда огубленные рефлексы представлены в абрыскинском на месте **a*:

абр. *puzâk* ‘большой’ (< осет. *bæz-* ‘толстый’ в *bæz-gyn*, см. [Абаев 1958: 257]), *syvl̄* ~ *syvl̄*, *syvrb̄* ‘здоровый’, *ty’mâr* ‘корень’, *xyb̄arzâm* pl. ‘весть’ (< араб.), *x’irâs* ‘напротив’, *xuirb* ‘сосна’, *xuizi* ~ *xyzi* 3sg. ‘пах’, *xuz-* ~ *xyś-* ‘чесать’, *xydb̄* ‘твердый’, *увb̄tni* p.part. ном. ‘кидать, бросать’, *xusnâ* ‘казна’ (< араб.).

Хорошо видно, что огубленность во всех приведенных примерах связана с влиянием консонантного контекста. В одних случаях лабиализация происходит в позиции перед *-v-* и *-m-*, в других — после *p-* и *x-*. Огубление гласных, в том числе *ы*, под влиянием соседних губных согласных уже отмечалось для чувашских говоров, см. хотя бы [Савельев 2013а: 66].

Корреляция между *x-* и огубленностью соседних гласных, насколько известно, в чувашской диалектологии до сих пор не отмечалась. Однако для подобного явления существуют определенные типологические предпосылки. Известно, что лабиовелярные согласные типа *x^w* более распространены в языках мира, чем, к примеру, лабиодентальные. В качестве параллели к чувашскому развитию можно привести ‘правило *guki*’, имевшее место в истории славянских языков, которое описывает переход ПИЕ **s* > *x* (в том числе после огубленного **u*). В абрыскинском говоре контекст типа *xy^o-* появляется и генерализуется в результате совпадения исторических последовательностей ‘*xy-* и ‘*xy^o-* через ступень *x^wы-*.

1.1.4 В следующих случаях огубленный гласный в абрыскинском можно интерпретировать и как отражение пратюркской огубленности, и как результат вторичной лаби-

ализации. Из-за ограниченности материала других тюркских языков здесь не удается однозначно реконструировать *a или *â:

абр. *purât* 3sg. 'идти' ~ станд.-тюрк. *bâr-, як. *bar-*, тув. *bar-* id., но ср. др.-тюрк. причастие *bar-ur* со вторым огубленным гласным, который может указывать на исторически огубленный в первом слоге;

абр. *pul*, *pŷl̥* 3sg. 'мед' (ср. верх. *pul*) ~ станд.-тюрк. *bâl, огуз. *bâl id. Скорее следует реконструировать *a с учетом ностратических параллелей: урал. *majðl, дравид. *maŋt-/ *miŋt- (< *majt-) id.;

абр. *pulžəg'ə* 3sg. 'грязь' (ср. верх. *pulžək*) ~ станд.-тюрк. *bal-gaš 'грязь, болото', як. *bilij* 'грязь на дороге', тув. *malgaš* 'грязь'. Якутский рефлекс может отражать не только ПТ *a, но и *â, так как в якутском происходил вторичный переход a > i в позиции перед палатальным (в чувашском он отразился как -ž-).

1.2 Огубленный 'и'

1.2.1 В абрыскинском говоре слабо огубленный 'и' (далее *i̥*) с вариантами в части случаев отражает пратюркский огубленный *e°, который реконструируется на базе особых рефлексов в чувашском и отчасти в огузских языках [Мудрак 1993: 94–96].

По своим соответствиям ПТ *e° отличается от *e, восстанавливаемого на базе соответствия станд.-тюрк. e ~ чув. i ~ як. i/ī и особых рефлексов в огузском. В чувашском языке ПТ *e° дает *ü*, но *ə* перед носовыми (и *ɔ̃*, если гласному при этом предшествует k-, то есть аналогично *ö). В большинстве чувашских говоров единственный синхронно неогубленный рефлекс *e° появляется в позиции перед -l-: в этом случае происходит переход старого *e° в *i*. Именно для этой позиции оказываются новыми данные абрыскинского говора, где на месте пратюркского огубленного отмечается *i̥*. Ср. отражения ПТ *e и e° в абрыскинском.

Рефлексы ПТ *e:

абр. *ir* 'рано', *ir* 'мять', *ir'k* 'свобода', *ir't* 'пройти', *ijg'ə*, *ig'ə* 'два', *il't* 'слышать', *k'il*, *an-g'il* neg. imp. 'прийти', *k'iin*, *k'in'ə* 3sg. 'невестка', -g'irlə 'нужно', *m'imə* 'мозг', *p'il'ək* 'поясница', *p'is* 'охладеть (к кому-либо)', iter. *s'ik'elèt* 3sg. 'прыгать', *s'irb'ətsè* conv. 'расплескаться', *s'iləm* 'клей', *s'il̥* 3sg. 'вымя', *sim'əžə* ~ *sim'izə* 3sg. 'плод', *sir'əmr'è* loc. 'двадцать', *šit* 'достичь', *t'imər*, *timr'i* 3sg. 'железо', *t'ir* 'шкура', *t'ir'ək* 'тополь', *t'islək* 'навоз', *tj̥r* 'болезнь', -žər 'земля' (со вторичным сокращением

гласного), *jəñer* 'седло', *jer'm'è* inf. 'приставить' (особые рефлексy для анлаутной позиции).

Рефлексы ПТ *e° в позиции перед -l-:

абр. *p'il'ək* ~ *p'ül'ək* 'пять', *t'ilx'eb'è* 'возжи'. Вероятно, пратюркский *e° следует восстанавливать и для абр. *k'im'ə* 'лодка', ср. тат. диал. *köjme*, башк. *keме* id. Отсутствие ожидаемой огубленности в абр. *t'yl'ər* 'беситься' может указывать на прямое заимствование из татарского отыменного глагола становления *tiler-*.

Ср. огубленные рефлексy ПТ *e° в остальных позициях, отражаемые как огубленные и по другим чувашским говорам:

абр. *püžə'ə* 3sg. 'грыжа' (< перс., иноязычный *ew* отражен подобно *e), *sür'ən* 'рыжий', *t'üb'ən'è* dat. 'небо', *t'ün'zè* conv. 'опрокинуться', *üzər* 'пьяный', *öit* в *öit-pü* 'тело'; *ən'də* 'теперь', *kə'magà* 'печь', *šə'məl* 'легкий', *šə'mər* 'ломать, разрушать', *təv'è* 'верблюды'.

1.2.2 Как и в заднем ряду, переднерядный *i* (фонологически *i* < ПТ *e) вторично лабиализуется в позиции после p- и в позиции перед -v-:

абр. *k'iv'ženè* 'долг', *an-d'iv* neg. imp., -d'yv̥ ~ -d'uiv̥ 'касаться, трогать', *p'ur̥* ~ *p'ir̥* 'холст'.

Вторичное огубление *i* рядом с губным согласным в абрыскинском говоре происходит не вполне последовательно, ср. неогубленное отражение в *p'il'ək* 'поясница'. Кроме того, по-видимому, позиционная лабиализация *i*, в отличие от *ы*, не охватывает случаи перед -m-, ср. приведенные выше *m'imə* 'мозг', *sim'əžə* ~ *sim'izə* 3sg. 'плод', *t'imər*, *timr'i* 3sg. 'железо', а также *k'im'əl* 'убывать'. Впрочем, последнее слово сами носители осознают как заимствование из татарского.

Единственный пример на контекст *xī̥*, ставший результатом вторичной лабиализации, — абр. *x'ir̥* 'поле'. Чувашское слово сравнивают с монг. *keher* 'поле, степь', но фонетически такое сопоставление небезупречно.

2. Ситуация в тюрясевском говоре

2.1 Огубленный 'ы'

В говоре села Тюрясево (расположено в 10 километрах от Абрыскино) огубленные гласные типа *ы̥* носят явно вторичный характер, так как рефлексy ПТ *â и *a совпали здесь в неогубленном *ы*.

Рефлексы ПТ *а:

тюрн. *jysna*, *jisna* 'зять', *syvlyxll* 'здоровый', *syvalzə* pret. 3sg. 'выздороветь', *syn* 'человек', *sypsənzə* pret. 3sg., *sybəsrsəs* pret. 3pl. 'прилипнуть', *şyrān* 'обрыв', *səys-* 'испражняться', *şyvləx* 'грех', *t iya* 'жеребенок', *tytār* 'корень', *tyna* 'телка', *tyra* ~ *tyrə* 'хлеба', *xybar* 'весть', *xyr'əs* 'напротив', *xydə* 'твердый', *il* 'брат', *ilyanāt* ~ *ilyanāt* 3sg. 'проклинать', *yl'tən* 'золото', *yra* 'добрый', *ir't mēlē* deb. 'перебирать ягоды', *yt* ~ *yt* 'спросить', *yl'ədar'ər* 1pl. 'кидать, бросать'.

Рефлексы *ā:

тюрн. *syb'ə* 'звено, сустав', *syra'əp* 1sg. 'обмотать (портянки)', *syza* conv. 'роиться', *şyr-*, *şyrāp* 1sg. 'писать', *şiz'əm* ~ *şiz'əm* 'молния', *şyvləx* 'близкий', *vyz'ə* 'голодный', *xypr'ə* pret. 3sg. 'разгораться', *xyrat* 3sg. 'скоблить', *xystā* 'пенка на молоке', *xyrat*, *xyrat* ~ *xyr'ət* 'живот', *yra'ət* 3sg. 'болеть', *əñe-yr'ə* 3sg. 'молозиво'.

Ср. огубленные отражения ПТ *ā (как и в других чувашских диалектах) в позициях перед носовыми, *l, *rt, *rd: тюрн. *ʔn'z'ər* sag. 'сознание', *x'əmt'ə* 'камыш', *çol'ə'n* 'толстый', *şula* 'лизать', *şvrda* 'свеча', *tvrdaşşə* 3pl. 'тянуть'.

Лабиализация *ы* (< ПТ *а, *ā) в тюрнясевском происходит, как и в Абрыскино, в позиции после *p*- и непоследовательно (под влиянием соседних говоров?) после *x*-:

тюрн. *pyl* ~ *pvl* 'мед', *pyldək* ~ *pvlzək* (*pyldzək*) 'грязь', *pyrap* (~ *pl'ap*?) 1sg. 'идти', *pyr'zə* 'кишки', *puzək* ~ *pyzək* 'большой'; *xyr* ~ *xor*?, *xyr* 'сосна', *xyzap* (*xy'zap*?) 1sg. 'чесать', но ср. приведенные выше *xybar* 'весть', *xyr'əs* 'напротив', *xyrat* 3sg. 'скоблить', *xystā* 'пенка на молоке' и т. п.

[К тюрнясевской системе примыкает ситуация в говоре деревни Санарпоси Вурнарского района Чувашии (материал собран и частично расписан в июле 2013 года). В этом говоре низового типа пратюркские *ā и *а также совпали в неогубленном *ы*, но после *p*- и *x*- происходит автоматическая лабиализация: санр. *pyzəkkl*, *pyzək* ~ *pyzək* 'большой', *xy'zat* ~ *xu'zat* 3sg., *xy'stā* ~ *xy'v'stā* inf. 'чесать', *pyr'zə*, *py'zə* 'кишки'.]

2.2 Огубленный 'и'

Огубленные гласные типа *ı* в тюрнясевском говоре также бывают только вторичными, так как отражения ПТ *e и *e' совпали здесь в неогубленном *i*.

Рефлексы *e:

тюрн. *ik'ə* 'два', *il'ər'əm* pret. 1sg. 'слышать', *ir* 'рано', *ir't rə* pret. 3sg. 'пройти', *k'yl* 'прийти', *k'in*, *k'in* 'невестка', *s'yg'ət* 3sg. 'прыгать', *sir'b'ət* 'орошать', *şyl'i* 3sg. 'вымя', *şim'əs* 'плод', *şir'əm* ~ *şir'əm* 'двадцать', *şir'əm'ər* pret. 1pl. 'достичь', *t'ir* 'шкура', *tir'leñə* p.part. 'болеть', *şər* 'земля' (со вторичным сокращением гласного), *jerzə* pret. 3sg. 'приставать' (особый рефлекс в анлаутной позиции).

Рефлекс *e' в позиции перед *-l-* представлен в тюрн. *t'ylg'eb'è* 'возжи'. Ср. огубленные рефлексы *e' в нейтральной позиции: *t'uin'zə* pret. 3sg. 'опрокинуться', *t'ıb'è* 'небо', *üzər* ~ *üszər* 'пьяный', *ıtt* 'тело'.

В следующих основах с ПТ *e, *e' тюрн. *i* получает огубленность под влиянием предшествующего *p*- или последующих *-v* и *-m*-:

тюрн. *k'ym'ə* ~ *k'ym'ə* 'лодка', *k'ıv'zən* ~ *k'ıv'zən* 'долг', *m'ımm'ı* 3sg. 'мозг', *p'ıl'ək* 'поясница', *p'uir* 'холст', *p'iz'ep* 1sg. 'охладеть (к кому-либо)', *t'im'ər* 'железо', *and'ıv* neg. imp. 'трогать, касаться', ср. также контекст после *x*-: тюрн. *x'ır*, *x'ır'de* ~ *xuir'de* loc. 'поле'.

В следующих основах в тюрнясевском также представлены огубленные рефлексы: тюрн. *ır'ələt* 3sg. 'таять', *ır'ək* ~ *ır'ək* 'свобода', *k'yr'l'ə* ~ *k'yr'l'ə* 'нужно'. В абрыскинском в первом слове отмечается огубленный: абр. *ır'əl'ət* ~ *ır'əl'ət* 3sg. 'таять', в остальных словах — неогубленные рефлексы. На основании внешних данных в этих словах реконструируется *e, так что, по-видимому, имела место вторичная лабиализация (в позиции перед *-r*?). Параллелью может служить чувашское развитие *ı в позиции перед *-r-*, которое как бы отражает сочетание *ıw*. В прочих тюрнясевских основах с *e в позиции перед *-r-* представлен неогубленный гласный: тюрн. *şir'əm* ~ *şir'əm* 'двадцать', *tir'leñə* p.part. 'болеть' (отсутствие огубленности в любом случае ожидаемо в позиции после палатального), а также *ir* 'мять', *ir't rə* pret. 3sg. 'пройти', *sir'b'ət* 'орошать', *t'ir* 'шкура'.

С другой стороны, соответствием чув. *kirlə* 'нужно' является башк. *kerek* id. Здесь *e* отражает поволжско-кыпчакский *e'*, в части случаев этимологический, а в части — вторичный в позиции перед последующим губным согласным или огубленным гласным. Возможно, уже в пратюркском для этого слова существовал вариант с огубленным в первом слоге.

3. Архаичные отражения прочих огубленных в чувашских говорах

3.1 В чувашском языке отмечается архаичное отражение ПТ **u* как *ы*, например, в слове **tūt*- ‘держать’ ~ чув. *тыт*- id. Пратюркский гласный дает здесь удлинённый рефлекс перед дентальным. Оказалось, что в абрыскинском и в санарпосинском (!) говорах гласный отражает пратюркскую огубленность: абр. *tūt*- ‘держать’, санр. *тытма* inf. id., med. *тытма* conv. ‘начинаться’. В тюряшевском записана форма с неогубленным гласным *ty, t*. ПТ **u* представлен также в чув. *ыжу* ‘сон’, ср. огубленные рефлексы в абр. *шжу* ~ *ыжу* ‘сон’, тюрн. *ωжу* ~ *ωжу* ‘сон’.

В следующих случаях формально отражаются рефлексы пратюркских огубленных, но огубленность в нурлатских говорах, наиболее последовательную в абрыскинском, можно считать и вторичной (под влиянием инлаутного *-v*):

ПТ **ōj*: чув. *сив* ‘холодный’, но абр. *сiv* ‘*ə*’ ~ *сiv* ‘*ə*’, тюрн. *s iyv* ‘*ə*’ id.,

ПТ **ōj*: чув. *сивла*- ‘дышать’, но абр. *-zuvlā, svvlā* id.,

ПТ **ōy*: чув. *ив* ‘сын’, но абр. *ыvvl* ~ *ивvl* id.,

ПТ **ō*: чув. *хив*- ‘снимать’, но абр. *хыи* id.

3.2 При соответствии чув. *i* ~ станд.-тюрк. *ii* принято восстанавливать пратюркский дифтонг **ii*. В этих случаях часто отмечается внутритюркское колебание *ii* ~ *i*, а в чувашском не бывает исторической палатализации дентальных, как перед **i*, **i* [Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков 2006: 223].

В абрыскинском и, менее последова-

тельно, в тюряшевском говоре на месте пратюркского дифтонга отмечается огубленный *i* с вариантами, ср.:

чув. *kil* (в диалектах встречается и *kül*) ‘дом, домашний очаг’ ~ огуз. **kil*, аз. *kil*, тур. *kil*, но як. *küle, küle* id. при абр. *k’ild’è* loc., *k’iln’è* 3sg. dat., тюрн. *k’yld’è* loc. id.;

чув. *sir*- ‘отводить, рассеивать’ ~ станд.-тюрк. **sür*- ‘гнать, прогонять’, ткм. *sür*- id. при абр. *s’ur’zè* conv., тюрн. *s’yr’z’è* conv. id.;

чув. *tilä* ‘лиса’ ~ тюрк. **tülki*/**tülki*, ткм. *tilki*, тув. *dilgi*, но хак. *tülgü*, кир. *tülkü*, алт. *tülkü* id. при абр. *tili* ~ *t’li* 3sg., тюрн. *t’ulä*, ср. также *t’il’ə* в санарпосинском говоре Вурнарского района;

чув. *tir*- ‘вдеть нитку, нанизывать’ ~ тюрк. **düz*-/**diz*-, як. *tis*-, тур. *diz*-, тат. *tez*-, но ткм. *düz*-, аз. *düz*- id. при тюрн. *t’yr’* id. (по абрыскинскому говору данных нет).

Дифтонг восстанавливается также для чув. *silä* ‘гнев’ ~ тюрк. **jül*- ‘сойти с ума’, алт. *zül*-, як. *sül(e)* ‘страсть, жар’. Отсутствие огубленности в абр. *šylä* ~ *silä*, тюрн. *silä* id. закономерно, так как гласный здесь находится в позиции между двумя палатальными.

[По всей видимости, пратюркский дифтонг с огубленным гласным следует восстанавливать и для чув. *sis*- ‘чувствовать’. В Словаре П. С. Палласа (1787–1789 гг.) данное слово записано как *сюзядубь*, где *ю [ü]* может быть отражением огубленного *i*. Реконструкции **e*° в этом случае препятствует сохранение *s*- (ожидалась бы палатализация в *š*-, как перед **e*°).]

Основные источники огубленных ‘ы’ и ‘и’ в нурлатских говорах можно представить в виде таблицы.

Таблица 1. Источники огубленных ‘ы’ и ‘и’ в нурлатских говорах чувашского языка

	абр.	тюрн.
огубленный ‘ы’ (<i>ы</i> ° / <i>и</i> / <i>ү</i>)	ПТ * <i>ä</i> ПТ * <i>a</i> в позиции рядом с губными и после <i>x</i> - ПТ * <i>u</i> ПТ * <i>o</i> (?)	ПТ * <i>ä</i> в позиции рядом с губными ПТ * <i>a</i> в позиции рядом с губными и (редко) после <i>x</i> -
огубленный ‘и’ (<i>ï</i> ° / <i>и</i> / <i>ү</i> / <i>ø</i>)	ПТ * <i>e</i> ° ПТ * <i>e</i> в позиции рядом с губными ПТ * <i>o</i> (?) ПТ * <i>ii</i>	ПТ * <i>e</i> ° в позиции рядом с губными ПТ * <i>e</i> в позиции рядом с губными ПТ * <i>o</i> (?) ПТ * <i>ii</i> (непоследовательно)

К транскрипции. В настоящей статье диалектный материал подается в записи, позволяющей отметить максимальное число фонетических характеристик звука. При записи вокализма использовалась следую-

щая транскрипция, разработанная и использовавшаяся при экспедиционных записях западно-украинских, русинских и русских диалектов, а также для полевых записей диалектов тюркских языков.

Таблица 2. Фонетическая транскрипция, использованная при записи диалектного материала

подъем \ ряд	передний	передне-средний	средний	средне-задний	задний
верхний	i	i ü	y ш	ы u	и
верхне-средний	e	ə ö	ь ø	ʌ ɔ	o
средний	e	ə ö	ь ø	ʌ ɔ	o
средне-нижний	ɛ	æ œ	ɑ	ɑ	ɔ
нижний	ä	æ	a	ɑ	

Кроме того, используется знак слабой огубленности $\overset{\circ}{_}$ (например, u°). Точка над гласным (например, i) обозначает незначительное упереднение артикуляции, часто это добавочный подъем средней части языка. Ударение ставится при помощи грависа ($\grave{_}$), так как знак акута ($\acute{_}$) во многих системах записи используется для обозначения палатального характера согласного. Надстрочная точка справа от согласного (например, t^{\cdot}) указывает на его полумягкое произношение. Подстрочной перевернутой дужкой (например, v) отмечается ослабленная артикуляция согласного.

Список условных сокращений

абр. — чувашский говор деревни Абрьскино Нурлатского района Республики Татарстан; аз. — азербайджанский язык; алт. — алтайский (ойротский) язык; араб. — арабский язык; башк. — башкирский язык; дравид. — прадравидийский язык; др.-тюрк. — древнетюркский язык; кирг. — киргизский язык; монг. — язык монгольской группы; огуз. — язык огузской группы; осет. — осетинский язык; перс. — персидский язык; ПИЕ — праиндоевропейский язык; ПТ — пратюркский язык; санр. — чувашский говор деревни Санарпоси Вурнарского района Чувашской Республики; станд.-тюрк. — стандартно-тюркский праязык; тат. — татарский язык; ткм. — туркменский язык; тоф. — тофаларский язык; тув. — тувинский язык; тур. — турецкий язык; тюрк. — тюркские языки; тюрн. — чувашский говор села Тюрнясево Нурлатского района Республики Татарстан; урал. — прауральский язык; хак. — хакасский язык; чув. — чувашский язык; як. — якутский язык; conv. — конверб;

dat. — дательный падеж; imp. — императив; iter. — итератив; loc. — локатив; med. — медиальный залог; neg. — отрицательная форма; nom. — номинализатор; pl. — множественное число; p.part. — перфектное причастие; pret. — прошедшее время; sg. — единственное число; 1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо.

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 657 с.
 Мудрак О. А. Исторические соответствия чувашских и тюркских гласных: Опыт реконструкции и интерпретации / РАН. Ин-т востоковедения. М.: Наука, 1993. 185 с.
 Савельев А. В. Отражение вокализма чувашских диалектов в «Сравнительном словаре» П. С. Палласа // Урало-алтайские исследования. 2013. № 1 (8). С. 34–54.
 Савельев А. В. Фонетические особенности низового диалекта чувашского языка (по данным говоров Нурлатского района Татарстана) // Мат-лы XIII Междунар. конф. «Актуальные проблемы диалектологии языков народов России». Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2013. С. 105–111.
 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Региональные реконструкции / отв. ред. Тенишев Э. Р. М.: Наука, 2002. 768 с.
 Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Тенишев Э. Р., Дыбо А. В. М.: Наука, 2006. 912 с.

ББК 81.2(2Рос.-Калм.)
УДК 811.512.37

**НОМИНАЦИИ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА
ПО СТЕПЕНИ РОДСТВА В КАЛМЫЦКОМ ЯЗЫКЕ
(на материале песенных текстов)***

В. С. Очирова, Э. У. Омакаева

Одним из важнейших исследовательских направлений современной лингвистики является изучение проблем номинации. Вместе с тем, далеко не все аспекты данной проблематики получили должное освещение. В частности, недостаточно исследованной в монголистике является специфика гендерной номинации лиц мужского пола по различным признакам, в том числе по степени родства.

Языковые данные в изучении родства, как известно, имеют первостепенное значение [Голстая 2009: 7]. Термины родства и свойства входят в основной словарный фонд любого языка и являются наиболее древним его пластом. Поэтому относительно немногочисленная терминология родства в монгольских языках не могла не привлечь внимания специалистов.

Источниковой базой для лингвистов чаще всего служат средневековые письменные памятники и словари, а также фольклорные тексты разных жанров [Омакаева, Бурыкин 1999; Бурыкин, Омакаева 2009; Рыкин 2005; 2009; Бадгаев 2009; Омакаева 2009; Пюрбеев 2013 и др.]. Так, в статье Г. Ц. Пюрбеева [2013] анализируется функционирование терминов родства в юридических текстах на материале памятника монгольского права «Халха джирум»). Слова, подвергшиеся анализу, определяют и подчеркивают специфику семейно-родственных отношений в монгольском обществе XVIII в.

Настоящая работа основывается на анализе оригинальных текстов калмыцких народных песен разных временных периодов, зафиксированных собирателями в XIX–XX вв. (А. Д. Руднев [1909], Г. Рамstedт [1962], А. В. Бурдуков [1939], А. М. Листопадов [1999] и др.), как опубликованных в различных сборниках [Төрскн һазрин дуд 1989], так и не введенных до сих пор в науч-

ный оборот, а также на собственных полевых материалах авторов (записи, сделанные в ходе экспедиционных выездов в районы республики в 2000–2013 гг.). Полевые материалы, собранные вышеуказанными учеными в ходе научных экспедиций в первой половине XX века на территории Калмыкии, ныне хранятся в архивных собраниях республики и за ее пределами [Омакаева 2000].

Актуальность заявленной в названии статьи темы обусловлена неразработанностью ряда сложных семантических проблем, связанных с гендерной номинацией в сфере лексики. Несмотря на имеющиеся исследования, посвященные изучению лексики разных тематических групп, включая термины родства, в т. ч. на материале песен [Убушиева 2013], проблематика в этой сфере ещё не исчерпана, что актуализирует описание рассматриваемых терминов сквозь призму гендера.

Гендерный фактор является одним из важнейших параметров личности и общества в целом. Как известно, понятие гендера было заимствовано для исследования социокультурных аспектов проблемы пола. Нас интересует прежде всего то, какими способами располагает калмыцкий язык для конструирования гендерной идентичности.

В современной литературе существует ряд работ, в которых рассматриваются способы языкового маркирования гендерной оппозиции «мужское/женское» [Кирилина 1998; 2000 и др.]. Среди средств лексического маркирования семантики «мужское» ключевую роль играют термины родства, под которыми мы имеем в виду группу слов, объединенную общей темой родства, гендерно маркирующую статус отношений в семье и в роде. Родственниками, как известно, считаются люди, связанные происхождением одного от другого (прямое родство) или от одного предка (боковое родство).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-24-03553.

«Математическое» выражение «алгебра родства» (термин Б. Малиновского [Malinowski 1930: 28]) подчеркивает сложность и иерархичность системы родственных отношений, связанной с этническими традициями и обрядами, с культами и ритуалами, с пищей, одеждой и другими компонентами материальной культуры. Интересы рода, забота о его продолжении и прославлении нашли отражение в развитой системе терминов родственных отношений, бытовавшей у калмыков.

Автор классификационной системы обозначений родства Алфред Луис Кребер выделил 8 основных признаков, с помощью которых следует описывать термины родства: 1) поколение (дед и отец, отец и эго, эго и его сын); 2) прямое или не прямое (боковое) родство (отец и брат отца); 3) относительный возраст родственника внутри одного поколения (старший брат и младший брат, старший дядя и младший дядя); 4) пол родственника (мужчина или женщина: брат и сестра, дядя и тетя, сын и дочь); 5) пол эго; 6) пол родственника; 7) родство или свойство; 8) иное: жив ли родственник, принадлежность к определенной возрастной группе [Kroeber 1909: 78]. Но при рассмотрении терминов родства в разных языках лингвисты применяют разные подходы.

Системное исследование терминологии родства во многом основывается на методе компонентного анализа, связанном с гипотезой о том, что значение слова состоит из семантических компонентов (сем). Иными словами, семантика терминов родства в разных языках может быть описана путем комбинаций признаков.

Компонентный анализ терминов родства впервые был выполнен Т. П. Ломтевым [1964] на материале русского языка. По мнению ученого, семантическое поле, выраженное терминами родства, стало своего рода полигоном, на котором испытываются разные методы анализа [Ломтев 1964: 108]. Семантико-функциональный подход к анализу русских терминов родства развивает в своем исследовании М. А. Кронгауз [2005].

Для обозначения родственных отношений в калмыцком языке предназначена детально разработанная терминология родства, основной оппозицией которой является маскулинность/фемининность. В калмыцком языке, как известно, отсутствует грамматическая категория рода, поэтому, в отличие от русского языка, трудно гово-

рить о родовой соотнесенности терминов родства.

Калмыцкие термины родства могут быть исследованы как в аспекте выявления того общего, что заложено в терминологиях родства разных языков вообще, так и с точки зрения наличия существенных межэтнических различий.

Известный американский исследователь терминов родства Д. Гринберг [Greenberg 1949; Voggers 1949] выявил три универсальных признака: 1) все языки стремятся иметь различные термины для обозначения родства разных поколений (различие между обозначениями внуков, детей, родителей и т. д.); 2) есть терминология для обозначения кровного родства и родства, установленного через брак (*отец, тесть* или *свёкор*); 3) все языки стремятся маркировать гендерные различия хотя бы между некоторыми родственниками (*отец – мать, дочь – сын*).

Исходя из этого, в калмыцком языке можно выделить две универсальные группы терминов родственных связей для обозначения лиц мужского пола: 1) по кровному родству (например, *отец, сын, брат*), 2) по некровному родству (свойству, браку, например, *муж*). Следует подчеркнуть, что принадлежность как к первым (родичам), так и ко вторым (свойственникам) налагала на члена родственного коллектива определенные обязанности. Универсальным признаком калмыцких терминов родства также является релятивность семантики.

Что касается специфических черт калмыцкой терминологии родства, то к ним относится наличие отдельных общих терминов для обозначения в целом родственников со стороны отца и матери. Как известно, родство у калмыков определяется по мужской (отцовской) и женской (материнской) линиям. Первое номинируют как *авһнр*, которые и считаются родственниками в собственном смысле слова, т. е. истинными родственниками. Кстати, у калмыков есть род под таким названием. Отцовская линия считается родством по кости (*яси*), а родня по матери (*наһцнр*) — по крови (*цусн*).

Из достаточно большого числа лексических единиц, определяемых нами как термины родства, в текстах калмыцких песен были выявлены «маскулинные» лексемы, различающие лиц мужского пола по линии родства, полу, возрасту:

1. Для обозначения отца в песнях используется слово *аав*, хотя в современном

калмыцком языке данный термин служит для номинации понятия 'дед, дедушка'. Термин *аав*, изначально предназначенный в монгольских языках для обозначения старших родственников класса отцов, видимо, какое-то время бытовал параллельно с *эцк*, но впоследствии был вытеснен последним.

Но в песенных текстах анализируемая лексема регулярно выступает в значении 'отец': *Аавин өгсн селвгинь аңхун болж ядлав* 'Советом, что дал мне отец, / По своей беспечности пренебрег'; *Аавин һанц чамаһан / Аашна гижэ соңслав* 'Слышала я, что едешь ты, / Единственный сын (своего) отца'.

В широко известной исторической песне о Галдаме, посвященной выдающемуся ойратскому военачальнику XVII в. [Лыткин 1861], герой обращается к своему отцу с просьбой отпустить его на войну: *Хар мөрн эцэд угад, / Харһа жид мокад угад, / Аав, тэв, шурһнав би* 'Пока вороной конь не утомился, / Пока сосновое копье не притупилось, / Отец, отпусти, я нападу'.

Что касается названия дедушки, то здесь имеет место гендерная дифференциация: дедушка по отцу именовался *өвк*; дед по матери — *һаңц эцк, һаңц аав*.

Следует отметить, что слово *аав* также используется при обращении не только к своему отцу (т. е. не только как термин родства), но и к любому лицу мужского пола преклонных лет.

2. Единой номинации для обозначения понятия «дядя» в калмыцком языке нет вообще. Необходимо знать, какой именно дядя имеется в виду, потому что дядя как брат матери по-калмыцки будет обозначаться одной лексемой, а для обозначения понятия дяди как брата отца в калмыцком языке используется совершенно другое слово.

Приведем пример со словом *һаңцх* 'дядя (по материнской линии)': *Һаңц зе хойран яһад эс медвч?* 'Как же ты не знал, что вы являетесь родственниками по материнской линии?' (речь идет о том, что юноша не знал, что доводится своей возлюбленной дядей по материнской линии).

У калмыков было принято знать родственников по линии отца до девятого колена, делалось это для того, чтобы избежать кровосмешения. Что касалось родственников по материнской линии, то брак с ними запрещался: *Зееһән авхла, зел тасрдмн* 'Если женишься на родственнице по мате-

ри, / Прервется твой род (досл. порвется веревка для привязывания телят и жеребят)'.

Интересно отметить, что в песенных текстах практически отсутствуют термины *авһ* 'дядя по отцу' и *авһнр* 'родственники по отцовской линии', но довольно часто употребляется лексема *һаңцх* 'дядя по матери' и *һаңцнр* 'родственники по материнской линии', что, конечно, не случайно.

До установления патриархальной системы господствующую роль играло родство по материнской линии. Некоторые элементы матрилинейности прошлого сохранились и в современной структуре системы терминов родства.

В лирических народных песнях, исполняемых от лица вышедшей замуж девушки, часто упоминаются родственники по материнской линии. В подтверждение приведем и калмыцкие пословицы: *Ээжин элгнд буһад золһдг, / Аавин элгнд мөрн деерэс золһдг* 'Родственников по матери приветствуют, спешившись с лошади, / Родственников по отцу приветствуют с коня', *Экин элгнд суһад һардг, / Эцкин элгнд зогсад һардг* 'Навещающая родственников по матери, уходят, немного посидев, / Навещающая родственников по отцу, уходят, немного постоив' [Пословицы 2007: 73, 74].

В трудные моменты именно родственники матери первыми приходили на помощь своим племянникам (*зеенр*). Так, в калмыцкой народной песне «Цаста цаһан уул» («Снежная белая гора») герой Лузанг Шарап отправляется за поддержкой к родственникам матери: *Заартын зандн бушмүдтэ билэ, / Заһлма күцм борта билэ, / Заяни һанц Луузң Шарв / Заятахн һаңцнран темцв* 'Был (у него) пропахший потом бешмет цвета сандала, / Был (у него) Серко, способный поймать кобчика, / Одинокий от рождения Лузанг Шарап / К счастливым родственникам по матери устремился'.

3. В системе калмыцких терминов родства значимую роль играет возрастной признак, что обусловлено традицией уважительного отношения к старшим не только в пределах семьи или рода, но и социума в целом. В качестве примера можно привести такой термин, как *ах* 'старший брат': *Хээрлдг ахнрнь болхла / Хэрэж ирэд, дөңнэд суув* 'Что касается милостивых старших братьев, / То, возвратившись, поддержали (нас)'.

4. Для обозначения младшего брата используется термин *дү* 'младший брат': *Генн*

бах дүүнртэн / Герл орулж өргжүлий ‘Наивных, легковверных младших братьев своих / Просветим и будем способствовать их развитию’.

5. В качестве обобщенного названия фигурирует сложное слово *ахнр-дүүнр* ‘братья’: *Ахнр-дүүнр гижэ / Амнлж маниг дуудла* ‘Считая нас братьями, / Призвал нас’.

6. Некоторым терминам родства в калмыцком языке присущи дополнительные значения. Так, термин *көвүн* ‘мальчик; сын’ обозначает не только ребенка мужского пола по отношению к своим родителям, но и представителя мужского пола определенного возраста: *Көвүн баһ насдан куукнлэ бичэ наадич* ‘В молодом возрасте (досл. в возрасте мальчика) не играй с девочкой’.

В песенных текстах данное слово встречается и в первом значении: *Альхн чинэн / Цааснднь, гинэ, / Эвэн көвүн Бадмнь / Бичэд өгдг билэ* ‘На бумаге, размером в ладонь, говорят, / Бадма, сын Аби, / Обычно писал’.

7. Названия мужчины и мужа в калмыцком языке совпадают: *залу* ‘мужчина, муж’: *Зурһан, гинэ, давхр-ла Москван чолун өргэднь / Залусин сээдүднь хурад, куундэд бээнэлэ* ‘В московской шестизэтажной каменной палате, говорят, / Лучшие из мужчин, собравшись, ведут беседы’.

Приведенные выше калмыцкие термины родства и свойства с этимологической точки зрения представлены в основном общемонгольскими словами, но они претерпели определенные фонетические и семантические изменения, в т. ч. в силу социальной специфики калмыцкой семьи.

На основе анализа номинаций лиц мужского пола по степени родства в калмыцких песенных текстах можно выделить следующие факторы, определяющие сложившуюся систему родства: дифференциация кровных родственников и свойственников; обозначение одним термином целой группы лиц различных степеней родства; разграничение отцовской и материнской линий родства; дифференциация терминов родства по старшинству и полу и др.

В заключение отметим, что выявленные нами в калмыцких песенных текстах «мужские» лексемы, номинирующие степень родства, являются важным индикатором отношения того или иного народа к родственным связям, к роли каждого члена семьи в жизни рода. В системе калмыцких терминов родства отражается этнокультурная модель традиционной семьи.

Данные калмыцкого языка показывают, что прототипическая калмыцкая семья многочисленна (*өнр*), ценностно ассиметрична (есть более и менее ценные родственники), для нее характерны патрилинейность и андроцентризм. Значимость возраста эго и возраста связующего родственника свидетельствует об идентификации степени родства сквозь призму семьи.

Литература

- Бадгаев Н. Б.* Фонетические особенности некоторых терминов родства и свойства в монгольском глоссарии «Мукаддимат Ал-Адаб» // 7 Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 530–531.
- Бурыкин А. А., Омакаева Э. У.* Система родства и нормы гендерного этикета у калмыков как возможная причина изменения лексического фонда монгольских языков // 7 Конгресс этнографов и антропологов России (Оренбург, 1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 533–534.
- Кириллина А. В.* Развитие гендерных исследований в лингвистике // Филологические науки. 1998. № 2. С. 51–58.
- Кириллина А. В.* О применении понятия *гендер* в русскоязычном лингвистическом описании // Филологические науки. 2000. № 3. С. 67–74.
- Кронгауз М. А.* Семантика: Учебник для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. 2-е изд., испр. и доп. М.: Издат. центр «Академия», 2005. 352 с.
- Ломтев Т. П.* Конструктивное построение смыслов имен с помощью комбинаторной методики. Термины родства в русском языке // Филологические науки. 1964. № 2. С. 108–120.
- Льткин Ю.* Хошоутовский нойон Галдама // Астраханские Губернские ведомости. Астрахань, 1860. № 45–46; 1861, № 7–8, 13, 15, 16, 18, 20, 22, 26–29.
- Омакаева Э. У.* Материалы о калмыках в архивных собраниях Калмыкии и за ее пределами // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. СПб.: Петербург. востоковед, 2000. С. 78–83.
- Омакаева Э. У.* Термины родства *аав* и *ээж* в монгольских и калмыцких пословицах // 8 Конгресс этнографов и антропологов России. (1–5 июля 2009 г.). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2009. С. 532–533.

- Омакаева Э. У., Бурыкин А. А. Система терминов родства и свойства калмыков // Алгебра родства. Родство. Системы родства. Системы терминов родства. СПб.: МАЭ РАН, 1999. Вып. 4. С. 212–221.
- Пюрбеев Г. Ц. Термины родства и семейно-родственных отношений в памятнике монгольского права XVIII в. «Халха джирум» // Вестник КИГИ РАН. 2013. № 3. С. 121–123.
- Рыкин П. О. Семантический анализ термина аца в среднемонгольском языке: к проблеме реконструкции ностратической терминологии родства и свойства // Алгебра родства. СПб.: МАЭ РАН, 2005. Вып. 9. С. 32–44.
- Рыкин П. О. Семантический анализ терминов родства и свойства в среднемонгольском языке // Вопросы филологии. Серия “Урало-алтайские исследования”. 2009. № 1(1). С. 80–91.
- Толстая С. М. Категория родства в этнолингвистической перспективе // Категория родства в языке и культуре. М., 2009. С. 7–22.
- Убушиева Б. Э. Лексика калмыцких народных песен (когнитивно-семантический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Элиста, 2013. 26 с.
- Borgers A. Review: Joseph H. Greenberg, The Logical Analysis of Kinship. Journal of Symbolic Logic. 14 (2). 1949. 135–136 pp.
- Greenberg J. The Logical Analysis of Kinship // *Philosophy of Science*. 16 (1). 1949. Pp. 58–64.
- Kroeber A. L. Classificatory systems of relationship // Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland. Vol. 39. 1909. Pp. 77–84.
- Malinowski B. Kinship // *Man*. 1930. Vol. 30. № 17. Pp. 9–29.

Источники

- Бурдуков А. В. Рукопись. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 21. Оп. 1. Ед. хр. 59, 83, 144.
- Листопадов А. Калмыцкие песни, записанные в Денисовской станице Сальского округа в ноябре 1902 года / публикация В. Шивляновой // Из истории русской фольклористики: Сб. науч. статей. СПб.: Пушкин. Дом, 1999. С. 541–562.
- Пословицы, поговорки и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост. Б. Х. Тодаева. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Руднев А. Д. Мелодии монгольских племен // Записки ИРГО по отделению этнографии. СПб., 1909. С. 395–430.
- Төрскн һазрин дуд. Хальмг улсин кезэңк болн өдгэ цага дуд / Цуглулж, диглж, барт белдснь Окна Б.; Ред. Буджала Е. На калм. яз. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1989. 241 с.
- Ramstedt G. J. Kalmükische Lieder. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1962. 96 p.

УДК 811.161.1+ 811.222.1
ББК (Ш) 81.2

К ИСТОРИИ ИРАНИЗМА *САРДАР* В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ДОКУМЕНТАЛЬНОЙ РЕЦЕПЦИИ

Нахид Абдалтаджедини

В русском языке существует достаточно много иранизмов, проникших в разные годы, по разным причинам, но наиболее распространенным способом заимствования является проникновение через посредство других языков, прежде всего тюркских: *базар, кальян, аришин, султан, кафтан* и др. В данном контексте представляет интерес бытование в языке русской литературы собственно иранизма *сардар*, имеющего, по всей видимости, статус экзотизма с самого момента своего появления в русском литературном тексте¹.

Слово *сардар* и по происхождению, и по употреблению культурно маркировано, поскольку имеет терминологическую функцию: обозначает (только на Востоке) либо главнокомандующего мусульманским войском, либо — родовитого и влиятельного человека, сановитого чиновника. В Большом академическом словаре русского языка можно найти статью с характерными комментариями: *сердár* и *сардár* — «1) В некоторых мусульманских странах Востока главнокомандующий войсками; 2) В Индии и Афганистане — глава племени, влиятельный сановник <...> *сердарь* впервые употребил в 1806 г. Н. М. Яновский в «Новом словотолкователе»; затем Михельсон, словарь 1866: *сердарь*; словарь иностранных слов 1937: *сардár*, *сердár* перс. *Sārdār*» [БАС, 13: 670].

Любопытно, что в персидском языке отсутствуют мягкие согласные и, следовательно, конечный согласный в анализируемом слове не смягчается; так, сложное по своему образованию слово *sardār* имеет в качестве второго элемента корень *dār* <инф. *dāstan*; со значением 'иметь, обладать, владеть' [Расторгуева, Эдельман, 2: 332–333]. Однако в русском языке *сардар* очень скоро начинает писаться, а значит, и произноситься со смягчением финали,

¹ Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка [НКРЯ].

видимо, принимающей на себя функцию суффикса лица –арь, достаточно активного в русском языке во всех стилистических регистрах, ср.: *пономарь, лекарь, ухарь, псарь, ложкарь, бездарь* и т. д.

Летняя беседка с витыми галереями в три этажа. Сам сардарь на балконе. Вода на улицах. [А. С. Грибоедов. Дневник обратного путешествия в Персию (1820)].

Сардарь Ериванский занял Бомбахскую и Шурагельскую провинции и простирает набеги свои до Ковша [Д. В. Давыдов. Из «Записок во время поездки в 1826 году из Москвы в Грузию» (1826)].

— *Он, говорит, ни к кому не хотел выходить, а только к тебе, потому ты сын сардаря.* [Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат (1896)].

Характерно, что слово, столь колоритное и экзотическое, прежде всего отмечается в текстах русских писателей, имевших по роду службы и занятий отношение к Кавказу, Персии (в записках А. С. Грибоедова, Д. В. Давыдова, произведениях А. А. Бестужева-Марлинского, Л. Н. Толстого и др.) Замечательно и то, что сами писатели, вводя впервые в свой текст данное слово, нередко дают собственные толкования диковинному термину, отмечая при этом некоторые важные для себя и читателя дефиниции:

<...> *По прошествии недели продали меня сардару. Сардар — персидское слово, значит: предводитель полководец.* [А. С. Грибоедов. *Desiderata* (1824–1825)].

Сардарь — по-персидски главнокомандующий. Запросто мы всегда употребляем это слово: оно просто и звучно. [А. А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана (1831)].

На другой день состоялся во дворце прием разных лиц, и новый «сардарь» (главнокомандующий) показал себя ласковым, добрым и простым человеком. [В. В. Огарков. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность (1892)].

Во главе правительственных войск находился сардар Мохи, один из местных

ханов. [Иванов. Вечерняя хроника. Победа экс-шаха (1911.10.31) // «Новое время», 1911].

Итак, персидское *sardār* — сложное имя существительное, из пехлевийского ‘*sardār*’ [Фараваши: 497], образованного из двух слов: *sar* ‘глава, руководитель’ и *dār* < арийск. *dhār* ‘схватывать, крепко держать’, позднее в ряде языков ‘содержать’ → ‘иметь’ [Расторгуева, Эдельман, 2, 332–333]. Это слово в персидском языке (как более 1 500 лет назад, так и в современном языке) активно употребляется. *Сардар* в современном персидском языке имеет значения, соотносимые с теми, что обозначены в словарях современного русского языка: «1) главнокомандующий войсками; 2) уважительный титул (о командующих Корпуса стражей исламской революции и полиции, имеющих ученую степень выше, чем полковника); 3) глава племени, влиятельный сановник; 4) владелец, предводитель» [Сохан, 5: 4129].

Интересно и то, что иногда слово *сардар*, уже имеющее в своем лексическом значении семы ‘знатный, влиятельный, родовитый’, снабжается характерными эпитетами, видимо, с целью уточнения значения для русского читателя, по сути, становясь тавтологическим наименованием:

Он все это взял, благодарил и, уезжая 31 марта, уверял вице-короля в своей преданности, но заметил, что страшится оппозиции знатных сардарей и что вряд ли ему удастся пропустить английские отряды через Афганистан. [А. Маслов. Россия в Средней Азии. (Очерк наших новейших приобретений) // «Исторический вестник», 1885].

По данным Национального корпуса русского языка, слово *сардар* встречается в следующих вариантах: *сардар*, *сардарь*. Причем интересно, что именно вариант *сардарь* (с мягкой финалью) наиболее частотен в текстах XIX в., и только он имеет формы практически всех падежей:

Я имел время на всё это уставить мой лорнет, потому что нашего сардаря еще не было. [А. С. Грибоедов. [Путевые письма к С. Н. Бегичеву] (1819)].

Мазарович кричит, что прямо ворвется к сардарю и сделает суматоху. [А. С. Грибоедов. [Путевые письма к С. Н. Бегичеву] (1819)].

<...> Против Аббаса-Мирзы князь Мадатов с тремя тысячами, а против Сардаря полковник князь Севирзимидзев с тифлисским пехотным полком, на Каменной

речке в урочище Джелал-Оглу, что возле Лори [Д. В. Давыдов. Из «Записок во время поездки в 1826 году из Москвы в Грузию» (1826)].

Доступен он был всем, и это очень нравилось тщеславным туземцам, любившим часто стоять на подъезде дома сардаря (главнокомандующего) и, важно разглаживая усы, раскланиваться с проходящими приятелями, давая им таким образом знать о своем знакомстве с князем. [В. В. Огарков. Воронцовы. Их жизнь и общественная деятельность (1892)].

Одно, что ему нужно и что разрешено ему сардарем, это то, чтобы иметь сношения с горцами, и потому он желает, чтобы их допускали к нему. [Л. Н. Толстой. Хаджи-Мурат (1896)].

Заслуживает внимания и тот факт, что один и тот же автор, например А. С. Грибоедов, в разные годы и в различных текстах употребляет обе формы этого слова, с твердой и мягкой финалями:

Наконец, выступаем на поле, что между крепостию и городом, и тут несется к нам посланный от сардаря чиновник в драгоценной шубе [А. С. Грибоедов. [Путевые письма к С. Н. Бегичеву] (1819)].

Перед Казбином много деревень в стороне, принадлежат сардарю Эриванскому; им же выстроены училища в Казбине. [А. С. Грибоедов. Путешествие от Тавриза до Тегерана (1819)].

<...> В Крутском владении, главный город Киллюм управляется сардаром Буда-Ханом. [А. С. Грибоедов. *Desiderata* (1824–1825)].

Холод до костей проникает, равнодушнее к людям с дарованием; но всех равнодушнее наш Сардар; я думаю даже, что он их ненавидит. [А. С. Грибоедов. Избранные письма (1826)].

Обвинения с жаром против пограничных начальников, не щадя и своих сардара и брата его; потом неистощимые уверения в преданности императору, — всё это быстро следовало одно за другим. [А. С. Грибоедов. Избранные письма (1827)].

Подобные употребления встречаются и в произведениях других писателей XIX века; в XX же веке предпочтение отдается варианту *сардар*, что, возможно, свидетельствует о некоем нормировании в написании рассматриваемого иранизма, соотносимом с его происхождением, а также исконным произношением *sardār* в персидском языке:

С ведома и согласия шаха 25 наиболее влиятельных сардаров, эмиров и знатных лиц Персии явились в Меджлис и заявили, что они твердо решили до последней возможности отстаивать начала конституции и парламент. [Неизвестный. Вести (1907.10.01) // «Новое время», 1907].

Вера в победу Ефрема крепка, тем более, что из Мазендерана идут вести, что все шайки Магомета-Али рассеяны, а Сардар Мохи со своим отрядом, вопреки сообщениям, остался невредим. [За границей. Телеграммы наших корреспондентов (1911.09.07) // «Русское слово», 1911].

Бородатый и тучный хан, бывший сардар Эриванский, говорит другому, узкобородому [Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928)].

Войска с красными флагами дефилируют перед Сапехдаром и сардаром Ассадом. [неизвестный. Вести (1909.07.18) // «Русское слово», 1909].

Среди слушателей особенно выделялись доверенное лицо М. Дауда, эксперт, принимавший нашу технику в Кушке, майор М. Акбари и лейтенант сардар (принц) Абдул Азим. [1957 год. Первый афганский «де-сант» (2004) // «Солдат удачи», 2004.02.11].

Варианта *сардарь* не отмечают и словари современного русского языка.

Терминологическое значение слово *сардар / сардарь* имело и в литературных (мемуарных) текстах, относящихся к описанию жизни в Бессарабии: это уже не обязательно ‘родовитый, сановный’, но непременно ‘чиновный, наделенный государственной властью человек’:

Сведения сии получены мною от сардаря, майора Шейновича [П. П. Свиньин. Описание Бессарабской области (1816) // Stratum plus, 2001–2002].

Дороги и мосты в здешнем уезде приведены в отличное перед другими положение похвальным старанием бывшего здесь сардарем в 1815 году пагарником Стаматием. [П. П. Свиньин. Описание Бессарабской области (1816) // Stratum plus, 2001–2002].

Он убил пятнадцать греков..., он ограбил тридцать сардарей..., он поймал в лесу и подковал конской подковой исправника-турка... [И. А. Бунин. Песня о Гоце (1916)].

Слово *сардар / сардарь*, пришедшее в язык русской литературы в начале XIX в. для историко-культурного описания событий, происходивших на Кавказе и Востоке, зафиксировано в словарях современного русского языка; оно вошло в пассивное употребление и обрело нормированное написание и произношение, однако, несмотря на полную грамматическую адаптацию в системе имен существительных русского языка, не получило семантического развития и осталось восточным экзотизмом.

Источники

- [БАС] — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. / под ред. В. И. Чернышева. Т. 13. Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 757 с.
- [НКРЯ] — Национальный корпус русского языка [электронный ресурс] // URL: <http://www.ruscorpora.ru/> (дата обращения: 12 декабря 2013 г.).
- Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. В-Д. М: Вост. лит., 2003. 502 с.
- [Сохан] — Анвари Х. Большой толковый словарь Сохана на перс. яз.: В 8 т. Тегеран: Сохан, 2003.
- Фараваши Б. Словарь пехлевийского языка (на перс. яз.). Изд. 4-е. Тегеран, 2002.

УДК 398.32 (479.225)
ББК 82.3

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ОСЕТИНСКИХ ЛЕГЕНД, ПРЕДАНИЙ И УСТНЫХ РАССКАЗОВ О СВАТИЛИЩЕ БУРСАМДЗЕЛИ

Д. В. Сокаева

В настоящей статье рассматриваются легенды, предания и устные рассказы о святилище Бурсамдзели (Южная Осетия), которое находится на одноименной горе. Оно является наиболее почитаемым осетинским святилищем, где молебны проводились четырежды в год.

Устные рассказы о святилищах Северной Осетии собираются нами уже около двадцати лет. Большая часть этих фольклорных материалов хранится в архиве в виде кассет и расшифровок записей. Часть текстов о святилищах, где рассказывается об отношении к ним, о таинственных явлениях и событиях, связанных с ними, об атрибутике и т. д., уже введена нами в научный оборот [Информационный бюллетень 1; Информационный бюллетень 3]. Часть устных рассказов о святилищах Северной Осетии находится в архиве и пока не изучена [НА СОИГСИ]. Актуальность данного исследования возрастает в связи с тем, что современная гуманитарная наука еще не дала определенного ответа на вопрос о характере традиционной религии осетин.

Нами будут описаны все варианты мифологических текстов о Бурсамдзели, условно называемых «текст об ангеле/духе святилища Бурсамдзели». А. Х. Бязыров отнес цикл о Бурсамдзели в раздел «Легендарные сказки» сказочного указателя АА под номерами 151, 152, 153 и 781 [Бязыров 1960]. Мы же считаем, что тексты на данный сюжет содержат интригу волшебной сказки, а именно — мотив открывания запретного сундука.

Основной метод, примененный нами при рассмотрении текстов, — сравнительно-исторический. В качестве дополнительного избран метод структурного анализа текста, в рамках которого текст обязательно членится на смысловые блоки. Системно изучая несказочную прозу, мы

предложили определение сквозных (проходящих через весь осетинский фольклор) сюжетов, мотивов, образов и определение функциональной, семантической и структурной роли обозначенных элементов при их погружении в фольклорный, обрядовый и другие контексты духовной жизни осетин. Значительным подспорьем в изучении выбранной нами темы является детально исследованная система жанров русского фольклора и фольклора других народов. Фактор национальной реализации международных сюжетов фольклора нельзя недооценивать, поэтому результаты наших исследований, проведенных на материале несказочной прозы других народов, могут помочь как в аспекте методологии, так и в аспекте выяснения семантики мифологического компонента.

Сюжет о святилище Бурсамдзели и его ангеле — сложный и многоплановый, поэтому в данной статье мы сосредоточились на его мифологической составляющей. Можно сказать, что рассматриваемые нами тексты решены в терриоморфном ключе, поскольку главный герой повествования, «низкий герой» выступает в них в образе лягушонка.

Превращение в лягушку и обратно — распространенный мотив мирового фольклора. В осетинском фольклоре он функционирует в волшебной сказке. Образ лягушки, наделенной мистическими свойствами, — яркий образ осетинских заговоров от сглаза. Кроме того, в нашем случае — это не превращение в лягушку, а превращение лягушонка в человека через произнесение магического слова или совершение магического действия (пролитие слезы). Нами и другими исследователями этот образ рассматривался неоднократно, поэтому, не останавливаясь на уже известных интерпретациях, обозначим свою задачу следующим образом: мотив снятия проклятия является

структурообразующим в сюжете о превращении лягушонка в человека, а человека в ангела.

Мифологическая линия сюжета в некоторых текстах дополнена исторической: лягушонок — внебрачный сын царицы Тамары, но данная связь выстраивается косвенно: Бурсамдзели — сын какой-то женщины [НА СОИГСИ. Ф. Ф. П. 152. Д. 407. Л. 108–109 (исп. Демеев Х., 1933 г. р., слышал от отца Петре из ущ. Рук из с. Демеевых. Зап. Козырева Т., 26.07.1968 г.)], Бурсамдзели — муж царицы Тамары [ХИАУ: 135–136 (исп. Джиккаев Д., (с. Дзомаг). Зап. Плиев Х. в 1930 г.) Б-2, с. 40–41; ХИФ: 458–459; РФ ГПБ: Ф. 20. Д. 125. Л. 263–265. Д. Гатуев. Осетинские сказки. Пер. Ф. Гатуевой]; сын царицы Тамары — лягушонок [ХИФ: 278–279 исп. Багаев У., туал. д.)].

Если обобщить различные вариации исследуемого сюжета, то по одной из двух версий получается, что Бурсамдзели является незаконнорожденным сыном царицы Тамары, и тогда мы имеем дело с оригинальной разработкой мифа о святом святилища Бурсамдзели, начальной «точкой роста» которого был образ лягушонка. Случайный гость, возможно, небожитель в виде случайного гостя, который попадает в дом «жителей Верхних равнин», разворачивает действие в пользу незаконнорожденного ребенка царицы Тамары, да и инерция повествования упорно тяготеет к жанру этиологического предания — объяснения появления святого места, святилища Бурсамдзели. Связь образа Тамары с космическими и атмосферными явлениями (утренняя звезда Бонварнон, снегопад) подтверждает ее высокий статус исторической личности, который в несказочной прозе объясняется тем, что она — жена Бурсамдзели. Кстати, она сама «низвергает» своего ребенка и приказывает слугам убить его. Соответствие этому низвергнутому состоянию — вид лягушонка.

Кроме образа лягушонка и мифологичности образа Тамары, фольклорные тексты о Бурсамдзели несут на себе печать собственно текстов о святилищах. Пространство в таких текстах строго иерархизировано: *«Сказка о Бурсамдзели*. В давние времена наши предки называли нашу горную местность «Верхние равнины». И жители этой местности были выше (ростом. — Д. С.)¹. Наши предки застали здесь места, где рос

виноград. Один мужчина пошел на охоту, с утра до вечера он охотился, и когда ничего не нашел, а вечер уже наступил, он заночевал у живущего в горах мужчины. Он зашел во двор и сел у двери дома. Из дома к нему вышла какая-то женщина. Она поздоровалась с ним, пригласила его в дом. Мужчина согласился. Муж женщины был в далеком путешествии. Хозяйка начала готовить пищу. В это время за женщиной все прыгал лягушонок. Гость с большим удивлением смотрел на лягушонка. Когда пироги были уже готовы, женщина положила их на круглый трехногий стол. Налила в рог араку и предложила ее гостю.

Гость отказался, мол, прости меня, уважаемая хозяйка, но, мол, пока ты не скажешь мне, что это такое, я не буду есть — целый день я наблюдаю за тобой: лягушонок прыгает за тобой.

Женщина ему отвечает:

– Прости меня, наш уважаемый гость, но коль наш разговор коснулся этого, расскажу. Он родился из моего чрева, а человеку дорого то, что его крови.

Гость спрашивает ее:

– Кто он: мужчина или женщина?

Хозяйка отвечает:

– Наш уважаемый гость, я не буду от тебя скрывать: все его повадки — мужские повадки.

Гость говорит:

– Как же ты позволила себе пнуть мужчину ногой. Нельзя есть пищу, приготовленную тобой!

В этот же миг лягушонок лопнул, и выпрыгнул юноша с золотой прядью, кругом стало светло, как будто на мать взглянуло полуденное солнце. Тем временем и отец вернулся из путешествия. Жена рассказала ему обо всем, они устроили пир. Гость обрадовался юноше, пожелал ему всего хорошего, выпив рог араки, дал ему имя — Бурсамдзели, и сказал ему, мол, с сегодняшнего дня ты — ангел, и будь с ангелами. С тех пор эти горы называют Бурсамдзели, и молятся ему (юноше) как ангелу. Праздник в его честь устраивается 16 июля» [НА СОИГСИ. Ф.Ф. П. 152. Д. 407. Л. 108–109 (исп. Демеев Х., 1933 г. р., слышал от отца Петре из ущ. Рук из с. Демеевых, зап. Козырева Т. от 26.07.1968 г.)].

В приведенном тексте пространство с самого начала повествования членится по вертикали на две зоны: среднюю (горная местность «Верхние равнины») и мест-

¹ Здесь и далее – пояснения в скобках автора.

ность, откуда пришел охотник (нижняя часть пространства). Верхняя часть пространства достраивается по ходу повествования: когда Бурсамдзели становится ангелом, то место, где он пребывает с этого момента, и является верхней и сакральной частью пространства. Кроме того, как уже отмечалось выше, в этом тексте не сказано, что мать Бурсамдзели — Тамара. Родители Бурсамдзели анонимны, на первый план выходят сказочные мотивы снятия проклятия и «золотой пряди».

Приведем текст, в котором главный герой является мужем царицы Тамары: **«Бурсамдзели»**. Царица Тамара была женой Бурсамдзели. Бурсамдзели был ангелом и жил на вершине горы. Эту гору и назвали Бурсамдзели. На вершине у него была большая поляна. Доски были гнилые у его разрушенного дома. Поляна была завалена пометом всякой дичи. В те времена снег не выпадал, [потому что — Д. С.] Утренняя Звезда была поймана Бурсамдзели и заперта в сундук. Конские табуны Бурсамдзели паслись в Имеретии [область в Грузии — Д. С.]. Как-то Бурсамдзели решил проведать лошадей. Когда уезжал, он дал жене своей ключи и предупредил ее, чтоб она не открывала сундука: иначе, мол, погубишь меня, предупредил он. Отправился Бурсамдзели смотреть лошадей, по пути остановился в одном доме, и хозяйка приготовила завтрак. Ребенок ее выбежал во двор без штанов и тотчас забежал обратно.

Говорит:

— Нана, с неба что-то белое падает, и ноги-руки мерзнут.

Бурсамдзели понял, наверно, жена Звезду выпустила. Вскочил, отодвинул фынг, сел на лошадь и вернулся обратно. Когда он доехал до Сгума, снег уже достигал колена лошади, и это место Бурсамдзели назвал «Сгума», от «сгу» — бедренная кость. Когда до другого села доехал, снег уже достигал живота лошади, и Бурсамдзели назвал это место «Они-Калак», от «он» — лопатка, «калак» — город. Когда в Кударо приехал, лошадь его околела, и Бурсамдзели назвал это место «Кудар».

Он рассердился на Бога и вошел под землю, говоря: «Моя земля навеки ледяной стала».

У Тамары были слуги. Когда они бросали постели на солнечные лучи, то постели на землю не падали. Один из слуг заставил Тамару согрешить с ним; Тамара и жена

слуги родили по мальчику. Утром опять бросили постели на солнечные лучи, и постели упали на землю.

Наутро она спрашивает:

— Кто меня так опозорил?

И потом говорит слуге, который ошибся с нею:

— Если принесешь мне то, что видно на вершине Цхета, будешь годен мне в мужья. Нет — загублю.

Когда слуга дошел до вершины Цхета, Тамара взмолилась:

— Бог, сделай так, чтобы взбушевалась вода и унесла его.

Посмотрела Тамара, и вода низверглась вниз. Затем говорит:

— Не показывайте мне моего мальчика. Унесите его и бросьте в воду.

Прошло время. Ребенок слуги уже весело играл на дворе. Тамара позавидовала, увидев его, и сказала:

— Теперь мой мальчик таким же был бы. Что случилось со мной тогда, как ни с кем. Первое: выпустила Утреннюю Звезду, и на землю лавина (снега) сошла. Второе: своего погубила, похожего на Бурсамдзели [слугу — Д. С.]. Третье: погубила своего мальчика, которого в своем животе выносила.

А слуги ей говорят,

— Если ничего не сделаешь с нами, то дадим тебе увидеть его.

Тамара обрадовалась своему сыну — приняла его в объятия.

Мальчик сказал:

— Ой, нана (осетин. „мама“), здесь теплее.

С тех пор осталось: «Объятия матери слаще всего» [ХИАУ. Кн. 3: 135–136 (исп. Джиккаев Д., с. Дзомаг, зап. Плиев Х., 1930 г.; 40–41); ХИФ: 458–459; РФГПБ. Ф 20. Д. 125: Л. 263–265. Д. Гатуев. Осетинские сказки].

Приведенный текст имеет другие акценты. Тамара разделяет с Бурсамдзели (пусть на какое-то время) власть над атмосферными явлениями, и весь текст выстраивается согласно схеме: Звезда в сундуке — открытие сундука, Звезда вылетает — идет снег, принимающий характер стихийного бедствия и вселенской катастрофы. Этот текст более социализирован, в бытовых подробностях изображен грех Тамары. Морализаторский характер отражен в описаниях греха и отношения матери к своему ребенку.

По текстам о святилищах Северной Осетии нами выявлены особенности образности, которая в них используется. Устные рассказы о святилищах Южной Осетии отличаются по образности от фольклорного материала такого же рода, зафиксированного в Северной Осетии. Таким оригинальным образом является лягушонок, который от пролития на него слезы превращается в златокудрого юношу, а юноша, в свою очередь, становится святым святилища Бурсамдзели. В совокупности мотивов корпус легенд, преданий и устных рассказов о Бурсамдзели представляет собой переплетение топонимического, метеорологического и терриоморфного мифов.

Источники

Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований [НА СОИГСИ].

Литература

Бязыров А. Х. Опыт классификации осетинских народных сказок по системе Аарне-Андреева // Известия Юго-Осетинского НИИ АН ГССР. Вып. X. Сталанир, 1960. С. 94–112.

Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. 687 с.

Информационный бюллетень отдела фольклора СОИГСИ (Устные рассказы о святилищах Осетии). Сост. и авт. пер. Д. Сокаева. № 1. 2005, сентябрь. Владикавказ: СОИГСИ, 2005. 42 с.

Информационный бюллетень отдела фольклора СОИГСИ (Образ чудесной бусины в осетинском фольклоре). Сост. и авт. пер. Д. Сокаева. № 3, 2007, февраль. Владикавказ: СОИГСИ, 2007. 30 с.

[РФ ГПБ] – *Рукописный фонд* Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Гатуев Д. Осетинские сказки. РФ ГПБ. Ф. 20. Д. 125. Л. 263–265.

[ХИАУ] – *Хуссар Ирыстон*ы адамон уацмыста. Т. 3. Сказки, пословицы и др. Предисл. и примеч. А. Тибилова. Цхинвал: Изд-во «Хурзарин», 1931. (Народное творчество Осетии).

[ХИФ] – *Хуссар Ирыстон*ы фольклор. Второе доп. изд. Предисл. и коммент. А. Тибилова, Сталинир: Госиздат Юго-Осетии, 1936. (Фольклор Юго-Осетии).

УДК 821.512.142.

ББК 83.3 Балк.

О СПЕЦИФИКЕ СИМВОЛИЧЕСКИХ ОБОБЩЕНИЙ В НАЦИОНАЛЬНОЙ БАЛКАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. М. Сарбашева (Гузиева), А. Д. Болатова (Атабиева)

Обозначенная в данной работе тема — одна из интереснейших в науке о литературе. Определение специфики символизма в национальной реалистической прозе и драматургии сводится к минимуму, ибо данное качество художественного творчества присуще в большей степени поэтическому искусству. Тем не менее, история мировой литературы располагает множеством ярких свидетельств обращения к элементам символики и мифологизации в различных вариантах произведений повествовательного, эпического и драматургического жанров. Подобное явление обусловлено специфичностью мироощущения, склонностью некоторых авторов к сугубо ассоциативному типу мышления. Только в этом случае воображению художника доступен сакральный смысл явлений вещного мира, скрытые глубины человеческого сознания, вместившие в себя духовный опыт человечества, его экзистенциальную философию. Потому символизм является действенным средством эстетизации читательского мышления, многократно усиливающим эмоциональное воздействие художественного произведения на сознание, меняя представление о мире, подводя к глубоким размышлениям.

Факт обращения балкарских авторов к приемам художественной условности, символики и мифологизации объясним прежде всего их стремлением к философскому осмыслению окружающей действительности. Однако следует подчеркнуть, что в национальных литературах символизм в большинстве случаев не имел возможности оформиться в качестве самостоятельного художественного направления (как это наблюдается в мировой и в русской литературе), поскольку не достиг должного эстетического уровня, что наблюдается на примере балкарской литературы: лишь в 60–70-е годы прошлого столетия в творчестве отдельных балкарских прозаиков и драматургов наметилась тенденция к метафорически завуалированному отображению глобаль-

ных исторических, социально-идеологических конфликтов и противоречий в обществе. Поначалу примеры символических обобщений наблюдались лишь в отдельных произведениях (заметным исключением стала проза З. Толгурова, строго выдержанная в стиле символического реализма). Для иллюстрации значимости элементов символики в балкарской прозе и драматургии необходимо выявить произведения, соответствующие исходному определению. Таковы, к примеру: романы А. Теппеева «Ташыуул» («Жернова»), «Сыйрат кёпюр» («Мост Сират»), повести Х. Шаваева — «Ит жыйын» («Собачья свора»), «Тузакъ» («Неволя»), И. Гадиева — «Нарт уя» («Гнездове Нартов»), Э. Гуртуева — «Шамсудин къала» («Крепость Шамсудина»); драмы А. Теппеева «Коммунист», И. Маммеева «Жаралы жугътур» («Раненый тур»).

Художественная иносказательность — отличительная черта творчества И. Маммеева. Драматург следует канонам балкарского народного искусства, которое по природе своей метафорично. Его произведения изобилуют иносказательными образами, которые передают связь с предметами быта и явлениями исторического порядка. В частности, название пьесы «Раненый тур» представляет собой развернутый метафорический образ. В драме улавливается бытовое и конкретно-политическое звучание. К примеру, символ «бёрю» (волка) ассоциируется с образом деспотичного князя; образ «жаралы жугътур» — раненого тура — составляет художественную параллель образу охотника Хашима, а в его лице — простого народа:

«Хашим: Сегодня с охоты я вернулся ни с чем. Сам знаешь, живу на то, что имею с охоты, и семью содержу таким образом... А сегодня я увидел убегающего **раненого тура**. Его преследовал **волк**. В тот же миг я выстрелил и убил **волка**. А **раненого тура** спас. Удивился бы ты, если б видел, как он убегал <...>. Долго смотрел вслед, пока он не исчез из виду, и вернулся домой...

Кязим: Да. Ты увидел преследующего тура **волка** и убил его. Тем самым спас животное. Но ты сам стал похожим на этого **раненого тура**. Кто же остановит того **волка**, который преследует тебя? Кто тебя от него освободит!?!» [Маммеев 1967: 98] (Подстроч. пер. — А. С.)

В другом эпизоде драмы «тал терекле» (ивушки) олицетворяют судьбу молодых девушек Сакинат и Керимат, а «боран», «жел» (ураган, ветры), «балта» (топор) символизируют бездушие, жестокость, злую силу:

«Кязим (завидев уходящих девушек Сакинат и Керимат. — А. С.): Слово **ивушки** у реки, беззаботно живут. Пока ни **бурана**, ни **ветра** не знают. И с **топором бездушным** еще не знакомы» [Маммеев 1967: 77] (выделено нами. — А. С.).

Иносказание — это художественная персонификация из сферы лирико-философского подтекста. Расположение смысловых пластов в пьесе подчинено продуманной архитектонике. Из них драматург строит «лестницу», ведущую читателя к уяснению смысла произведения.

Современные балкарские авторы смело обращаются к символическим образам, способствующим более полному воссозданию действительности и философизации изображаемых реалий. В качестве иллюстрации можно привести прозу З. Х. Толгурова и, в частности, повести «Ашыкъ оюн» («Игра в альчики»), «Къызгъыл кырдыкла» («Алые травы»), романы «Кёк гелеу» («Голубой типчак»), «Жетегейле» («Созвездие Большой Медведицы»); драматургию А. Теппеева «Азап жол» («Тяжкий путь»), «Артутай», М. Ольмезова «Гошях бийче» («Княгиня Гошях»), «Тахир бла Зухра» («Тахир и Зухра»).

Одним из важных качеств реалистической прозы и драматургии можно назвать их фольклорно-мифологический подтекст и контекст. Примечательным становится стремление балкарских авторов к заострению функции символа как пророчества. Предсказание трагического посредством символизации используется как эффективный прием для развертывания единого драматического действия. Таким образом, символ приобретает в трагедии статус «полноценного» жанрового компонента. В трагедии А. Теппеева «Артутай» символическую роль играет образ журавля с подбитым крылом (къанаты сыннган зурнук). В своем монологе грузинский царь Теймураз I

сравнивает себя с раненой птицей. Сравнение имеет зловещий смысл, символизируя безысходность ситуации. Образ журавля ассоциируется со свободой, которой лишился герой и его народ.

В этом аспекте интересен и образ цветка в трагедии М. Ольмезова «Тахир и Зухра». Сорванный любимый цветок главной героини, Зухры, характеризует трагизм ее существования.

Зухра

(Увидев сорванную розу)

Ах, что же натворила ты, Гюльназ?
Зачем же ты погубила мой цветочек?

Гюльназ

(Испуганно)

Он угасал, И я его спасла.
А бабочку, которая любила
Кружить над ним, спасти я не смогла,
Она осталась там в, огромной луже...
(Художественный перевод и далее —
Ладомира Местича).

[Ольмезов 2003: 157–158]

Как видно из сюжета, этот образ является предвестником скорой гибели Зухры, а образ погибшей бабочки ассоциируется с ее возлюбленным Тахиром, которого также настигнет смерть.

Трагедия «Княгиня Гошях» М. Ольмезова начинается с символа, который представляет собою трагическое предвестие:

Камгут

Хей! Эльбуздук, взгляни на те костры!
Дым — это весть: на кош беда свалилась...

[Ольмезов 2003: 168]

В системе емких образов-символов, олицетворяющих надвигающуюся беду, представляет интерес образ иссыхающего ручья («Артутай» А. Теппеева). Народ воспринимает данное явление как божью кару и призывает совершить жертвоприношение.

Образы ночи и ветра являются в трагедии «Артутай» сквозными. Они присутствуют и как физическая реальность, и как поэтическая ассоциация. Они предметны и символичны. Чаще всего эти образы интенсивно освещаются в авторских ремарках. Например: «Наступила темнота (мрак), словно указания Масаф погасили свет. Ветер воет. Слышны странные голоса, шепот. Видны тени заблудившихся людей. Через

некоторое время загорается огонь. Ее свет освещает лица Аргутай и Кара-Мусы» [Теппеев 1999: 175]. Здесь ночь (темнота, мрак) олицетворяет невежество отдельного человека или общества, которое противостоит герою и становится причиной его трагедии. Во второй части ремарки драматург использует полярный символ — свет огня, что ассоциируется со стремлением главного героя трагедии к просвещению, несущему прогрессивные идеи.

Функция символа как трагического пророчества особенно интенсивна в авторских ремарках, что никак не противоречит природе драмы, если эта функция в единой системе произведения остается элементом драматического действия. Таковыми в пьесе А. Теппеева «Тяжкий путь» являются ремарки, в которых драматург обращается к метафорическим образам ветра, песчаной бури: эти природные явления, как носители разрушительной силы, выполняют функцию символов. Они — олицетворение той большой народной трагедии, которую пришлось пережить героям «Тяжкого пути» [Сарбашева 2012: 173].

В соответствующем контексте следует рассматривать и повесть И. Гадиева «Къанатлыда жел улуйду» («В Канатлы воеет ветер»), основу которой составили трагические события периода депортации балкарцев. Писатель стремится к максимальной конкретизации событий и образов, к объективному отражению исторической правды глазами непосредственных участников событий и исполнителей репрессий. Примечательно, что **вой ветра** в повести приобретает символическое наполнение, ассоциируясь с надвигающейся угрозой, с неотвратимой опасностью.

Трагический зловещий смысл приобретает символ в романе З. Толгурова «Голубой типчак». Выразителем авторского отношения к событиям прошлого является метафорически завуалированное иносказание, содержащее указание на двойственность проявления идеологии. Функцию ассоциативного символа здесь выполняет трава, именуемая в народе **голубой типчак**. Она опасна и для людей, и для животных своей обманчивой красотой. Авторское описание характеризует ее следующим образом: «Плоскогорье покрыто красивым типчаком, искрящимся при утренней росе. В это время типчак становится особенно скользким, доводя до изнеможения и тех, кто поднима-

ется по склону, и тех, кто спускается. Красивая трава, но верить ей не стоит. Многие сгнули на ней, упав навзничь либо сорвавшись вниз. И неизвестно, когда она собьет тебя с ног». Голубой типчак, помимо аналогии с правящей властью, включает в себя и дополнительные функции. Он становится фоном народной трагедии, трагедии выселения. Облик природы меняется сообразно событиям, происходящим в романе: «Все вокруг — камни, скалы и голубая трава — затихло, словно под саваном. И только горная река, оставшаяся без хозяев, течет, плача и причитая. Будто спешит рассказать миру о жестокостях, совершенных здесь, в горах» [Толгуров 1993: 117]. Детализация, уподобления, цветовые контрасты — все подчинено единой цели.

В «Голубом типчаке» художественно воплощена теория трех миров (земного человеческого существования, сопряженного с ним мира животных и теологического, духовного). Первый представлен членами отдельно взятой семьи (на примере судеб Халимат, мальчика Крыма, Айшат и Хаблы), другой вырисовывается во взаимоотношениях скакуна Алакёза и волчицы Гажай, третий же оформляется интертекстуально посредством аналогий между ними. Историческая хроникальность отступает на второй план, в романе вырисовывается полуметафорическая, полуреальная плоскость без четко очерченных пространственно-временных координат. Такое наложение различных символических значений, содержащихся в прямых аналогиях из мира природы, оказывается эффективным художественным приемом реалистически точного воссоздания исторической действительности в эпоху властвования социалистической идеологии.

Широко употребителен в символической литературе и мотив сновидения (вспомним повести «Эрирей», «Алые травы» З. Толгурова, «Пересоленный чурек» А. Теппеева, трилогию «Кинжал мести» Ж. Токумаева и др.). Так, в мозаике художественного осмысления балкарской трагедии одним из ярких художественных приемов является мотив вещего сна. Сон, как и трагическое предсказание, имеет свойство предвещать будущее. В отличие от последнего, данному мотиву присущи многообразные и своеобразные эстетические функции. Однако, вопреки суждениям отдельных исследователей, согласно которым «сон

благоприятствует созданию трагической насыщенности, ...служит средством «сведения времен», ...придает действию ореол таинственности, ...сгущает трагическую окраску произведения...» [Кильмухаметов 1995: 71], данный художественный компонент, как свидетельствует литературный материал, функционирует еще и в качестве передачи информации нетрагического характера. В трагедии «Артутай» А. Теппеева одному из действующих лиц снится вещий сон, который предвещает рождение долгожданного сына Артутай. Таким образом, эстетическое назначение сна в трагедии не ограничивается «мотивом <...> надвигающейся кары» (Т. Кильмухаметов), напротив, используется как художественный прием воссоздания жизненных реалий в позитивном аспекте.

Несколько иную функциональную роль выполняет в романе З. Толгурова «Созвездие Большой Медведицы» сон Ахмата. Мотив сна, столь характерный для поэтики символизма, обыгрывается писателем следующим образом: образ змеи («багъырбаш» — кобра) становится олицетворением старого мира с его патриархальными устоями, чья участь исторически предрешена. «Три дня змея выползала из щели, подходила к месту, где спит Аслан, приподнималась и долго смотрела на него. Один ее глаз заплыл кровью, и перебит хребет. Откуда-то послышалась тихая мелодия, и змея вдруг встала на кончике хвоста и начала кружить над комиссаром... Через некоторое время разделилась надвое в том месте, где была рана, затем одна ее часть задергалась и упала в горящие угли очага» [Толгуров 1982: 131]. Символический подтекст этого эпизода легко угадывается читателем. Этот пример убедительно демонстрирует, что мотив сна или видения сопряжен с изображением ирреальности как параллельно существующей действительности. Символический сон Каракая о Белой Маралихе в повести «Алые травы» того же автора. Здесь он представлен в качестве вставного эпизода, иллюстрирующего трагическую предопределенность судьбы главного героя. Писатель намеренно использует традиционный мифологический сюжет с целью усилить психологизм произведения.

Символизм, как правило, основан на поэтике мифа, что подтверждает система художественных образов, воплощенных в современной балкарской прозе и драматургии. Абстрагирование, алогичность кон-

струирования фабулы, активное внедрение в художественный текст мифологем, выходы в иные хронотопические ярусы также являются характерным свойством символического мироощущения авторов.

Носителем подлинного символизма, освоившим самые основы этого направления в национальной литературе и плодотворно реализовавшим в собственном творчестве наиболее характерные его черты, является ведущий балкарский прозаик З. Толгуров. Подтверждением сказанному служит концептуальное содержание многочисленных произведений автора, созданных во второй половине XX – начале XXI века. Это повести «Акъ гирянча» («Белая шаль»), «Ашыкъ оюн» («Игра в альчики»), «Къызгъыл кырдыкла» («Алые травы») и романы «Жетегейле» («Созвездие Большой Медведицы»), «Кёк гелеу» («Голубой типчак»), «Акъ жыйрыкъ» («Белое платье»).

О тенденции писателя к символическому осмыслению цвета свидетельствуют заглавия большинства его произведений. Так, в его поэтике заглавий белый цвет ассоциируется с духовностью, нравственной чистотой; алый — цвет крови — означает жестокость, получает негативное наполнение. Колористическая символика в «Голубом типчаке» объяснена в авторском примечании: «кёк бёркюле — бластны» («люди в синих шапках» — «синие волки власти»), — отсюда проекция на существующую власть через образ голубой травы. Таких примеров повторяемости художественных приемов и сюжетных ходов в творчестве Толгурова великое множество. Творческое сознание черпает их из сокровищницы народно-поэтических образов и формирует многозначные связи с содержанием своеобразно и новаторски. Его специфическая образная атрибутика складывается в определенную толгуровскую «знаковую систему», просвеченную индивидуальным мировосприятием и осмыслением реалий окружающей действительности.

Балкарские писатели и поэты довольно часто обращаются к цветовым символам, в частности, к «черному», что особенно характерно для поэзии К. Кулиева, А. Кешокова и др. В их творчестве черный цвет символизирует печаль, зло (вспомним поэмы «Огонь», «Серп», «Флаг» К. Кулиева). В трагедии «Княгиня Гошях» М. Ольмезова чернота также ассоциируется с бедой, с несчастьем, сгущая атмосферу трагизма. Го-

шях, предчувствуя надвигающуюся беду, обращается к Каншаубию:

Вон, видишь? Черный ворон, как Азмыш,
Кричит о чем-то, сев на Черный Камень...
[Ольмезов 2003: 212]

Другой балкарский драматург, А. Теппеев, прибегает к традиционной символике черного, чтобы подчеркнуть негативную сущность героя. Внешний облик одного из действующих лиц трагедии «Артутай», Ма-сафа, описан следующим образом: «...Одет он в черное: шапка, рубашка, черкеска, об-увь. Пояс, кинжал, газыри – все на нем чер-ное...» [Теппеев 1999: 120].

Анализ философско-эстетических ос-нов балкарской литературы подводит нас к обобщающему выводу о том, что ее концеп-туальный смысл заключен в неизменном стремлении на основе исторического мате-риала дать психологическое истолкование затронутой проблемы. А наиболее эффек-тивными средствами достижения этой цели становятся символы.

Примечательным свойством балкар-ской прозы и драматургии в целом являет-ся постоянство в выборе художественных

средств — таких, как усложненность компо-зиции, многослойность идейного содержа-ния, сюжетное двуединство, сочетание мифа и фольклорной атрибутики, мистическое ос-мысление двоемирия, обращенность к при-роде, тяготение к философствованию, дра-матизации и психологизму, использование контрастной колористики, наличие кочую-щих мотивов и сквозных образов-символов, включая символическую колористику.

Литература

- Кильмухаметов Т.* Поэтика башкирской драма-тургии. Уфа: Китап, 1995. 336 с.
- Маммеев И.* Жаралы жугъутур (Раненый тур) // Шуёхлукъ (Дружба). 1967. № 2. С. 75–115.
- Ольмезов М.* Гошях бийче (Княгиня Гошях). Нальчик: Эльбрус, 2003. 327 с.
- Сарбашева А.* Особенности речевой структуры современной балкарской драмы // Известия КБНЦ РАН. 2012. № 2. С. 169–174.
- Теппеев А.* Артутай // Минги Тау (Эльбрус). 1999. № 2. С. 111–179.
- Толгуров З.* Жетегейле (Большая Медведица). Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1982. 131 с.
- Толгуров З.* Кёк гелеу (Голубой типчак). Наль-чик: Эльбрус, 1993. 117 с.

УДК 82-1/9
ББК 83.3 (2Рос=Калм)

**О СВОЕОБРАЗИИ
СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ КАЛМЫКИИ
(на примере творчества Д. Насунова и Р. Ханиновой)**

Д. Ю. Топалова (Зумаева)

Активные творческие контакты, тесные литературные связи и взаимодействия — черты, характерные для современного литературного процесса. Положение «на границе культур» исследователями оценивается как наиболее плодотворный способ мировосприятия. При диалогической встрече двух культур, по словам М. М. Бахтина, «каждая сохраняет свое единство и открытую целостность, но они взаимно обогащаются» [Бахтин 1979: 56], порождая новые смыслы.

В процессе взаимодействия национальных литератур особая роль принадлежит русскоязычным авторам (представителям разных национальных культур, создающим свои произведения на русском языке), что определено их причастностью к разным культурам, и, соответственно, к разным моделям мироздания. В калмыцкой литературе русскоязычная традиция образует заметный пласт. Она представляет собой «промежуточное» явление, находящееся на «пограничье» между калмыцкой и русской литературами и шире — культурами. В рамках данной статьи предпринята попытка исследовать динамику развития современной русскоязычной поэзии Калмыкии как одного из значительных явлений в литературном процессе республики и определения общих проблем ее развития.

Традиция русскоязычного литературного творчества Калмыкии уходит корнями в 1920–1930-е гг., когда закладывались основы многонационального литературного развития, разворачивалась широкая переводческая деятельность. В развитии калмыцкого русскоязычного художественного творчества можно выделить три этапа: 1920–1940-е гг. (А. М. Амур-Санан, С. Балыков, Г. Мушаев и др.), 1957–1970-е гг. (Д. Насунов, Д. Н. Кугультинов, Т. О. Бембеев и др.), с начала 1990-х гг. и до наших дней (В. Н. Лиджиева, Р. М. Ханинова, О. Л. Манджиев и др.). Становление худо-

жественного русскоязычия не носит случайный характер. Каждый из этапов истории калмыцкой русскоязычной литературы обусловлен общественным развитием республики и этнической культуры. По сути, они являются зеркальной проекцией «поворотов» социально-исторического процесса в калмыцком национальном сообществе и отражают эстетические идеалы, характерные для каждого конкретного периода в жизни этноса. Специфичность русскоязычной традиции в национальной среде определяется своеобразием этнической культуры.

Среди русскоязычных литераторов творчество известного в Калмыкии поэта Джангра (Виктора Ивановича) Насунова¹ (1942–1979) особенно отличается опорой на «национальное начало». Д. Насунов — яркий представитель творческой интеллигенции 70-х гг. XX в. Для русскоязычной поэзии Калмыкии его творчество стало настоящим открытием. Поэтическое слово автора, раскрепощенное и освобожденное от идеологической зависимости, — характерная черта калмыцкой литературы 1970-х гг., в которой прослеживается духовная общность поэта и читателя, объединенных пониманием непреходящих ценностей культуры.

То, что Д. Насунов создавал свои произведения на русском языке, объясняется объективными историческими и жизнен-

¹ Джангр Насунов — литературный псевдоним Насунова Виктора Ивановича, избравшего в качестве такового имя главного героя калмыцкого героического эпоса «Джангар». Обращает на себя внимание выбор формы написания имени, который связан со стремлением отобразить в орфографии орфоэпические особенности калмыцкой речи: в современном калмыцком языке принято написание имени главного героя эпоса «Жаңгр», в русскоязычной транскрипции — написание «Джангар».

ными условиями². В его стихотворениях заговорило «сибирское поколение» калмыков, волею истории переживших насильственную депортацию, родившихся и выросших вдали от родины, а значит — вне родного языка. Учеба в русскоязычной школе, а затем в институте, смешанный брак родителей (отец — калмык, мать — русская) — все эти условия, в принципе, типичные для многих русскоязычных авторов, оказались решающими в выборе языка творчества поэта. То, что поэт не писал на родном языке, переживалось им как глубокая, значительная драма. Остро переживая свою ментальную раздвоенность, Джангр Насунов нес в себе и отстаивал со свойственным ему упорством свою национальную идентичность. Это было внутренним нервом его поэтических откровений. Именно поэтому такие доминантные архетипы его произведений, как образы степи, коня, тюльпана, полыни и т.д., являлись для поэта не просто символикой национального бытия, внешним, материальным миром вещей, окружавших степняка-калмыка. Он мыслит этими категориями, выражает через них целостность кочевого времени-пространства, отражает «свое отношение к явлениям жизни» [Гармаева 1988: 14]. Они имели для него сокровенный смысл. «Глубокое проникновение в народнопоэтическую мысль — безусловная заслуга художника, который сумел извлечь смысл народной мудрости и растворить его в своей поэзии» [Салдусова 2009: 510].

Д. Насунов быстро приобрел творческую известность, а вместе с ней возникли трения с околотературными кругами и некоторыми представителями партийно-

² В. И. Насунов родился в 1942 г. в Калмыцкой АССР. В 1943 г. в результате принятия противозаконных актов семья Насуновых подверглась насильственной депортации в восточные районы страны вместе со всем калмыцким народом. Детство и школьные годы будущего поэта прошли в Новосибирской области. В 1957 г. после восстановления автономии Калмыкии семья вернулась на родину (отец к тому времени умер), где 15-летний Виктор был вынужден прервать учебу в школе, которую окончил заочно, и приступить к работе. В 1960-е гг. принимал участие в семинарах и совещаниях молодых писателей в Москве. Первая книга стихотворений вышла в 1971 г., когда Д. Насунов обучался в Литературном институте имени А. М. Горького.

государственной элиты республики: поэт осуждали за то, что он был слишком «резок», но, самое главное, за то, что не писал на родном языке. Именно по этой причине его произведения ни в конце 1970-х гг., ни после так и не получили официального признания, а дорога в Союз писателей оказалась для него закрыта.

Стоит заметить, что тенденция к рассмотрению именно языка в качестве главного и определяющего признака национального автора сохраняется и сегодня. Несмотря на то, что русскоязычная поэзия Калмыкии представляет собой значительное явление в культурной жизни республики и является, собственно, «знаком времени» [Дампилова 2010], она остается явлением малоизученным и в определенной степени малопонятым. Эта литература не имеет, так сказать, своего «паспорта», незаслуженно забыта в литературных курсах средней и высшей школы. Активно продуцируется мнение, согласно которому произведения, написанные не на родном языке, не должны быть включены в калмыцкую национальную литературу. Явление русскоязычной литературы рассматривается как нечто вненациональное, вторичное, находящееся на периферии — своего рода «отрезанный ломоть» [Барабаш 2000: 4]; русскоязычная поэзия «в силу незнания или недостаточного владения родным языком ее авторами» якобы провоцирует размывание национальной самобытности, истинно национальных художественных традиций. При этом «игнорируется аксиома, что дух, душа народа могут отражаться и средствами иного, неродного языка» [Ханинова 2012: 3].

Русскоязычное искусство слова обладает множеством специфических особенностей, обусловленных, как мы уже отмечали, ситуацией «пограничья». Калмыцких национальных поэтов, пишущих не на родном языке, но не отошедших от родной калмыцкой культурной традиции, можно отнести к представителям двух культур, при этом генетически принадлежащих родной литературе. К этому направлению относится и русскоязычное творчество Риммы Михайловны Ханиновой, члена правления союза писателей Калмыкии «Шинрлт» («Обновление»), члена Союза писателей России (1998 г.), одного из самых ярких представителей современного русскоязычного литературного процесса в Калмыкии.

Поэты Д. Насунов и Р. Ханинова принадлежат к разным поколениям. Творческое русскоязычие первого автора обусловлено, как уже отмечалось, его индивидуальной биографией, формированием личности будущего поэта в интернациональной семье, социализацией вне лоно родной культуры, обычаев, традиций, национальной этики и т. д. В данном случае можно констатировать бикультурность творческой личности.

О бикультурности можно говорить и в отношении творчества дочери классика калмыцкой литературы, Михаила Ванькаевича Хонинова (1919–1981), — Р. М. Ханиновой, продолжателя поэтической династии. Однако от поэта Д. Насунова — профессионального литератора, окончившего Литературный институт им. А. М. Горького, Р. Ханинову отличает приоритетное владение русскоязычной литературной системой и формой, учитывая то, что она — литературовед, кандидат филологических наук, доцент, вузовский преподаватель, специалист по русской и калмыцкой литературам XX века. Выбор русского языка был подготовлен самим процессом духовно-эстетического формирования и жизненного становления поэта-филолога, который всегда находился и находится в контакте с русской классической литературой и культурой³.

Если в 1970-е гг., в период активных социально-экономических преобразований в республике, сознательной и целенаправленной политики по национальному возрождению, невладение калмыцким языком для Д. Насунова было одной из главных проблем и даже причиной душевных переживаний, то в 1990-е гг. для Р. М. Ханиновой этот вопрос не является существенным. Автор — представитель пассивного билингвизма, при котором индивид понимает родной язык, но не создает на нем свой текст. Она осознанно выбрала

³ Р. М. Ханинова получила высшее образование, обучаясь на филологическом факультете Калмыцкого госуниверситета (специальность «филолог, преподаватель русского языка и литературы»), затем проходила стажировку и обучалась в аспирантуре филологического факультета в Ленинградском госуниверситете. Тема диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук — «Своеобразие психологизма в рассказах Всеволода Иванова (1920–1930-е гг.)».

в качестве основы творчества язык межнационального общения, руководствуясь при этом личными интересами, тенденциями развития общества, желанием рассказать миру о судьбе и культуре своего немногочисленного народа и т. д. Вместе с тем поэт не отказывается и от родного языка, предполагая для себя его дальнейшее постижение. Владея родным языком, Р. Ханинова занимается переводческой деятельностью, в частности, публикует произведения отца-поэта в своем переводе⁴.

Становление Риммы Ханиновой как поэта пришлось на 1970-е гг. Стихи начала писать с детства, продолжила творческую деятельность в университете. Первые публикации в прозе («Сургаль», «Братья сели в чудесное седло сургали») относятся к 1972 г., в поэзии — к 1989 г. В 1993 г. увидел свет ее дебютный сборник «Зимний дождь», год спустя — «Взлететь над мира суетой». В сборнике калмыцкой женской поэзии «День влюбленных» (1997 г.) ее стихи составили раздел «Шепчущий мост». В 2002 г. появился совместный с отцом сборник стихов, поэм и переводов «Час речи», посвященный памяти М. В. Хонинова, в 2005 г. — сборник стихов, поэм, эссе «На перекрестках Софии и Веры...» в соавторстве с критиком Ильей Ничипоровым. Р. М. Ханинова — автор книжек стихов для детей⁵. В 2011 г. в журнале «Теегин герл» опубликована ее первая пьеса «Легенда о джангарчи» (2008), вторая пьеса «Небожитель и младенец» была опубликована в 2009 г., в 2010 г. увидела свет ее поэма «Справедливый И». Неоценимым вкладом в калмыцкую литературу стали ее переводы произведений М. В. Хонинова.

Обращает на себя внимание особое отношение Р. Ханиновой к проектам книг — от формирования внутренней структуры, отбора произведений до внешнего оформления. Поэт скрупулезно формирует сборники, выделяя тематические разделы и цик-

⁴ В переводе Р. М. Ханиновой опубликованы поэмы М. В. Хонинова «Почему у Совы нет ноздрей» (1998), «Сказание о калмычке» (1998–1999), «Чигян — пища мира» (2005), «Мой путь». (2006), а также стихотворения («Веревка-няня», «Седло», «Стану красным тюльпаном», «Три ответа» и др.).

⁵ «Умная мышка» (2002); «Буква А» (2010), опубликованы в библиотечке журнала «Байр».

лы⁶. Р. Ханиновой свойственно и бережное отношение к датировке своих произведений. Как отмечает А. А. Бурькин, для нее это «не просто хронология (реже топонимика) создания, а важный элемент рамочной конструкции в интерпретации текста» [Бурькин 2005: 100].

Поэт Джангр Насунов впервые начал печататься в местной периодике, затем в столичных журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Юность», «Аврора», «Волга», в альманахе «Родники», его произведения вошли в антологию молодых писателей РСФСР, вышедшую в Киеве на украинском языке под названием «Березова криница» («Березовый колодец»); первые публикации Д. Насунова в прозе, как и Р. Ханиновой, относятся к началу 1970-х гг. («Самостоятельное решение», «Ботхн», «Адьян», «Мой брат Ваня, нам счастья не дано...» и др.).

Перу Д. Насунова принадлежат четыре поэтических сборника. Два изданы при жизни: «Голоса расстояний» (1971 г.), «Поселенцы» (1977 г.) и два — посмертно: «Полет копыя» (1980 г., отв. ред. О. Л. Манджиев) и «Тамариск» (1982 г., сост. Д. Б. Пюрвев). Если книгам Р. Ханиновой свойственен тематически-хронологический принцип построения произведений, то в сборниках Д. Насунова, на первый взгляд, не прослеживается столь четкая структура, но выявляется следование тематическим принципам. Сборник «Голоса расстояний» строится по принципу включения автором избранных произведений, при этом доминирует национальная проблематика. В сборнике «Поселенцы», посвященном памяти первого учителя будущего поэта, преподавателя русского языка и литературы М. Т. Симоновой, выделяются тематические блоки (неравноценные по объему), посвященные сибирскому детству, войне и национальной культуре.

Книга «Полет копыя» включает избранные стихотворения, преимущественно по на-

⁶ Так, дебютный сборник «Взлететь над мира суетой» включает в себя шесть разделов: «Автопортрет», «Талисман», «Подкова над отчим порогом», «Автограф», «Ночная трава», «Наследство»; разделы подразделяются на тематические циклы — к примеру, раздел «Талисман», связывающий воедино мир Запада и Востока, включает цикл «Восточные мотивы», а раздел «Наследство» составляют циклы «По мотивам индийских легенд» и «По мотивам индийских басен» и т.д.

циональной проблематике. Среди них такие «программные» произведения Насунова, как «Джангарчи», «Сказка о льстивом тайше, жестоком хане и самой Справедливости», «Рандул и Галдан», не вошедшие в прижизненные сборники поэта. В сборнике «Тамариск» разделы специально не обозначены, но произведения можно объединить в тематические группы, исходя из анализа самих тем и мотивов произведений. Книга начинается со стихотворений на степную тематику («Степь и люди», «Гюльпан», «У нас в степи капризная погода...», «Тамариск» и т.д.), далее следуют стихи на военную тему, третью группу составляют произведения, связанные с национальным миром, духовно-нравственной проблематикой, актуальной для 1970-х гг. темой дружбы народов и т.д. Заканчивается книга восьмистишиями и произведениями, основанными на материале устного народного творчества («Джангарчи» и др.). Необходимо отметить: если в трех книгах Д. Насунова встречаются повторные публикации отдельных поэтических произведений, то в «Тамариск» вошли не опубликованные ранее стихи: «Помню дождь в березовом лесу...», «Стрела лихая зависти и злости...», «Нет от друга ни слова, ни строчки...», «Искал себе женщину лучше...», «Узором никого не удивить...» и мн. др.

Поэтическим произведениям Джангра Насунова присущ и эпический размах, и глубокий драматизм, воздействующий на читателя эмоциональной и образной насыщенностью. Их главные черты — предельная искренность, исповедальность, задушевность, завораживающая простота и в то же время глубина поэтической мысли. В них есть дыхание. Насунов — художник преимущественно лирического склада. Как лирический поэт, он особо тяготеет к жанру баллады («Баллада о блудном сыне», «Баллада о спасителях», «Баллада о партизанке Тамаре Хахлыновой», «Баллада о верности» и др.)

На сегодня одной из определяющих черт русскоязычной поэзии Калмыкии является ее элитарность, интеллектуальность, ориентация на эрудированного читателя, теснейшая связь художественного начала с началом философским. Особенно ярко данная черта проявляется в поэзии Риммы Ханиновой. В отличие от лирика Д. Насунова, характерной чертой ее творчества является именно философичность. Поэтому Р. Ханинову можно с полным основанием назвать

поэтом-мыслителем, поэтом-философом, по-своему продолжающим традиции философского направления калмыцкой поэзии XX в., представленной прежде всего художественным наследием Давида Кугультинова. Практически каждое ее стихотворение насыщено ассоциативными связями, культурными реалиями, метафорами и требует от читателя определенной интеллектуальной подготовки, т. е. отличается способностью передавать то, что можно назвать «умными чувствами». Именно поэтому среди характеристик поэзии Риммы Ханиновой, данных критиками, встречаются следующие: «ищущая, экспериментальная», «расширяющая кругозор и дающая пищу для работы ума» [Пюрвеев 1998: 3].

Богатство творчества Р. Ханиновой, очарование поэтического стиля проявляются также и в необычном органичном сочетании европейской и восточной традиций, Запада и Востока. Такой сплав делает ее поэзию одновременно и традиционной, и новаторской. Так, мифологическое наследие, культурно-философские парадигмы Востока с его мудростью, изысканностью и утонченностью формы высказывания («По мотивам буддийских притч», «По мотивам японских сказок», «По мотивам японских преданий», «Восточные мотивы» и др.) соседствуют в ее стихотворениях с европейскими каноническими жанрами и стилевой традицией (рондо, стансы и др.). Обращение к буддийской аксиологии скрепляется символическими библейскими мотивами, знанием мифологического наследия разных народов (поэмы «Формула судьбы», «Древние метаморфозы» и др.). Приобщению к мировой и русской классике (Сенека, Петрарка, В. Гюго, Д. Байрон, А. Пушкин, Ф. Тютчев, А. Блок, М. Цветаева, Б. Пастернак и др.) сопутствует и следование традициям калмыцкой народной лирики, творчества предшественников. Все это способствует формированию таланта Ханиновой, нестандартности ее поэтического образа, расширению поэтического диапазона. Ярким примером органического синтеза Востока и Запада может послужить поэма «Час речи», в которой, по мнению В. В. Колчанова, «есть аллюзии, контаминации разного рода (эпитафия “Младенцу” А. Пушкина, космическая лирика И. Бродского) в национальных космологических координатах эпоса “Джангар”, экзотического с точки зрения европейца» [Колчанов 2003: 4].

Еще одно важное свойство художественного мира Р. Ханиновой, отличающее ее от Д. Насунова и других калмыцких русскоязычных поэтов, — диалогичность, основанная на интертекстуальности. Русская и мировая литературная традиция присутствует в ее поэзии на уровне сюжетно-композиционных сближений, скрещивания, контаминации текстов, зеркального отражения словесных выражений, то есть явных или скрытых цитат, эпиграфов, реминисценций, философских аллюзий, сознательных стилизаций, вариаций и других форм интертекстуальности. При этом интертекст никогда не является для нее буквальным повтором оригинального текста. В своем творчестве автор всегда «соблюдает преемственность поколений» [Атанасова 2007: 134], «демонстрирует осознание, принятие и воплощение основного закона поэзии: всякий поэтический текст есть память о поэтических произведениях, созданных до него...<...> ее поэзия чужда вторичности, прозрачной цитатности, наивной интертекстуальности» [Фокин 2005: 179].

Общий круг авторов, которые становятся полем, центром интертекстуального «излучения», широк. Это, в первую очередь, диалог с отцом. Р. Ханинова прямо апеллирует к его стихам, разворачивая, как отмечают исследователи, заданные им темы, идеи и образы, творчески развивая их в своих стихотворениях, поэмах, вплоть до книг-диалогов: «Час речи» (2002), «Стану красным тюльпаном» (2010). Это также диалог «со всей евразийской цивилизацией» (циклы «Аксиомы», «Древние метаморфозы» и др.), с предшествующей русской поэтической традицией, диалог с Востоком («В тени Конфуция», «Буддийский пантеон»), диалоги поэта и литературоведа (книга «На перекрестках Софии и Веры») и т. д. При этом организующим началом всего перечисленного является евразийское мышление, над всем этим «стоит диалог Востока и Запада» [Дампилова 2010: 204].

На современном этапе одной из характерных особенностей калмыцкой русскоязычной поэзии является ее плодотворное взаимодействие с фольклором, освоение традиций устного народного творчества. Стихотворение Д. Насунова «Джангарчи» основано на осмыслении народного исторического поверья о магической силе калмыцкого героического эпоса «Джангар»,

в частности, о воздействии, оказываемом сказителем на природные явления. В произведении прослеживается устойчивая сюжетная линия, намеренно сохраняются все элементы, присутствующие в древней легенде о старике, попавшем ночью в открытое море и спасшемся благодаря исполнению песни эпоса: мотивы хтонического существа (рыба, за которой рыбаки отправились в море), потустороннего мира (возможность их гибели в открытом море) и символической инициации, связанной с даром джангарчи-старика, исполнением им волшебной песни из великого эпоса. В своем освоении фольклорных традиций Д. Насунов следует народным мотивам. Однако, сохраняя традиционную сюжетную канву предания, автор вводит в произведение конкретно-исторические имена (хан Аюка), географические координаты (Каспийское море, Лагань, Мангышлак и т. д.), упоминает о прославленной каспийской рыбе и французском вине и т. д., тем самым обогащая лирическую картину реалиями из жизни калмыков. В произведении «Земля моя легендами богата...» поэт, ссылаясь на легенду, якобы поведанную ему джангарчи, рассказывает о том, как в небе появились звезды: когда в небесах еще не было ни одной звезды, влюбленный юноша зажег для любимой девушки огромный костер. Искры от него устремились в небо. Так возникли звезды. Относительно приведенной поэтом легенды Р. М. Ханинова, ссылаясь на фольклориста Д. Э. Басаева, упоминает другую известную калмыцкую легенду — «Звезды-пуговицы», и справедливо замечает, что в данном случае обращение Джангра Насунова к устному народному творчеству стало «точкой отсчета в авторской интенции», а легенда, на которой основано стихотворение Д. Насунова, «нигде не зафиксирована», поэтому ее «атрибуция не может быть пока установима» [Ханинова 2012: 68].

В освоении репертуара устного народного творчества Д. Насунов приближается и к такому взаимодействию с традицией, когда все средства фольклора служат непосредственному выражению собственных идейно-художественных задач. Так, сюжетные перипетии «Сказки о лъстивом тайше, жестоком хане и самой Справедливости» сопровождаются раздумьями о реальной злободневной общественно-политической жизни, о метафизике власти, раздвигая го-

ризонты социально-художественных обобщений, скрытых за фольклорной темой.

Органическая близость к фольклору характерна и для творчества Р. Ханиновой. Поэт серьезно работает над изучением устного творчества народа, «снабжает свой текст комментариями к буддийским <...> реалиям, традициям и обычаям калмыков, к малым афористическим жанрам» [Петрова 2002: 109]. Произведения этого ряда не являются простым переложением фольклорного материала, обнажая дар поэта переплавлять, творчески перерабатывать народные традиции в оригинальное искусство. Ярким примером могут послужить поэтические циклы «Ключи разума», «Калмыцкий праздник» и поэмы «Час речи», «Все движет Женщина-Любовь», «Солнечный Лев», объединенные «темой историко-культурной преемственности» [Бурыкин 2005: 108].

Творческая инициатива автора обнаруживается в тех дополнениях, которые он вносит в содержание произведений. В одних случаях Ханинова, по сути, не меняет саму фольклорную модель, сохраняя фольклорные элементы их первородном виде, в том же эстетическом значении, которое они имели, но при этом вносит свои нюансы, делает сюжеты более динамичными, расширяет композиционный и художественно-изобразительный уровни текстов и т. д. Ей не свойственно простое переложение первоисточника. Так, в цикле «Ключи разума», «соразмышляя» древним изречениям, поэт как бы вбирает в себя опыт накопленной человеческой мудрости, пронизывает его собственной оценочностью, выражает собственную позицию, свое мироощущение. В поэмы привносятся новые сюжетные линии, дополнительные действующие лица, трансформации, сообщающие новые качества и свойства, которые укрупняют, обогащают идейно-художественное содержание. Автором проводится огромная работа по переработке и компоновке материала различных сказок, существенно изменяется композиция, по-иному осмысляются и соответственно формируются образы. Так, в поэму «Все движет Женщина-Любовь» на основе сказки «Субсутай» автор включает калмыцкую легенду о Хане Времени, сказку «Три мудреца», космогонический миф о созвездии Плеяд, новых героев (например, зурхачи-астролог), пословицы, поговорки, загадки, харалы и т.д.

Если для творчества Д. Насунова характерна органичная связь именно с калмыцким фольклором, то в поэзии Р. Ханиновой происходит осмысление мифов и легенд народов мира, при этом работа поэта над фольклорным материалом многогранна. Она органично взаимосвязана с детской темой (цикл сказок «По мотивам сказок народов мира»), с трансформацией буддийских басен и притч (поэтический цикл «Наследство» 1994 г.), с интересом к культурному, мифологическому наследию Востока (поэма «Формула судьбы» 2001 г., написанная по мотивам сказки «Игра в шахматы»), с осмыслением «всей евразийской цивилизации на протяжении ее многовековой истории» [Бурыкин 2005: 110] («Древние метаморфозы»).

Возможности успешного сочетания традиций, синтеза нового и традиционного в русскоязычном творчестве Р. Ханиновой наблюдаются и в использовании «микрофольклорных произведений» (У. Б. Долгат). Ткань произведений автора расцвечена мудрым словом пословиц, поговорок, загадок, значение которых приводится автором в примечаниях. По словам акад. Г. Н. Волкова, «развернутые примечания — это еще одна книга в книге» [Волков 2005: 15]. Обращение к сокровищнице устной поэзии не только обуславливает поэтическое своеобразие, но и углубляет художественный образ, усиливает смысловое значение произведения, выполняет сюжетобразующую функцию и утверждает философское содержание авторского замысла. Синтез современной формы с традиционными национальными воплощается в жанровом своеобразии: стихи-йорялы, стихи-маггалы, жанр миниатюры, в частности, четверостишия, притчи, прозаическая поэзия и т.д. (об этом писали М. П. Петрова [2002], А. А. Бурыкин [2005, 2005а], И. Б. Ничипоров [2005, 2005а и др.], К. А. Джушкинова [2002] и др.).

Связь поэзии Ханиновой с фольклором неразрывна и органична, приобщение к духовному богатству народа составляет ее внутреннюю сущность, на что, безусловно, оказал влияние художественный опыт М. В. Хонинова. Активное использование русскоязычным поэтом различных жанров, сюжетов, приемов и форм, образов фольклора способствует утверждению преемственности в развитии национальной художественной культуры.

В целом истоки интенсивного развития калмыцкой русскоязычной поэзии находятся в тесной органической связи традиционных основ и новаторских исканий. В результате расширяется тематика стихотворных произведений, расширяется жанровый диапазон лирики на основе литературных форм, обусловленных экстравертной природой европейского художественного мышления.

В этом аспекте большой вклад в поэзию внесла Р. М. Ханинова, проложив дорогу новым для калмыцкой русскоязычной традиции литературным жанрам и формам: афористические четверостишия, рондо, стансы, басни, притчи, стихотворение-разговор, стихотворение-диалог, пародия, стихотворные циклы, прозаическая поэзия, пьесы, книга-диалог и т. д., которые не встречаются у других русскоязычных поэтов — Джангра Насунова или Валентины Лиджиевой.

С 1970-х гг. первостепенным в калмыцкой поэзии остается жанр лирического стихотворения. Жанр поэмы развивается не так интенсивно. Если для калмыцкоязычной поэзии поэма стала подлинным завоеванием, то в современной русскоязычной поэзии поэма как жанр менее популярна, достижения в этой области связаны прежде всего с именем Р. Ханиновой (5 поэм).

Трагедия творчества Джангра Насунова заключается в том, что автор, ушедший из жизни в расцвете лет, не успел многое претворить в жизнь. В жанровом отношении автором дифференцирована одна поэма «Поселенцы», вернее, ее фрагмент. Одни исследователи уверены, что часть текста была вырезана цензурой, другие предполагают, что, поскольку «полностью текст поэмы нигде не опубликован, написана ли она была, в точности неизвестно из-за недоступности архива поэта» [Ханинова 2012: 40].

Среди других жанровых разновидностей преобладают четверостишия и восьмистишия. Четверостишия Р. Ханиновой представляют собой гармонический синтез эмоции и разума, работу души, радость познания и открытия личности. В поэзии Д. Насунова также есть миниатюры (восьмистишия), но иного характера. Скорее, это философские раздумья о жизни и смерти, о жизни, о любви, о добре и зле. Четверостишия же Р. Ханиновой отличаются философско-назидательным, афористическим характером. Для них характерны широта и глубина мыслей, точность и меткость выра-

жения. А. А. Бурыкин сравнивает эти стихотворения с «Вереницей четверостиший» А. Ахматовой, хотя встречаются и образцы, восходящие к монголо-тибетской поэтической традиции.

Наряду с освоением наследия устного народного творчества, поиском новых жанров в современной калмыцкой русскоязычной поэзии стали осмысляться темы родного языка, отношения к культурному наследию и духовному богатству, накопленному предками, а также отражение буддийской тематики, «первооткрывателем» которой стала Р. Ханинова. Буддийская тема представлена в творчестве поэта многожанрово (стихотворения, поэмы, пьесы)⁷. Необходимо отметить, что обращение поэта к данной теме происходило в последнем десятилетии XX века, когда в постсоветском обществе широко развивались процессы возрождения национальных культур. В Калмыкии в это время особое внимание уделялось проблемам возрождения родного языка и восстановления буддийских институтов и культуры в целом. Поэтому к проблемам восстановления религии автор обращается как к составной части процесса воссоздания национальной культуры в целом.

В современном поэтическом русскоязычном творчестве прослеживаются тенденции постоянного обогащения новым содержанием и образными формами всей поэтической системы, включением различных жанров, композиционных построений. В этой связи А. Г. Салдусова, говоря о создании на русском языке интимно-лирической поэзии В. Лиджиевой, Б. Муняновой, разножанровой поэзии Р. Ханиновой, отмечает тяготение авторов «к книжной традиции, что свидетельствует о движении национальной поэзии по горизонтали — вширь, когда в состав поэтического текста активно внедряется мировой культурно-исторический, художественный опыт эпох и народов» [Салдусова 2009: 512]. В этом аспекте показательны творческие поиски русскоязычных поэтов Калмыкии. В своих

⁷ Стихотворения «Монах тибетский пред собой метет...» (1993), «Тибет» (1994), «Обычай предков — сдержанность всех чувств...» (1994), «Чайный куст» (2002), цикл буддийских басен (1994), цикл стихов «Буддийский пантеон» (1994), поэмы «Час речи» (1998), «Солнечный Лев» (1998–1999), а также пьесы «Легенда о первом джангарчи» (2007), «Небожитель и младенец» (2009).

произведениях они стремятся дать ответ на злободневные вопросы с точки зрения человека конца XX века, впитавшего в себя евразийскую культуру. Это вечно живые вопросы жизни и смерти, добра и зла, веры в красоту Слова и духовное бессмертие человека и т.д.

Русскоязычная поэтическая традиция Калмыкии не ограничивается именами, представленными в данной статье, и явлениями, рассмотренными в ней. Остается еще множество вопросов, что обуславливает актуальность и необходимость дальнейшего исследования этого явления в целом.

Источники

- Насунов Д.* Голоса расстояний: стихи; ред. Д. Кугультинов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1971. 62 с.
- Насунов Д.* Полет копья: стихи; ред. О. Л. Манджиев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 60 с.
- Насунов Д.* Поселенцы: стихи; предисл. В. Сидорова. М.: Современник, 1977. 76 с.
- Насунов Д.* Тамариск: стихи; предисл. и сост. Д. Б. Пюрвеев. М.: Современник, 1982. 75 с.
- Ханинова Р. М.* Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар», 1994. 240 с.
- Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Час речи: Стихи и поэмы / Михаил Хонинов; Римма Ханинова. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 240 с.
- Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б.* «На перекрестках Софии и Веры...»: стихи, поэмы, эссе. Элиста: АПП «Джангар», 2005. 256 с.

Литература

- Атанасова Р.* Концепт «душа» в поэтическом мире Риммы Ханиновой (книга «Взлететь над мира суетой») // Русский язык в полиэтнической среде: проблемы и перспективы. Мат-лы междунар. науч. конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2007. С. 132–134.
- Барабаш Ю. Я.* Вступительные заметки // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. Вып. I. М., Наследие, 2000. С. 3–6.
- Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
- Бурыкин А. А.* Обретение идентичности // Теегин герл. 2005. № 4. С. 98–114.
- Бурыкин А. А.* Обретение идентичности // Теегин герл. 2005 (а). № 5. С. 107–114.
- Волков Г. Н.* Этнопедагогический диалог дочери с отцом: размышления о книге «Час речи» Михаила Хонинова и Риммы Ханиновой // Хальмг үнн. 2005. 31 марта. С. 15.

- Гармаева С. И.* Взаимодействие национального и интернационального в бурятской литературе // Новые тенденции в современной литературе Бурятии. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1988. С. 3–21.
- Дампилова Л. С.* Поэтические диалоги Риммы Ханиновой в аспекте учитель и ученик // Теегин герл. 2010. № 2. С. 72–78.
- Джушихина К. А.* Роль национально-культурного фактора в речевом поведении билингва (на примере Калмыкии): [Творчество Р. М. Ханиновой] // Материальные и духовные основы калмыцкой государственности в составе России (К 360-летию со дня рождения хана Аюки): Мат-лы Междунар. науч. конф. (Элиста, 20–25 мая 2002 г.). В 2 ч. Элиста, 2002. Ч. 1. С. 57.
- Колчанов В. В.* Ее стихи покоряют... // Хальмг үнн. 2003. 17 июля. С. 4.
- Ничипоров И. Б.* «На перекрестках Софии и Веры...»: о новом поэтическом цикле Риммы Ханиновой // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры...: стихи, поэмы, эссе. Элиста, 2005. С. 89-93.
- Ничипоров И. Б.* Новая жизнь средневекового поэтического жанра («Ключи разума» Риммы Ханиновой) // Ханинова Р. М., Ничипоров И. Б. На перекрестках Софии и Веры...: стихи, поэмы, эссе. Элиста, 2005 (а). С. 222-225.
- Петрова М. П.* Мир поэзии Риммы Ханиновой // Теегин герл. 2002. № 6. С. 108–110.
- Пюрвеев В. Д.* Свет любви // Известия Калмыкии. 1998. 11 марта. С. 3.
- Салдусова А. Г.* Поэзия // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. Элиста: Издат. дом «Герел», 2009. Т. 3. С. 497–512.
- Фокин А.* Диалог поэтов в многоголосье культуры: цикл Риммы Ханиновой «На перекрестках Софии и Веры...». «Памяти Бродского» // Азия в Европе: взаимодействие цивилизаций. Язык, культура, этнос в глобализованном мире: на стыке цивилизации времен. Мат-лы Межд. конгресса. В 2-х ч. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. Ч. I. С. 179–183.
- Ханинова Р. М.* Предисловие // Современная русскоязычная поэзия Калмыкии: учеб. пособие / Калм. ун-т; Р. М. Ханинова [и др.]; отв. ред. Р. М. Ханинова. Элиста, 2012. 128 с.

УДК 75.03
ББК 85.1

КАЛМЫЦКАЯ АССОЦИАЦИЯ ХУДОЖНИКОВ «ДЖУНГАРИЯ»: К ВОПРОСУ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

С. Г. Батырева

Культурное наследие калмыков формирует этническую идентичность современника, отождествляемую с опытом предков, концентрирующим творческий потенциал народа. Его средоточием является фольклор в совокупности духовных основ, транслируемых в философии буддийского учения. Художественная традиция, сохраняющаяся в этническом концентрате творческого самовыражения личности, является предметом исследования в данной статье. Образная память калмыцкого народа, передаваемая выразительными средствами изобразительного искусства, воплощает в себе ценностные доминанты культуры. Самосознание творческой личности адекватно реализуется в творчестве, обуславливая появление произведений, значимых для понимания калмыцкого искусства последнего десятилетия XX столетия.

Изобразительное искусство Калмыкии живо памятью поколений, выработанной на протяжении истории этноса, уходящей истоками в Азию и протекающей ныне в Европе. Память предков одухотворяет творческие поиски авторов, вызывая к жизни самобытные произведения. Преемственность художественных традиций продолжается и восполняется в творческом процессе, где особое этноинтегрирующее положение в изобразительном искусстве второй половины XX столетия отводится историческому жанру. Реконструктивное начало искусства, аккумулированное депортацией калмыков в восточные регионы страны в 1943 году, обусловлено этническим самосознанием художника.

Культурное наследие сохраняет нравственные ценности народа в почитании предков, стремлении жить в гармонии с природой, с другими этническими общностями в разумном равновесии. Самосозна-

ние этноса не дает ему раствориться в сложном современном мире с его попытками все унифицировать и стандартизировать. В целом это можно охарактеризовать как зрелое осознание творческой личностью своей роли в трансляции наследия. Оно обретает особую актуальность при переходе от одной исторической эпохи к другой. В искусстве синтезированы стилистика, концептуально-образные модели художественного мышления в жанровых структурах и композиционных схемах изображения. В процессе культурной адаптации этнические особенности традиции все менее запечатлеваются в отдельных формах и все более — в неповторимом взаимодействии элементов [Щедрина 1987: 45]. Это наглядно демонстрирует художественный процесс в Калмыкии 90-х гг. прошлого столетия. Многообразие проявлений этнического в исторической памяти, в фольклорных и буддийских мотивах творчества авторов органично реализуется в образной картине мира, создаваемой изобразительным искусством.

Отметим: художественный процесс в Калмыкии второй половины XX века объемлет развитие от становления «сурового стиля» до отражения перестроечных событий рубежа веков. Рассматриваемое в широком спектре взаимосвязей традиции и новаторства, ориентации на исторические корни культуры монгольских народов, искусство одухотворено этническим самосознанием авторов. Вместе с тем ими ясно осознается судьба калмыцкого этноса в Европе. Предметом осмысления становятся Человек и Мир, их особые взаимоотношения в самобытном содержании традиционной культуры. Формируется мироощущение качественно иного уровня сознания художника, сохраняющего историческую память предков и вместе с тем открытого веяниям со-

временной цивилизации последнего десятилетия XX столетия.

Начало 1990-х гг. ознаменовалось празднованием 550-летия героического эпоса «Джангар». Торжественное открытие экспозиции Калмыцкой ассоциации художников «Джунгария» (Элиста, 1990) знаменует собой этап развития художественной культуры республики в период перестройки в стране. Восстановление калмыцкой автономии в послевоенный период советской истории и празднование 550-летнего юбилея эпоса в 90-е гг. XX в. оказали заметное влияние на культуру в целом и, в частности, на творческую деятельность художников республики.

Так, важным событием явилось создание новой творческой организации — Калмыцкой ассоциации художников (далее — КАХ) в декабре 1989 г., накануне празднования юбилея «Джангара». В нее вошло 13 постоянных членов, авторов-профессионалов. Творческое объединение (далее — т/о), фиксирующее зрелость этнического самосознания его членов, получило название «Джунгария». Далекая прародина калмыков — своеобразный уходящий в века творческий посыл авторов, реализованный в ряде произведений этого периода. Несмотря на краткость своего существования во времени (ограниченном четырьмя выставками на протяжении 1990–1992 гг.), объединение сыграло значимую этноконсолидирующую роль в среде калмыцких художников и в целом для всей творческой интеллигенции республики.

В Уставе творческого объединения указываются его цель и задачи: «создавать высокохудожественные произведения изобразительного искусства <...>, укреплять связи художников с жизнью народа <...>, содействовать развитию калмыцкого искусства и художественной культуры, всемерно участвовать в пропаганде искусства, эстетическом и культурном воспитании народа, хранить честь и достоинство членов т/о «Джунгария» [Устав Калмыцкой ассоциации художников: 1–2]. Деятельность творческого объединения строилась на принципах «демократического плюрализма», устав был разработан и принят на общем собрании т/о «Джунгария» 19 декабря 1989 г., на котором председателем творческого объединения был избран заслуженный художник России О. Х. Кикев, а секретарем — А. М. Поваев. Создание объединения было

поддержано правлением Калмыцкого фонда культуры (председатель А. С. Романов).

Процесс этнической консолидации проявлялся в деятельности творческой интеллигенции Калмыкии, определяя эволюционный темп развития национальной культуры на рубеже веков. Художественное объединение «Джунгария» собрало художников разных поколений. В названии творческого союза отражено наименование исторической прародины калмыков.

Самосознание социума, рефлексирующее процесс ассимиляции культуры, в творческой среде было целенаправленно ориентировано на ее истоки: в приобщении к ним виделось дальнейшее развитие национального искусства. На одноименной выставке КАХ «Джунгария» это получило достойное выражение в появлении живописных произведений на тему исторической прародины калмыков. Такова серия работ О. Кикеева, А. Поваева, В. Ургадулова, Г. Рокчинского. Скульптура С. Ботиева, посвященная образу сказителя Парчена, и живописные полотна из цикла «Джангариада» Г. Рокчинского определили лейтмотив юбилейной экспозиции. Идейным выражением творческой деятельности ассоциации «Джунгария» явились мощные по эпической выразительности монгольские пейзажи О. Кикеева, многожанровая плоскостная живопись А. Поваева, монументальные произведения на буддийскую тему В. Ургадулова, импульсивная пластика С. Ботиева, произведения молодых художников С. Болдырева, Э. Сангаджиева, Н. Монтышева и других. Евразийское содержание творческих работ одухотворяло экспозицию, органично объединившую поиски живописцев, скульпторов, графиков, прикладников.

Тематической линией первой выставки творческого объединения «Джунгария» явилась история народа до и после вхождения в состав России, воплощенная авторами в художественных полотнах. Калмыцкому героическому эпосу «Джангар» посвящены произведения Г. Рокчинского: «Джангарчи Ээлян Овла», «Джунгария», «Баатр», «Жаңһрин жиндмн», «Вечное Синее Небо», «Это было в начале времен...». В них поэтически осмыслена и воссоздана евразийская целостность традиционной культуры этноса, творчески реконструирована система изображения в синтезе художественных традиций Запада и Востока. Образная память предков счастливо найдена и запе-

чатлена в знаковой сути мифопоэтического творчества [Батырева 2004: 58].

В художественном воплощении истории культуры реконструирован сложный, многообразный мир, выражающий в той или иной степени традиционное наследие, в котором искусство выступает в качестве языка, вбирающего и транслирующего коллективный опыт народа. Этническое ядро культуры сохраняется, одновременно в результате иноэтнических связей новые элементы включаются в этническую культуру, обуславливая ее современное бытие. Судьбоносное самоопределение этноса на рубеже XVI–XVII вв. определило особое отношение авторов к отправной вехе истории калмыцкого народа, имевшей начало в Центральной Азии, на обширной территории проживания ойратских племен. Эпоха «кочевого ренессанса» культуры ойратов отображается в искусстве как важный этап становления и формирования государственности ойратов, откочевавших из Джунгарии и положивших начало калмыцкому этносу.

Исторический жанр переживает подъем в творчестве калмыцких художников в 60–90-е гг. XX в., проходя этапы от этнографической фиксации исторического эпизода до монументального обобщения судьбы народа в художественном образе. Память авторов, ориентированная на традиционное Прошлое, выделяет образы выдающихся для калмыцкой истории личностей Зая-пандиты, Аюки-хана, Мазан-баатра, сопряженные с национальной идеей.

В обращении к мифологии, религии и фольклорному наследию создаются произведения изобразительного искусства Калмыкии в 1990-е гг. и далее — в постсовет-

ской культуре. В кардинальном повороте от идеологии соцреализма к демократизации перестроечного периода рубежа тысячелетий формируется новый взгляд на историю народа за пределами недавней социалистической действительности. Умонастроение общества провозглашает идеи космополитизма, открытости миру, готовности к культурному диалогу в искусстве. Русло развития культуры беспредельно расширяется в тенденциях художественного процесса взаимопроникновения культур, предполагающего прозрачность их границ в искусстве, игре познавательных и творческих сил человека.

Историческая память калмыцкого народа, пережившего миграции и войны, переход к оседлости, октябрьский переворот и депортацию 1943 года, через призму культурных влияний досоветской, советской и постсоветской эпохи нашла воплощение в произведениях живописи, скульптуры и графики, представленных на выставках «Джунгарии».

Источники

Устав Калмыцкой ассоциации художников, творческого объединения «Джунгария». Рукопись, 1989. 5 с. // Архив автора.

Литература

Батырева С. Г. Образная память предков. Живопись Г. Рокчинского во времени и пространстве калмыцкой традиционной культуры. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 104 с., ил.

Щедрина Г. К. Искусство как этнокультурное явление // Искусство в системе культуры / сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л.: Наука, 1987. 272 с.

УДК 316.3
ББК 60.5

**К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНОМ НЕРАВЕНСТВЕ
НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА**

Н. В. Бадмаева, Б. В. Иджаева

В настоящее время проблемы изучения региональных сообществ особенно актуальны в сфере гуманитарных исследований, поскольку регион занимает важное место в организации среды жизнедеятельности социальных групп и индивидов. Регион — это основная территориальная структура жизненного пространства социума, обладающая целостностью политической, культурной, экономической жизни, а также масштабной соразмерностью в системе других административно-государственных образований.

Н. И. Лапин в общетеоретическом смысле определяет регион как исторически сложившееся социокультурное сообщество, в котором первичные поселенческие общности и индивиды, создающие свои жизненные миры, непосредственно взаимодействуют со структурами большого общества — социальными институтами, организациями. Регион возникает на основе этнокультурной идентичности людей, заселивших данную территорию, существует и изменяется в результате их деятельности. Население первичных территориальных общностей — городских и сельских поселений, — консолидировано ценностями и нормами культуры. Оно стратифицировано соответственно макросоциальной организации и экономическим интересам, формирующимся на основе разделения труда и обмена товарами и услугами. По мнению исследователя, структурно регион находится между обществом как социальной системой и поселениями как первичными территориальными общностями. Являясь мезоуровнем большого общества, регион представляет собой социокультурное сообщество, которое включает поселенческие общности и имеет сложную, многомерную структуру [Лапин 2010: 28].

В данной статье под социальной структурой регионального сообщества понимается сеть устойчивых и регулярных связей между социальными институтами, группами и организациями, существующими и взаимодействующими в рамках отдельно взятого региона, которая оказывает влияние на функционирование и развитие регионального социума.

Несмотря на то, что региональное общество объединено общностью территории, общностью исторических процессов и др., население региона, как и в целом все общество, всегда стратифицировано. Социальные, экономические, демографические, политические, культурные и многие другие процессы, происходящие в регионе, непосредственным образом влияют на его социальную структуру и расслоение, социальную дифференциацию и неравенство.

Для описания неравенства между группами людей исследователи применяют такие понятия, как «социальное неравенство», «экономическое неравенство», «социально-экономическое неравенство», «социально-экономическая дифференциация», «социальное расслоение» и др.

В социологическом словаре дается следующее определение: «социальное неравенство» представляет собой «специфическую форму социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, социальные границы, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями удовлетворения потребностей» [Энциклопедический социологический словарь... 1995: 189]. В то же время социологи различают понятия «социальное неравенство» и «социальная дифференциация». Понятие социальной дифференциации, как более широкое по

объему, подразумевает любые социальные различия, в том числе не связанные с неравенством, со стимулированием разных форм деятельности [Социология 2005: 324].

Термин «расслоение», в отличие от уже упоминавшихся «неравенства» и «дифференциации», содержит в себе динамическую составляющую и означает увеличение степени неравенства в обществе, о чем, в частности, свидетельствует следующее определение: «Экономическое расслоение общества — усиление различий в доходах и уровне жизни между отдельными слоями населения, увеличение разрыва между высоко- и низкооплачиваемыми членами общества, приводящее к углублению дифференциации населения по уровню социальной обеспеченности» [Костылева 2011: 17].

Как отмечено выше, фактор расселения, являющийся одной из причин социально-экономической дифференциации населения, проявляется на различных уровнях — между странами, между регионами, внутри региона. Различия в доходах и возможностях населения внутри одного региона, в сельских и городских территориях, получили название поселенческой дифференциации и оказывают влияние на структуру социального неравенства в том или ином регионе.

Среди региональных факторов, влияющих на социальное неравенство, выделяются:

– уровень экономического развития регионов, во многом определяющий доходы населения, его занятость, состояние отраслей социальной сферы;

– факторы природно-климатического характера. К примеру, фактор степени комфортности климата определяет многие особенности образа жизни проживающего на данной территории населения: так, в условиях сурового климата наблюдаются и значительный рост расходов на жизнеобеспечение, и повышенные физиологические нагрузки, непосредственно влияющие на здоровье и физическое состояние человека;

– территориальные различия, обусловленные особенностями поселения. Например, в образе жизни населения крупных городов и сельского населения, испытывающего практическую недоступность качественных услуг, и низкий уровень доходов, и отсутствие их источников. Результатом является постоянная миграция сельского населения, и в первую очередь молодежи,

в города, которая приводит к «постарению» населения и существенно замедляет процессы социального развития сел и малых городов [Костылева 2011: 68].

В связи с этим выделим следующие основные социально-экономические характеристики Республики Калмыкия, которые в той или иной степени влияют на вопросы социального неравенства, доступности определенных социальных благ для различных социальных групп и др.:

- Отсутствие качественной системы водоснабжения населения. Республика Калмыкия является аридным и вододефицитным регионом европейской части России. Используемые на территории республики водные ресурсы по своим качественным параметрам не соответствуют медико-биологическим нормам.
- Низкая плотность населения порождает комплекс транспортно-коммуникационных, инфраструктурных и в целом социально-экономических проблем, влияющих на региональное развитие.
- В недостаточной степени рациональная схема размещения производительных сил, сформировавшаяся в период плановой экономики, когда приоритетным для республики являлось развитие определенных отраслей сельского хозяйства. В современных условиях необходима переориентация на инновационные, конкурентоспособные составляющие регионального роста.
- Несинхронность и асимметричность развития районных муниципальных образований. Сложилась существенная дифференциация социально-экономического положения городов, районных центров, поселков и сел.
- Квалификационный дисбаланс на рынке труда. Существующие диспропорции на рынке труда объясняются несоответствием системы профобразования запросам рынка труда. В настоящее время, на наш взгляд, наиболее востребованы высококвалифицированные кадры рабочих и инженеров. Однако система учета данных о востребованности профессий и новых рабочих мест для экономики республики недостаточно отлажена, в связи с чем выпускники вузов зачастую вынуждены работать не по специальности либо уезжать из региона, или работать на должностях, не требующих высшего образования.

- Диспропорции территориального развития. В силу концентрации экономической активности в г. Элисте в целом по республике высоки риски усиления территориальных диспропорций, что негативно сказывается на социальной и бюджетной сферах. Основными проблемами развития территорий уже сейчас являются высокая степень износа инженерных и технических объектов или их отсутствие, диспропорции на рынке труда, отсутствие подготовленных инвестиционных площадок, отсутствие мест приложения труда, что ведет к миграции и оттоку населения из сельской местности, а также появлению «застойной бедности».
- Ограничения бюджетной сферы. По итогам исполнения консолидированного бюджета за 2010–2012 гг. республика исключена из перечня высокодотационных регионов. Однако бюджет остается дотационным и имеет социальную направленность [Общественники получили главное поручение от Алексея Орлова 2014].

Одним из важных факторов, оказывающих влияние на все общественные институты, являются процессы социального развития и демографии региона. Анализ данных официальной статистики республики позволяет говорить о том, что в случае сохранения обозначенной демографической тенденции в дальнейшем может возникнуть

острый дефицит населения трудоспособного возраста, которое необходимо для полноценного функционирования социальных институтов. Кроме того, демографические проблемы самым негативным образом сказываются на устойчивости региональной социальной системы в целом и могут даже стать причиной ее разрушения.

При изучении проблемы социального неравенства в региональном сообществе, на наш взгляд, целесообразно использовать не только официальные статистические данные, характеризующие доходную и имущественную дифференциацию населения, но и материалы социологических опросов, которые дают возможность определить субъективную социальную стратификацию на основе самоотнесения респондентов к определенным социальным слоям, стратификацию по критерию уровня жизни на основе самооценок и стратификацию на уровне наличия социальных противоречий. В связи с этим приведем результаты мониторинга (2011, 2012 гг.) основных социально-политических процессов, проведенного Центром мониторинга общественного мнения отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН.

Для того чтобы выяснить уровень социальных противоречий в обществе, был задан вопрос об оценке респондентами масштабов противоречий между различными социальными группами.

Таблица 1. Насколько значительны сегодня противоречия, неприязнь в современном российском обществе? (по данным 2011–2012 гг.)

Противоречия, неприязнь между:	значительны		не значительны		затрудн. ответить	
	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.	2011 г.	2012 г.
народом и властью	46,5	53,2	30	24,8	23,5	22
бедными и богатыми	66	62	16,5	20,8	17,5	17,2
низшими и высшими классами	60	60	16,5	20,4	23,5	19,6
работодателями и работниками	41	34	36	41,2	23	24,8
начальниками и подчиненными	40,5	32,4	34	40,8	25,5	26,8
предпринимателями и чиновниками	33	28,8	30	40,8	37	30,4
младшим и старшим поколениями	25	32,8	48,5	40,8	29,5	25,4
верующими и неверующими	13,5	27,2	56	39,6	30,5	33,2
верующими различных религий	17	32,8	45	35,6	38	31,6
людьми различных национальностей	34,5	50,4	36,5	22,8	29	26,8

В 2011 г. жители республики отметили, что самые значительные противоречия наблюдаются между богатыми и бедными, высокими и низкими социальными слоями, народом и властью. Ответы на этот вопрос выявляют основные линии социального расслоения.

В 2012 г. как и в предыдущем году, оси расслоения проходят в следующих социальных слоях и институтах: богатые и бедные, высокие и низкие социальные слои, народ и власть. В то же время в 2012 г. половина

респондентов отметила, что имеются значительные противоречия между людьми различных национальностей. Таким образом, по данным опроса 2012 г., существующие суждения о социально-классовой дифференциации следует дополнить межэтнической дифференциацией (см. табл. 2).

Рассмотрим данные, характеризующие самоидентификацию по социальному слою, которые выявлены из ответов на вопрос «К какому социальному слою вы себя относите?».

Таблица 2. Самоидентификация респондентов по социальному слою

Социальные слои		2011 г.	2012 г.	2013 г.
1	Богатые	7,6	2	1
2	Средний слой	55,6	62	70,5
3	Бедные	12,4	10	25,1
4	Затрудняюсь ответить/ нет ответа	24,4	26	3,5

Прямо поставленный вопрос о социально-классовой самоидентификации показал еще более критическое отношение к изменению своего положения в социальной структуре общества: 12,4 % опрошенных

заявили, что относят себя к низшему слою; 55,6 % — к среднему слою и 7,6 % респондентов отнесли себя к высшему слою.

Далее мы попросили респондентов оценить свой доход.

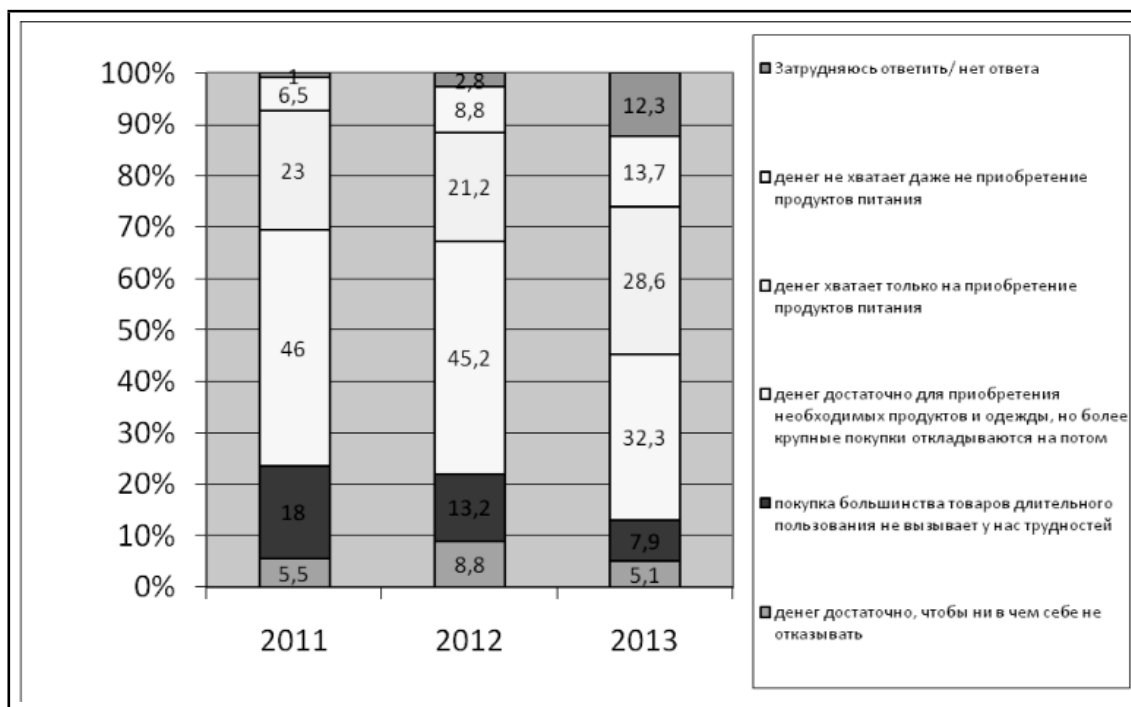

Диаграмма 1. Оценка респондентами своего денежного дохода (по данным опросов 2011, 2012, 2013 гг.)

Из представленной диаграммы следует, что определенную уверенность «в завтрашнем дне» чувствуют менее четверти опрошенных жителей республики, остальная часть респондентов лишь удовлетворяет свои повседневные потребности. Отметим негативную динамику в сторону сокращения показателей материальной обеспеченности. Так, если количество ответов «денег достаточно для приобретения необходимых продуктов и одежды, но более крупные покупки откладываются на потом» в 2011 и 2012 гг. было примерно на одинаковом уровне (46 % и 45,2 %, соответственно), то в 2013 году оно составило 32,3%. Смещение произошло за счет увеличения групп респондентов, давших ответы «денег хватает только на продукты питания» (28,6 % в 2013 г.), «денег не хватает даже на продукты питания» (13,7 % в 2013 г.) и затруднившихся ответить (12,3 %).

Какое место отводят себе граждане в структуре нашего общества? Для получения ответа на этот вопрос мы предложили респондентам оценить свое положение в обществе на основе образования, профессии, работы и других сторон жизни по десятибалльной шкале. Анализ результатов исследования показал, что в самооценке из семи признаков почти по всем признакам — образованию, квалификации, учебе или работе, качеству жизни — большая часть опрошенных жителей оценила свое положение на 5 баллов. Исключением стала политическая активность респондентов. Свое участие в политической жизни региона большая часть респондентов оценивает на 1 балл.

Таким образом, из представленных результатов явствует, что большая часть насе-

ления, хотя и относит себя к среднему социальному слою, однако по собственной оценке своего денежного дохода принадлежит к группе мало- или среднеобеспеченных.

Несмотря на такую градацию оценок, в республике наблюдается в целом достаточно высокий уровень толерантности по отношению к разным группам населения (богатым и бедным, разным этническим группам); можно также предположить, что подобное отношение объясняется относительной индифферентностью респондентов. В целом же итоги опроса свидетельствуют о незначительном социальном расхождении в регионе, приближенности доходов к среднему уровню и приближенности уровня жизни к приемлемым для региона стандартам. В свою очередь, эти стандарты определяются социально-экономическим положением исследуемого региона.

Литература

- Костылева Л. В.* Неравенство населения России: тенденции, факторы, регулирование: монография. Вологда: Институт социально-экономического развития территорий РАН. 2011 г. 223 с.
- Латин Н. И.* Новые проблемы исследований региональных сообществ // Социологические исследования. 2010. № 7. С. 28–38.
- Общественники* получили главное поручение от Алексея Орлова / Калмыкия сегодня. 11 января 2014. № 1 (79).
- Социология.* Основы общей теории. М.: Норма, 2005. 912 с.
- Энциклопедический социологический словарь.* Под ред. Осипова Г. В. М.: ИСПИ РАН, 1995. 939 с.

УДК 316.346.32-053.6(1.571.56-17-81)
ББК 60.54

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ УЧАЩИХСЯ — ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА — К УСЛОВИЯМ ГОРОДА

А. Г. Томаска

Значительное оживление миграционной подвижности сельского населения Севера в большинстве северных улусов Республики Саха (Якутия) отмечается с конца 1980-х гг. Наиболее интенсивный отток населения из районов проживания коренных малочисленных народов Севера произошел в 1994 г. — (коэффициент миграционного прироста достиг отрицательного 1356,7 показателя на 10000 населения). По мнению специалистов, в целом по республике среди жителей села

ориентация на миграцию остается на достаточно высоком уровне, хотя по сравнению с текущим временем и периодом середины 1990-х гг. отмечена динамика [Винокурова, Филиппова 2008: 168]. Если рассматривать причины миграции населения из районов проживания коренных малочисленных народов Севера, то одной из главных, наряду с причинами личного, семейного характера и иных, является стремление к получению образования (см. рис. 1).

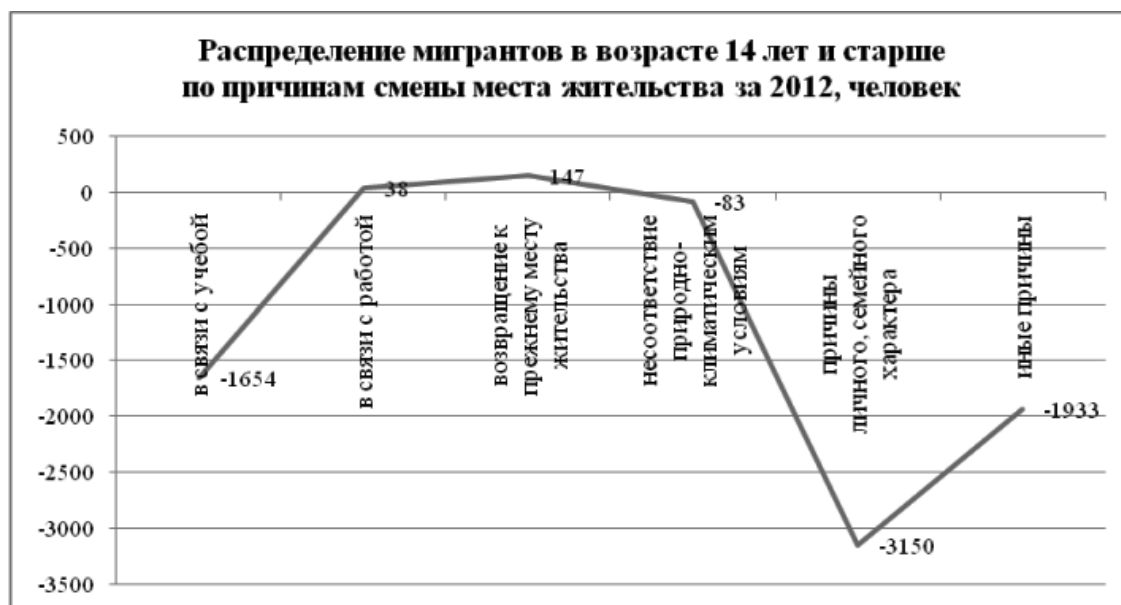

Рис. 1. Распределение мигрантов в возрасте 14 лет и старше по причинам смены места жительства за 2012 г., человек.

Источник: [Миграция населения Республики Саха (Якутия), 2013: 56].

В данной статье анализируются результаты социологических исследований, проводившихся в разные годы с участием автора. В связи с отсутствием как официальных статистических данных, так и возможности установления генеральной совокупности, применены количественные и качественные методы, а также — квотная выборка и метод снежного кома при отборе учащейся моло-

дежи в городских поселениях республики. Количественные методики исследования дополнены материалами глубинных интервью.

Адаптация учащейся молодежи народов Севера к городским поселениям интерпретируется как процесс и результат приспособления к изменениям в связи с переездом из села в городское поселение с целью получе-

ния общего или профессионального образования. Для выполнения задач исследования были сформированы три условные группы адаптации по оценкам респондентами своего социального самочувствия в настоящее время: «адаптированные», «переходные», «неадаптированные».

Проведенное исследование выявило, что среди факторов, способствующих адаптации к городским условиям, имеются отличия в их выборе среди разных адаптационных групп (см. рис. 2). «Адаптированные» респонденты прежде всего выделяют получение образования (45,1 %), расширение круга общения (39,0 %), улучшение бытовых условий (36,6 %). «Переходную» группу отличают ориентация на расширение круга общения и относительно высокое значение общественных мест города в их повседневной жизни. Ориентация на расширение и обновление социальных контактов отмечается в целом только у 16,6 % респондентов. «Неадаптированные» в большей степени ориентированы на бытовые удобства и полученную независимость от родительской опеки.

Следует отметить, что в процессе новой совместной деятельности, например, в школьных, студенческих коллективах, определяющей отношения людей в новых

группах, в которых складываются групповые ценностные ориентации, представители коренных малочисленных народов Севера в большинстве случаев несколько дистанцируются. Хотя большинство молодых учащихся респондентов, и мужчин (71,7 %) и женщин (78,1 %), отмечают как важный позитивный момент в их социальной жизни расширение и обновление круга общения в условиях города. Однако анкетный опрос показал, что исследуемой молодежи свойственны такие характеристики традиционного общества, как персонализация межличностного общения непосредственно индивидов, а не должностных или статусных лиц, неформальное регулирование взаимодействий нормами неписаных общинных законов, связанность отношениями родства, семейным типом организации общности.

Факторы, способствующие адаптации к городским условиям, отражают ценностные ориентации респондентов. В группе адаптированных прослеживается четкая ориентация на осмысление и достижение поставленных целей, определение жизненных планов, создание стратегии адаптации, развитость мотивации достижения, сформированность потребности в успехе и поведенческую готовность к изменениям горизонтов жизнедеятельности.

Рис. 2. Факторы, способствующие адаптации, %

Как показывают факторы адаптации респондентов переходной группы, их ценностная ориентация направлена на достижение социальных благ, предоставляемых городом, с минимумом личных затрат. Мо-

дель адаптации неадаптированной группы мигрантов отличается ориентацией на достижение личной свободы и получение удовольствия, внешне выраженным отсутствием ответственности в достижении социаль-

ного успеха. Вероятно, неадаптированная группа мигрантов выражает таким образом реакцию на новую среду. Как отмечает Л. В. Корель, чем глубже, совершеннее их внутренняя адаптация, тем большей ценой дается им привыкание к изменениям социальных условий, окружающей среды: «Тысячелетнее единение с суровой природой и соответствующий образ жизни предопределяют для коренного северянина и высокую плату за урбанизацию, элементы европейского комфорта, многие из которых вступают в противоречие с циркумполярной культурой: традиционным бытом аборигена, его миропониманием, народной медициной и т. д.» [Корель 2005: 123–124.].

Среди респондентов переходной группы приоритет отдается расширению круга общения (39,5 %), посещению культурных учреждений (театры, музеи, выставки, кинотеатры) (36,8 %). Учебный процесс у них занимает третью позицию — 28,9 %. «Неадаптированные» респонденты отмечают улучшение бытовых условий как позитивный фактор адаптации к городу (35,3 %), хотя при этом среди них отмечен наиболее низкий показатель удовлетворенных жилищными условиями (5,9 %) и вторая позиция по учебному зданию — 23,5 %. Следующим по значимости фактором адаптации к городским условиям для «неадаптированных» молодых респондентов являются три позиции: учебный процесс, увеличение потока информации и расширение круга общения (по 29,4 %). Вероятно, низкая значимость учебного процесса для этих групп связана с неуверенностью в успешном завершении учебного курса. В статистике отмечается низкая доля лиц с профессиональным образованием у коренных малочисленных народов Севера в сравнении со средними общероссийскими показателями.

Более высокие показатели в целом по группам получили такие факторы адаптации к городу, как расширение круга общения, учебный процесс и улучшение бытовых условий. При рассмотрении шкалы адаптации с точки зрения наибольшего показателя выявляется следующее. По шкале «отсутствие родительского контроля» высокий показатель среди «неадаптированных» респондентов — 73,6 %, в «переходной» группе — 10,9 %, у «адаптированных» — 15,5 %. По шкале «жилищные условия» высокий показатель среди «адаптированных»

респондентов — 64,0 %, у «неадаптированной» группы — 14,9 %, у «переходной» группы — 20,5 %). Учебное помещение положительно оценивают «адаптированные» — 46,3 %, «неадаптированная» группа — 37,1 %, «переходная» группа — 16,6 %. Расширение социальной инфраструктуры города (учреждения отдыха и досуга, культуры и торговли) более всего отмечено в группе «переходных» — в среднем 48,6 %.

Молодежь коренных малочисленных народов Севера считает наиболее важным фактором в оценке приоритетов переселения в город возможность получения профессионального образования: более трети юношей (37,0 %) и девушек (37,4 %), надо полагать, успешных учащихся, указывают эту причину. Таким образом, для группы «адаптированных» более характерна ориентация на учебный процесс в хороших жилищных и учебных условиях. Одной из основных стратегий социальной адаптации к городским условиям представителей коренных малочисленных народов Севера также является получение качественного общего и профессионального образования, которое является серьезной проблемой для них, так как они получают базовое образование в малокомплектных школах, где не хватает учителей, нет соответствующих материально-технических условий для получения качественного среднего образования. Так, например, в 2011 г. в эвенкийском селе Иенгра учителя с высшей квалификационной категорией составляли всего 10,6 % педагогического коллектива.

Кроме этого, необходимо иметь в виду низкий социально-экономический статус родителей — оленеводов, охотников, рыболовов, у которых зарплата зачастую ниже прожиточного минимума. Поэтому они не могут оплатить обучение, питание и проживание своих детей в городах, тем более — дорогостоящий проезд и перелет из отдаленных северных районов к месту обучения. Ранее, несмотря на низкие социальные позиции, коренные малочисленные народы Севера имели возможности восходящей социальной мобильности для детей, прежде всего через образовательные структуры. В настоящее время, в условиях рынка эти каналы социальной мобильности для многих оказались недоступны. Специалисты в последнее время указывают на жесткую социальную детерминацию распределения молодежи в системе образования, где опре-

деляющим фактором становится социальное положение родителей.

Результаты социологических исследований Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН [НИР 2007–2009], свидетельствуют, что всего 29,3 % коренных северян, проживающих в местах компактного расселения, были довольны качеством школьного образования по месту жительства, а 64,1 % считали, что необходимы кочевые школы для детей оленеводов. При этом 61,7 % опрошенных высказали пожелание о введении льгот на получение образования, в том числе внеконкурсный льготный набор в вузы представителей коренных малочисленных народов Севера в связи со сложившимся особым положением в системе школьного образования и ограниченными финансовыми возможностями родителей.

Неравное положение молодежи коренных этносов при необходимости повышения образовательного уровня, ее дальнейшая неконкурентоспособность как следствие низкого образовательного статуса усложняют процесс социализации, равноправного и равноценного включения подрастающего поколения северных народов в общественные процессы. Низкий образовательный статус молодежи коренных этносов свидетельствует о невысоком уровне перспектив социального развития, о неравенстве воз-

можностей их социальной мобильности, о необходимости продолжения разработок специальной системы образования малочисленных народов Севера.

В ходе исследования причин, усложняющих адаптацию в городских условиях, респондентам был задан комбинированный вопрос: «Что больше всего не нравится в городе?». Результаты опроса показывают, что в целом по адаптационным группам наибольшее затруднение вызывает отсутствие родительского контроля и качество жилья, другими словами — структурирование повседневной жизни, распорядок дня (см. рис. 3). Качество жилья в данном случае не ограничивается бытовыми удобствами, техническим состоянием жилых помещений — благоустройством и расстоянием до места учебы; в данное понятие входит и ближайшее окружение. Например, большинство опрошиваемых проживает в общежитии (67,9 %), многие учащиеся говорят о сложностях отсутствия условий для подготовки домашних заданий, связанных с шумом, суетой общежитий. Проживание в арендуемом помещении (8,7 %) или у родственников (10,2 %) также чревато сложностями, например: «У родственников, где я живу, тесно, шумно» (жен., эвенк., 24 г.), «Мы втроем снимаем комнату, и никто из нас не умеет готовить» (муж., эвенк., 20 лет).

Рис. 3. Факторы, усложняющие адаптацию молодых мигрантов, %

Здесь хотелось бы отметить, что 52,1 % взрослых представителей коренных малочисленных народов Севера имеют в городах собственное жилье, при этом 79,2 % из них удовлетворены техническим состоянием жилья. В проводившемся ранее исследовании урбанизированного населения из числа коренных малочисленных народов Севера процент удовлетворенности состоянием жилья более чем в 2 раза меньше (31,0 %) [Попова 2001: 19]. За последнее десятилетие коренные малочисленные народы Севера значительно улучшили жилищные условия, что свидетельствует о позитивных изменениях в адаптивном поведении мигрантов-северян.

Среди «адаптированной» группы учащихся мигрантов (34,1 %), более ориентированной на учебный процесс, имеющей наибольшее количество претензий, и «неадаптированной» группы (29,4 %), отметившей как положительный фактор адаптации отсутствие родительского контроля, значительный дискомфорт в условиях города вызывает отсутствие этого контроля (для сравнения: «переходная» группа — 18,4 %) (см. рис. 3). «Неадаптированная» группа, с ее относительно низкой самооценкой, имеет и наименьшие претензии. Соответственно, наибольшее количество различных претензий имеет «адаптированная» группа с высокой самооценкой, в их числе отмечая дискомфорт в связи с присутствием большого количества людей, что не свойственно бытовым условиям в местах компактного проживания малочисленных народов.

Среди всех групп претензии к городским условиям имеет большая доля представителей «переходной» группы. Наибольший дискомфорт вызывают условия жизни (36,8 %) — жилье по месту нынешнего проживания. Претензии «переходной» группы, в приоритетах которой имеются посещение общественных мест и расширение круга общения, относятся к большому количеству учреждений, требующих денежных затрат (18,4 %), правонарушениям (13,2 %), расширению круга общения (13,1 %) как к негативным факторам, усложняющим их адаптацию к городу. Среди них высока доля лиц, имеющих «транспортные» затруднения — они отмечают неудобства, вызываемые обилием транспорта в городе, выхлопными газами, а также сложности использования общественного транспорта в первоначальный

период проживания в городских условиях (первый семестр учебы).

В интервью молодые представители малочисленных народов Севера отмечают массу проблем, связанных с проездом на автобусе и такси: *«пользоваться автобусом для меня сложно; куда и как ехать, кому платить; где стоять в автобусе, как держаться, все толкаются; а вдруг не остановится, где надо; как открывать дверь, если я хочу выйти; где ручка, как закрывать окно в такси»*. *«Я однажды в воскресенье утром сел в автобус, поехал к родственникам и не знал, где должен выходить. Спрашивать постеснялся, все такие неприветливые, вдруг подумают, дурак какой, доехал до конечной. Как обратно ехать — не знаю. Вернулся в общагу уже к вечеру пешком — мороки меньше»* (муж., юкагир, 19 лет).

Указанными факторами не исчерпываются особенности социальной адаптации молодых мигрантов из числа коренных малочисленных народов Севера. Мы отметили лишь основные для настоящего времени. Есть другие варианты, единичные социальные изменения инновационного плана, которые еще не приобрели ярко выраженный массовый или типичный характер в их адаптации. Помимо своей социализирующей роли, миграция и урбанизация вносят в жизнь молодежи коренных малочисленных народов Севера, переселившейся из мест компактного проживания в города, новые культурные образцы, модели действия и коммуникации.

Источники

Полевой материал

Исследование «Социальная адаптация молодежи коренных малочисленных народов Севера на примере Республики Саха (Якутия)», проведенное автором в 1999 г. в рамках индивидуальной темы НИР (n=127).

Исследование «Урбанизация и малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия)» 2001 г. в рамках коллективной темы НИР, утвержденной Президиумом СО РАН Программы № 17 «Взаимодействие общих и региональных проектов исторического развития, научно-технического прогресса и культуры народов Севера» (n=276).

Исследование «Современное состояние семьи коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)», проведенное автором в 2003 г. в рамках индивидуальной темы НИР (n=72 семьи).

Исследование «Дифференциация ценностных ориентаций молодежи у народов Республики Саха: этносоциальный и гендерный аспекты» в рамках коллективного проекта ИПМНС СО РАН совместно с Институтом философии и права СО РАН РГНФ 05-03-03164 в 2005–2007 гг. (n=215).

Исследование «Этносоциальная адаптация коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия)» в рамках коллективной темы НИР «Этносоциальные особенности адаптации коренных малочисленных народов Севера Якутии к изменяющимся условиям социально-экономической среды» по программе 32.2 «Цивилизационные процессы этносоциального взаимодействия, социальной модернизации, правотворчества и правореализации в изменяющейся России» в 2007 г. (n=188), 2008 г. (n=740), в 2009 г. (n=436).

Исследование «Социальная адаптация коренных малочисленных народов Севера в условиях городских поселений», проведенного автором, в рамках раздела «Коренные малочисленные народы Севера Якутии в контексте устойчивого развития Арктики: особенности современного развития» по проекту «Якутия в условиях глобальных трансформаций: арктический опыт в историческом и

культурном процессе» Программы IX.81.3. «Сибирь и Арктика: антропология, этническая история, гуманитарные проблемы» в 2010–2011 гг. (n=188).

Исследование «Современная молодежь коренных малочисленных народов Севера Республики Саха (Якутия) в городских условиях», проведенное автором в 2010–2011 гг. (n=137).

Литература

- Винокурова Л. И., Филиппова В. В.* Социальный портрет мигрантов в постсоветской Якутии // V Диковские чтения: мат-лы науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию Первой Колымской экспедиции и 55-летию образования Магаданской области. Магадан, 18–20 марта 2008 г. Магадан: Кордис, 2008. 230 с.
- Корель Л. В.* Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука, 2005. 424 с.
- Миграция населения Республики Саха (Якутия).* Стат. сб. 6/200. Якутск: ФСГС ТОФСГС по РС(Я), 2013. 76 с.
- Попова А. Г.* Социально-психологическая адаптация урбанизированного населения / Урбанизация и малочисленные народы Севера Республики Саха (Якутия). Якутск: СО РАН ИПМНС, 2001. 86 с.

УДК (331.556.4+314.8):711.433(571.56)
ББК 60.7(2 Рос. Яку-2) М57

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ЖИТЕЛЕЙ РЕСПУБЛИКИ САХА (ЯКУТИЯ): СЕМЕЙНЫЕ СВЯЗИ И МИГРАЦИОННЫЕ НАМЕРЕНИЯ

Д. М. Винокурова

В статье анализируются данные авторских исследований на темы «Территориальная мобильность при индустриализации как контекст мигрантской коммуникативной среды» и «Этнические мигрантские и старожильческие сообщества: процессы инклюзии и социальные сети», проводимых в рамках Приоритетных направлений 9.6. и X.100; Программ 9.6.1. и X.100.4 Сибирского отделения РАН, Блока III — «Республика Саха (Якутия) в начале XXI века: этносоциальные трансформации в условиях интенсивного промышленного освоения Севера» (2010–2016 гг.).

Сбор первичных данных осуществлялся количественным и качественным методами: по ступенчатой квотной выборке ($\Delta \pm 5\%$). Анкетный опрос проводился в г. Мирный ($n=290$) (2010 г.); Якутск ($n=400$) (2011 г.); Ленск ($n=200$) (2012 г.). В работе были использованы методики И. М. Кузнецова и В. И. Мукомеля [Кузнецов, Мукомель 2005], часть вопросов инструментария была разработана автором.

Анкета состоит из 58 вопросов, которые разделены на шесть блоков. Первый блок представлен вопросами о взаимоотношениях с ближайшим окружением респондента. Второй затрагивает проблемы профессионально-трудовой мобильности; третий — оценку отношения к ним принимающего сообщества, проблем обустройства на новом месте жительства; четвертый — степень активности в миграции и перспектив смены постоянного места жительства; пятый — этнокультурной идентификации; шестой — социально-демографические данные о респонденте. Полученные данные были обработаны в программе SPSS Statistics 17.0.

Кроме того, в период с 2012 по 2014 гг. автором был произведен сбор данных методом интервью мигрантов, которые прибывают из стран СНГ в г. Якутск ($n=10$). К примеру, по официальным данным, в 2011 г. среди прибывающих из-за рубежа

мигрантов доминировали выходцы из СНГ — 98,5 %; в 2012-м — 99,0 %¹.

Следует отметить, что доверительный контакт с указанным контингентом мигрантов имеет ряд особенностей, которые касаются уровня владения русским языком, доверия к интервьюеру, различного рода опасений по отношению к представителям местного сообщества, которые влияют на степень искренности их ответов.

Согласно официальным данным Всероссийской переписи 2010 г., на вопрос о продолжительности проживания в месте постоянного жительства ответили 97,5 % населения Якутии, из них 58,9 % проживают не с рождения в тех местах, где они находились в момент переписи [Итоги Всероссийской 2013: Т. 8, 375–377]. Из них сменило свое постоянное место жительства в период с 1991 г. и ранее 42,6 % населения, проживавшего на момент переписи; в 1992–1995 гг. — 7,9 %; в 1996–2002 гг. — 17,4 %; в 2003–2010 гг. — 32,2 % респондентов. Несмотря на то, что были проанализированы разные временные интервалы, приведенные данные отражают отток приезжей части населения из региона в период распада СССР и одновременно приток сельского населения в города.

В советский период представители местного сообщества массово не привлекались в горнодобывающую отрасль, поэтому традиционно в ней были заняты мигранты, прибывавшие из европейской части СССР. Местное сообщество массово включилось в процессы урбанизации в постсоветский период. В табл. 1 приведено соотношение городских и сельских мигрантов, живущих не с рождения в местах постоянного жительства, расчет которого основан на данных Всероссийской переписи 2010 г.

¹ Расчет по кн.: Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. ISB № 978-5-4269-0002-8. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. С. 373.

Таблица 1. *Городские и сельские жители Республики Саха (Якутия), сменившие постоянное место жительства, %*

Указавшие продолжительность проживания в месте постоянного жительства	Живут не с рождения	Меняли место постоянного жительства			
		с 1991 г. и ранее	1992–1995 гг.	1996–2002 гг.	2003–2010 гг.
Городское население, в т. ч.	66,8	42,8	8,3	18,5	30,4
Мужчины	48,5	40,0	8,5	19,1	32,4
Женщины	51,5	45,4	8,0	18,0	28,6
Сельское население, в т. ч.	33,2	42,1	7,0	15,2	35,7
Мужчины	49,2	41,6	6,8	15,3	36,3
Женщины	50,8	42,5	7,3	15,2	35,0

Из данных табл. 1 видно, что более половины горожан и каждый третий сельский житель из принявших участие во Всероссийской переписи 2010 г. живут не с рождения в местах постоянного жительства. Притом как городские, так и сельские женщины почти наравне с мужчинами принимают участие в миграции.

По данным всероссийских переписей, женщины составляли в 2002 г. 51,1 % населения республики; в 2010 г. — 51,4 %. Подобное соотношение в численности населения объясняется не только разницей в продолжительности жизни женщин (73 года) и мужчин (61 год), судя по данным 2010 г., но и миграцией [Демографический ежегодник 2012: 71]. Если предположительно ранжировать степень их участия в миграции из сел в города, то большую часть составляют представительницы местного сообщества, которые намерены трудоустроиться, продолжить свое образование. Например, по данным переписи 2010 г., на 1000 человек в возрасте 15 лет и старше среди указавших уровень образования, женщин с высшим образованием в 1,5 раз больше, чем мужчин [Миграция 2013: 18]. Вторую позицию занимают женщины, прибывающие со своими супругами из других регионов Российской Федерации, третью — из СНГ, КНР и других стран. Например, по официальным данным, среди прибывших в регион в 2012 г. мигрантов женщины составили: 56,2 %, 52,6 %, 41,0 %, соответственно [Демографический ежегодник 2012: 40]. В методике подсчета здесь учитываются и те, кто совершает поездки внутри республики.

Пери анализе полученных результатов исследования следует отметить, что в выборку общего массива попало 44,6 % ре-

спондентов, не являющихся уроженцами городов Ленск, Мирный, Якутск. Здесь и далее анализ первичных данных осуществлен на общем массиве данных по трем городам. Среди них прибыли из сельской местности: Якутии — 25,1 %, других регионов России — 13,8 %, СНГ — 4,8 % респондентов. Прибыли из городов Якутии — 11,1%, других регионов России — 12,3 %, СНГ — 14,7 % респондентов. По степени участия в миграции респондентов можно дифференцировать по их ответам: один раз сменили постоянное место жительства — 38,0 %, два–три — 30,7 %, четыре–пять — 8,5 %, шесть и более раз — 3,8 % ответивших. По времени прибытия респонденты распределились: до 1950-х гг. и ранее — 1,0 %, в 1960-е гг. — 6,5 %, в 1970-е гг. — 11,3 %, в 1980-е гг. — 24,1 %, в 1990-е гг. — 22,9 %, в 2000-е гг. — 31,9 % респондентов.

Следовательно, более половины попавших в выборку респондентов прибыли в Якутию в постсоветский период. Притом почти треть прибывающих — внутренние мигранты, почти четверть — из регионов РФ, в три с лишним раза меньше тех, кто прибыл из стран СНГ. Если дифференцировать респондентов по национальному составу, то наряду с представителями традиционных для России этносов прибывают представители и других национальностей (12,6 %), притом прибывают не только из сельской местности (15,2 %) и городов (26,8 %) СНГ, но из сел (6,3 %), городов (8,0 %) Якутии и регионов России (10,7 % и 11,6 %, соответственно). Значит, часть мигрантов разных национальностей, прибывающая из СНГ, может принимать участие и во внутриреспубликанских и российских перемещениях.

Из приведенных выше данных видно, что женщины принимают участие в миграции наравне с мужчинами. Значит ли это, что в города Якутии прибывают семейные

мигранты? Из приведенных в таблице данных видно, что большинство прибывших респондентов состоят в семейно-брачных отношениях.

Таблица 2. Состояние в семейно-брачных отношениях, прибывших в города респондентов, %

Откуда прибыли	Состояние в семейно-брачных отношениях:				
	в зарегистрированном браке	в незарегистрированном браке	никогда не состояли	разведены	вдовец вдова
Респонденты, принявшие участие во внутрирегиональной миграции					
Село	24,5	29,2	28,6	27,7	25,5
Город	10,2	6,7	16,8	9,6	8,5
Респонденты, прибывшие из регионов России					
Село	7,6	3,4	3,7	9,6	19,1
Город	17,5	13,5	6,8	15,7	6,4
Респонденты, прибывшие из СНГ					
Село	3,5	—	1,2	—	6,4
Город	9,3	9,0	3,7	6,0	6,4

В потоке прибывающих из сел в города местных мигрантов определенную долю, конечно, занимают выпускники средних школ, продолжающие свое образование в средних и высших учебных заведениях. Из сел и городов России прибыли четверть разведенных, и 10,5 % респондентов никогда не состояли в браке. Из данных табл. 2 видно, что одинокие мигранты прибывают больше из городов РФ, чем из сельской местности, тогда как у местных мигрантов противоположное соотношение, причем у них наблюдается больше незарегистрированных браков. Значит, почти одна треть опрошенных мигрантов могла реализовать матримониальный потенциал в новых местах вселения — городах.

Приблизительно у половины респондентов, попавших в общий массив, кто-то из членов семьи остался в местах исхода, в связи с чем возникают вопросы. Во-первых, поддерживают ли они связь со своими родственни-

ками? Ответы таковы: 30,8 % — постоянно поддерживают связь, 11,9 % — ездят к ним во время отпуска, 8,0 % — утратили связи с родственниками. Во-вторых, необходимо выяснить, зависит ли сохранение связей от продолжительности пребывания в новых местах проживания (Табл. 3). Для выявления продолжительности пребывания респондентов в местах вселения был задан отдельный вопрос. Полученные ответы в целом отражают переломную миграционную ситуацию, наблюдавшуюся в 1990-х гг., о которой сказано выше. Попавшие в общий массив выборки мигранты поселились в городах Якутии: в 1950-е гг. и более ранний период — 2,1 %, в 1960-е гг. — 8,4 %, в 1970-е гг. — 13,6 %, в 1980-е гг. — 21,4 %, в 1990-е гг. — 19,3 %, в 2000–2010-е гг. — 21,6 % респондентов. Нисходящие показатели среди тех, кто прибыл до 1980-х гг., очевидно, свидетельствуют об их возвращении в места исхода после отработки трудового стажа на Севере.

Таблица 3. Соотношение степени сохранения связи с ближайшим окружением респондентов и времени прибытия в места вселения, %

Год прибытия	Постоянно поддерживаю связь, делаю денежные переводы и др.	Удается съездить во время отпуска	Хотелось бы поддерживать связи, но не получается	Давно утратил связи с родственниками
1950-е гг. и ранее	0,7	0,9	-	-
1960-е гг.	4,0	5,7	10,8	11,4
1970-е гг.	8,4	11,3	24,3	17,1
1980-е гг.	18,2	29,2	18,9	34,3
1990-е гг.	23,3	25,5	27,0	17,1
2000-е гг.	43,0	25,5	18,9	20,1

В таблице 3 отражена тенденция утраты связей с родственниками после смены постоянного места жительства более 20 лет назад. При этом личные встречи во время выезда в отпуска поддерживаются больше, нежели повседневные формы общения по средствам связи, перевода денежных средств и др. Среди тех, кто поддерживает повседневные формы общения, почти каждый третий респондент имеет зарегистрированный брак, и

такую же пропорцию составляют имеющие незарегистрированный брак.

Очевидно, подобная тенденция зависит как от жизненного цикла семьи, так и от материальных возможностей тех, кто может позволить себе выезжать во время отпуска в места, где остались члены семьи и родственники, или предпочитать выезд в другие места для отдыха, а также от возраста респондента (см. табл. 4).

Таблица 4. Зависимость степени сохранения связи с ближайшим окружением от возраста респондентов, %

Возраст, лет	Постоянно поддерживаю связь, делаю денежные переводы и др.	Удаётся съездить во время отпуска	Хотелось бы поддерживать связи, но не получается	Давно утратил связи с родственниками
18–19	13,1	0,9	8,1	11,4
20–24	9,5	7,5	8,1	11,4
25–29	13,8	8,5	2,7	8,6
30–34	9,8	12,3	18,9	17,1
35–39	10,9	11,3	8,1	8,6
40–44	11,6	9,4	13,5	14,3
45–49	10,9	19,8	16,2	2,9
50–54	10,2	13,2	5,4	5,7
55–59	5,5	8,5	13,5	8,6
60–64	2,9	7,5	5,4	2,9
65 и старше	1,8	0,9	-	8,6

Таким образом, чем моложе респондент, тем чаще он поддерживает повседневную связь по средствам связи с членами семьи и родственниками, но реже видится с ними. Тогда как мигранты более зрелого возраста отдают предпочтение непосредственному общению при личной встрече во время отпуска. И когда 30–34-хлетние респонденты выражают сожаление по поводу невозможности поддержки повседневного общения и утраты связей с родственниками, это вполне объяснимо их трудовой активностью на новом месте жительства и жизненным циклом их семей, когда дети еще требуют повышенного внимания родителей. К 39 годам им удается более или менее выровнять ситуацию, но к 44 годам связи могут прерваться или возобновиться при личной встрече во время отпуска.

Как видно из полученных данных, эта связь в ближайшем окружении принимает во временном и пространственном измерении колебательный характер: ближе к 50 годам респонденты периодически встречаются со своими родными во время отпуска. Вполне закономерно, что связи ослабевают в возрасте 65 лет и старше. Очевидно,

мигранты, которые планировали вернуться в родные места, уже возвратились, а оставшиеся успели «укорениться», т. е. другие члены их семей также остались с ними в местах проживания.

Теперь можно задаться вопросом, способствует ли сохранение связей с родственниками возвращению в места прежнего проживания? В общем массиве опрошенных, вне зависимости от наличия/отсутствия родных в местах исхода, собираются покинуть города Якутии: «обязательно» — 22,1 %; «уеду, если появится возможность» — 28,4 %; «скорее нет, чем да» — 14,2 %. Но другая часть не собирается уезжать, об этом свидетельствуют ответы: «останусь здесь жить» — 17,4 %; «не знаю, об этом не думал» — 14,8 % респондентов. При этом те, у кого остались родные, почти в два раза чаще фиксируют свое намерение покинуть города Якутии, чем те, у кого никто не остался в местах исхода.

В качестве причин возвращения в места исхода, где живут члены семьи (первый контингент), отмечают почти в два раза чаще, чем те, у кого там нет родных (второй контингент). Оба контингента

опрошенных почти одинаково отмечают: «изначально планировали», как только закончат работать — сменить постоянное место жительства; «там, куда я намерен выехать, я приобрел жилье»; «там живут мои дети, они меня приглашают, им нужна моя помощь»; «не знаю, здесь мне уже невозможно, хочется подальше куда-нибудь». Если для первого контингента респондентов ведущей причиной миграционных намерений названа тяга к «родным местам», к родственникам, знакомым», то для второго: «здесь слишком суровый климат, это меня не устраивает».

Вместе с тем следует отметить, что сохранение семейно-родственных связей способствует возвращению респондентов не только в места исхода, но и туда, куда намерены выехать мигранты. К примеру, в г. Мирный в интервью женщина 52-х лет рассказала: «Мы купили три года назад квартиру в Москве, сами мы приехали в поселок Удачный молодыми из другого региона России, потом муж сделал карьеру в Мирном. Сначала дочка поступила учиться в московский вуз, затем туда отправили бабушку, чтоб присматривала за дочкой, а сейчас сами готовимся выехать туда на постоянное место жительства». На вопрос, чем там они будут заниматься, она ответила, что у супруга уже есть место работы и она сама тоже надеется, что без работы не останется. Во время интервью она подчеркнула, что многие ее коллеги по работе обычно так и поступают, приобретая жилье в разных регионах России с помощью ипотеки страховой кампании «Алмазная осень». Конечно, не каждый желающий может себе позволить приобретение жилья в том месте, куда намерен выехать, кроме тех, кто имеет профессиональное образование, занимает достаточно высокие должности, соответствующий уровень зарплаты и т. п.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

- Более половины попавших в выборку респондентов прибыли в Якутию в постсоветский период. Часть мигрантов, представителей разных национальностей, прибывающих из СНГ, может принимать участие и во внутриреспубликанских перемещениях.

- Активность в миграции женщин наравне с мужчинами в большей степени наблюдается у местного сообщества, значит, женщины больше перемещаются внутри реги-

она, предпочитая урбанизированный стиль жизни и повышая свой образовательный уровень. Соответственно, если супруг выезжает в другое место жительства, супруга остается с детьми, притом, больше в городах, нежели в селах. Следовательно, детей чаще оставляют в городах.

- Из сел и городов России прибыли четверть разведенных и 10,5% никогда не состоявших в браке респондентов. Значит, почти одна треть опрошенных имеет matrimониальный потенциал. Мигранты активно реализуют matrimониальный потенциал в местах вселения. Так, тех, кто имел до прибытия (32,3 %) зарегистрированный брак, меньше на 15,8 %, чем тех, кто вступил в брак по приезду, настолько же больше респондентов создали семьи в новых местах жительства, не зарегистрировав свой брак.

- Одинокие больше прибывают из городов РФ, чем из сельской местности. У местных мигрантов противоположное соотношение. Значит, местные респонденты больше создают семьи в городской среде, причем этот брак, как они отметили, чаще не зарегистрирован. Значит, семейно-брачные отношения можно считать еще одним каналом миграционной коммуникации. Такой вывод основан как на ответах, так и на социально-демографических показателях респондентов.

- Из респондентов остаются в местах исхода чаще представители старшего поколения. Больше сохраняются связи со своими детьми, нежели с представителями старшего поколения и другими родственниками. Респонденты, прибывающие из городов РФ, утрачивают связи чаще с сельскими, нежели со своими городскими родственниками. Значит, они более урбанизированы и сохраняют городской стиль жизни.

- Связи в ближайшем окружении имеют от одной возрастной категории к другой колебательный характер; респонденты ближе к 50 годам предпочитают периодически лично встречаться со своими родными во время отпуска. Такие встречи во время выезда в отпуск больше и дольше поддерживаются, нежели повседневные формы общения по средствам связи, перевода денежных средств и др. Подобная тенденция зависит, по-видимому, не только от возраста, но и от жизненного цикла семьи респондента, его материальных возможностей и т. п.

- При разделении опрошенных на два контингента — имеющих/не имеющих род-

ных в местах исхода — выяснилось, что среди первого контингента респондентов побуждающим мотивом миграции является стремление вернуться обратно, среди второго — сложные климатические условия Якутии. Однако оба контингента в равной степени отмечают, что изначально планировали по завершении периода работы смену постоянного места жительства — туда, где приобрели жилье, или в другое место жительства. Значит, ведя урбанизированный образ жизни, респонденты могут сделать выбор в пользу миграции вне зависимости от наличия/отсутствия связей со своими родными, находящимися в местах их исхода.

Литература

- Демографический* ежегодник Республики Саха (Якутия), 2012: Стат. сб. Якутск: Саха (Якутия) стат, 2012. 186 с.
- Итоги* Всероссийской переписи населения 2010 года: в 11 т. / Федеральная служба государственной статистики. М.: ИИЦ «Статистика России», 2013. Т. 8: Продолжительность проживания населения в месте постоянного жительства. 502 с.
- Кузнецов И. М., Мукомель В. И.* Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: Ин-т социологии, 2005. С. 41–47.
- Миграция* населения РС (Я) за 2012 год. Стат. сборник 5/199. Т. 1. Якутск, Саха (Якутия) стат, апрель 2013. 46 с.

УДК 316.354:351/354

ББК 60.54

О РОЛИ БИБЛИОТЕК В СОХРАНЕНИИ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ КАЛМЫКИЯ)*

Л. В. Намруева

1990-е гг. характеризуются подъемом этнического самосознания, социум проявляет глубокий интерес к истории духовной жизни этноса, к этнической культуре, языку, своим исконным традициям и обычаям. В Калмыкии тех лет развернулось активное движение за возрождение национальной культуры и языка. Был принят ряд законов, программ, которые позволяют осуществлять целенаправленную деятельность, призванную возродить самобытную культуру калмыцкого народа. В этих целях государственные органы власти, общественность обращаются к истории, традициям, фольклору, религии. В них черпаются знания, а также изыскиваются отдельные элементы, производится их реконструкция в соответствии с реалиями настоящего времени [Намруева 2011: 62]. В связи с этим особенно усиливается значение библиотек как хранилища духовных ценностей, повышается их роль в накоплении и распространении информации, обеспечении сохранности и развития этнической культуры, привлечения к ним общественного внимания. Осуществляя функции хранения, трансляции культурных источников, библиотеки способствуют стабильности общества, сохранению нравственных норм и ценностей, исторической памяти, умножению творческих сил индивида и общества в целом, формированию культурной компетентности. Исследователи отмечают, что в настоящее время только начинается серьезное осмысление роли национальных традиций в жизни нашего общества и места библиотеки в их воссоздании [Булычева 2012: 100].

Следует отметить, что численность библиотек в республике за последнее десятилетие сокращалась: в 2000 г. их насчитывалось 176, в 2005 г. — 172, в 2010 г. — 156, а в 2011 г. было 149 библиотек [Республика

Калмыкия 2012: 69]. Причины данного явления обусловлены сокращением сельского населения республики вследствие трудовой миграции, сложным финансовым положением муниципальных образований, которые не имеют возможности на должном уровне обеспечивать деятельность культурных учреждений, в том числе библиотек. Вместе с тем, работники библиотечной системы Калмыкии успешно выполняют функции, возложенные на них, — прежде всего по накоплению, сохранению и распространению духовного наследия народов республики, приобщению населения к достижениям мировой культуры. Процессы национально-культурного возрождения народов России и, в частности, Республики Калмыкия — объективные факторы становления и развития библиотек как уникальных общественных институтов, призванных не только хранить фонды книг и повременных изданий, но и способствовать плодотворному взаимодействию национальных культур. Богатая история и современная жизнь Калмыкии, мультиэтнический состав населяющих ее народов позволяют назвать деятельность библиотек по сохранению историко-культурного наследия и культурных традиций калмыцкого народа одним из приоритетных ее направлений.

Национальная библиотека им. А. М. Амурсанана Республики Калмыкия (директор Н. Б. Уластаева) — главное книгохранилище национальной, отечественной и зарубежной печати, многофункциональное библиотечно-информационное учреждение, культурный, информационно-образовательный и методический центр. В структуре библиотеки 18 подразделений, где трудятся 145 сотрудников, которые активно участвуют в культурной жизни республики, организуют клубы по интересам, лите-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке в рамках Программы фундаментальных исследований секции истории ОИФН РАН «Нация и государство в мировой истории» (проект «Этнокультурная политика в мультиэтническом регионе РФ: конструирование этничности»).

ратурно-музыкальные вечера, презентации книг, встречи читателей с творческой интеллигенцией [Намуева 2013: 37]. Фонды книгохранилища насчитывают более 800 тысяч единиц. Гордость библиотеки составляет фонд редких и ценных изданий XVII–XVIII вв., представляющих большую историческую ценность, включающий и памятники старокалмыцкой письменности. Будучи единственной библиотекой России, где с исчерпывающей полнотой собирается духовное наследие калмыцкого народа, Национальная библиотека выступает как центр книжной национальной культуры калмыков, как хранительница памяти этноса, его самобытности, являющейся частью общечеловеческих ценностей.

Деятельность Национальной библиотеки традиционно направлена на обеспечение накопления, сохранности и продвижения документов и информации для удовлетворения разнообразных потребностей пользователей. Ежегодно библиотека обслуживает более 45 тысяч читателей, книговыдача составляет свыше 1 млн. экземпляров в год. К услугам пользователей в залах библиотеки экспонируются постоянно действующие выставки: «Калмыцкий фольклор: записи, публикации, изучение», «Калмыкия на языках планеты», «Художники Калмыкии — юбиляры года», «Феномен академика П. М. Эрдниева», «История и философия буддизма», «Калмыкия: история и современность», «Танцевальное и музыкальное искусство калмыков» [Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана].

Большую работу по сохранению, изучению и популяризации калмыцкой книги и литературы о Калмыкии по всем отраслям знаний ведет отдел национально-краеведческой литературы. В библиотеку поступает обязательный экземпляр всех изданий, выпущенных на территории Республики Калмыкия. Фонд отдела составляет 27 тыс. книг и 50 названий журналов и газет, здесь хранятся исследования по истории и культуре, справочная литература, статистические материалы, произведения писателей и поэтов Калмыкии, собрана литература о Калмыкии и калмыцком народе, увидевшая свет не только в республике, но и за ее пределами. Изданий на калмыцком языке в отделе 8 тысяч экземпляров. В отделе собраны редкие издания: калмыцкий героический эпос «Джангар» (Элиста, 1936); исторический роман В. Ривера «Торгуты»

(Нью-Йорк, 1939) — уникальное издание на английском языке; «Калмыцко-ойратский сборник», изданный в Филадельфии в 1966 г., и др.

Ежегодно отдел выпускает «Календарь знаменательных и памятных дат Калмыкии», регулярно издает методико-библиографические пособия, библиографические указатели научно-вспомогательного и рекомендательного характера. Так, в 2009 г. был организован и проведен республиканский конкурс «Я здесь живу! И край мне этот дорог!», в котором приняли участие детские библиотеки республики, представившие творческие работы по следующим номинациям: «Тайны степного края» (растительный и животный мир степи, приметы природы), «Яркие страницы из истории земли калмыцкой», «Моя семья, мой город, мой народ», «Солдатская слава жива». Конкурсанты творчески подошли к соревнованию, проведя исследовательскую работу по сбору и обработке местного материала, записав сведения от старожилов района, знатоков истории родного края, местных поэтов и композиторов. В проведенной библиографической работе было использовано более 300 литературных источников. Творческие работы, написанные доступным для детей языком, богато иллюстрированы, что позволяет ребятам найти информацию о природе, культуре, традициях калмыцкого народа, которой нет в школьных учебниках. По итогам конкурса издана детская энциклопедия «Я здесь живу! И край мне этот дорог!». Педагоги, воспитатели могут использовать подготовленные участниками конкурса работы по истории, культуре родного края, сценарии тематических вечеров, материалы для бесед, конкурсов, викторин, ролевых игр, ребусов и кроссвордов [Конкурс «Я здесь живу! И край мне этот дорог!»].

Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана регулярно организует информационно-библиографические и библиотечные мероприятия — литературные вечера, презентации новых книг, книжные выставки, выставки-просмотры, различные конкурсы, которые играют важную роль в открытии новых страниц истории калмыцкого народа, в развитии ее самобытной культуры. Одним из таких многочисленных мероприятий стала презентация книги «Заламджа» калмыцкого писателя в эмиграции Санджи Басановича Балыкова (1894–1943), состояв-

шаяся 15 ноября 2013 г. в Национальной библиотеке. Издание знакомит современного читателя с творчеством писателя, активного деятеля калмыцкого национального и вольноказачьего движений за рубежом. Повести и рассказы С. Балыкова посвящены жизни калмыков в Сальском округе Донской области до революции, трагедии, постигшей калмыков-казаков в период гражданской войны, и их судьбе в эмиграции. Выпуск творческого наследия писателя осуществляла Е. С. Ремилева, по крупицам собиравшая архивные материалы и малоизвестные произведения писателя, опубликованные в периодических изданиях зарубежья [Балыков 2013]. Презентация книги продолжала серию мероприятий в рамках мультимедиапроекта «Калмыцкое зарубежье», подготовленного Национальной библиотекой и представляющего материалы о судьбах калмыцких эмигрантов, в том числе и С. Б. Балыкова.

Новый мультимедийный проект «Забвению не подвластно», подготовленный сотрудниками Национальной библиотеки, посвящен скорбной дате — 70-летию депортации калмыцкого народа. В электронный ресурс включены уникальные архивные материалы, официальные документы, исследования российских ученых по ссылке калмыков. Читатели могут получить информацию о трагических событиях с помощью статистических данных, просмотра фрагментов художественных фильмов, посвященных годам ссылки калмыцкого народа в Сибирь, воспоминаний тех, кто выжил и вернулся на родину предков. Особое место в проекте отводится работам известных поэтов, писателей и художников Калмыкии, посвятивших свое творчество теме депортации. «Святая правда сердцу повелела Сказать о боли, что не отболела» и «Память в наследство» — так называются эти разделы. В Национальной библиотеке была также организована выставка-обзор для учащихся старших классов «Живая связь поколений», на которой были представлены как художественные произведения, так и научные издания, посвященные депортации. В рамках мероприятий, посвященных 70-летию насильственной депортации калмыцкого народа (1943–1957), проведены вечера памяти, творческие уроки, читательские конференции. «Сохранить историческую память и передать ее другим поколениям — наш гражданский долг», — подчеркивают со-

трудники библиотеки [Нацбиблиотека подготовила ...].

Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана выполняет важную функцию в процессе сохранения калмыцкого языка, который испытывает негативные последствия драматических событий, пережитых его носителем (многократная смена алфавита, депортация народа, ассимиляционная политика советского государства). Библиотека совместно с Общественным Советом по развитию калмыцкого языка весной 2013 г. объявила открытый конкурс на лучший перевод на калмыцкий язык произведений великого персидского поэта Омара Хайяма. Цель конкурса — пропаганда калмыцкого языка посредством мировой поэтической классики. Членами жюри был рассмотрен 21 перевод. 27 мая был объявлен победитель конкурса, им стал народный поэт Калмыкии В. Д. Нуров, которому был вручен диплом I степени. Решением жюри дипломом II степени награждена М. Н. Гаряева, учитель калмыцкого языка и литературы Яшкульской гимназии, дипломом III степени — Е. А. Джинцанова, старейший педагог республики. Членами жюри были отмечены переводы Е. Б. Дорджиевой (Октябрьский район, Мирненская СОШ), Г. К. Бадма-Халгаевой (п. Яшкуль), Н. С. Хатуева (г. Элиста), Д. Б. Нандышева (п. Кетченеры). Все переводчики отмечены дипломом участника конкурса на лучший перевод на калмыцкий язык стихотворений персидского поэта Омар Хайяма [Объявлен победитель конкурса].

В силу специфики своей деятельности главная библиотека республики является одним из центров гармонизации межнациональных отношений, поэтому мероприятия, проводимые ею, направлены на понимание и сближение разных культур. В декабре 2013 г. звание Народного поэта Калмыкии было присвоено известному писателю, литературоведу Григорию Кукареке. Национальная библиотека организовала творческий вечер, посвященный 70-летию «певца калмыцкой степи». Произведения поэта воспевают любимую и неповторимую родную степь, о которой он знает всё. Даже об изнуряющей жаре, страшном суховее писатель говорит с любовью: «И сколько бы ни клял я суховея, Он всё же ветер родины моей». Юбиляр известен ещё и как блестящий переводчик стихов с калмыцкого и украинского язы-

ков на русский. Благодаря его переводам за пределами республики стали известны имена многих калмыцких авторов [И сколько бы ни клял я суховой ...].

Одна из ведущих ролей в сохранении и развитии национальной культуры, несомненно, принадлежит муниципальным библиотекам республики, которые активно участвуют в возрождении национальных и семейных обычаев и традиций, в том числе чтения литературы на родном языке. Сельская библиотека сегодня — единственное учреждение на селе, предоставляющее бесплатное пользование книгой, обеспечивающее конституционное право каждого человека на свободный доступ к информации, знаниям, приобщению к культурным ценностям.

Сельское население республики составляет 159264 человек (55,6 % от всего населения), обслуживаемых 139 сельскими библиотеками [Республика Калмыкия 2012: 69]. Библиотечная деятельность на селе сегодня осложнена рядом причин: разрушена система книгоснабжения, отсутствует централизованное информирование о готовящейся к изданию литературе, практически отсутствует финансирование и т. д. Таким образом, сельские библиотеки оказались в очень трудном положении. Из-за отсутствия новых поступлений и физического износа книг сельский житель лишен возможности приобщения к знаниям, общественной и культурной жизни страны, что, безусловно, отрицательно сказывается на уровне подготовки и развития молодежи и детей. Отсутствие необходимой поддержки сельским библиотекам на республиканском и местном уровнях привело к разрушению хорошо организованной, продуманной системы предоставления информации населению республики.

Тем не менее, в сложившейся на селе ситуации библиотеки оказались самым жизнеспособным и востребованным учреждением сельского сообщества. Сельская библиотека сегодня остается единственным реально действующим социально ориентированным институтом, функции которой расширились и вышли за пределы чисто библиотечной работы.

В большинстве библиотек Республики Калмыкия созданы уголки и мини-музеи традиционного народного творчества, где экспонируются предметы национального быта, местные варианты калмыцкого и рус-

ского костюмов, изделия и предметы калмыцкого и русского декоративно-прикладного творчества. Здесь же концентрируются и другие материалы: альбомы, накопительные папки, фотодокументы, рассказывающие о семейных и национальных традициях. Организуются книжные выставки, вечера семейного отдыха, обсуждения и презентации книг, вечера-встречи с писателями и поэтами республики.

В июле 2013 г. министерством образования, культуры и науки РК были подведены итоги конкурса среди работников муниципальных учреждений культуры сельских поселений. Лучшими муниципальными учреждениями культуры Республики Калмыкия стали Тундутовский сельский Дом культуры Тундутовского СМО Малодербетовского района, сельский Дом культуры п. Аршан, межпоселенческая Центральная библиотека Октябрьской ЦБС Октябрьского района и Цаганаманский сельский Дом культуры Юстинского района. Лучшими работниками муниципальных учреждений культуры РК были названы Т. Серова, директор МУК «Садовская библиотека» Сарпинского района, Н. Болдырева, директор Аршан-Булукского сельского Дома культуры Целинного района и О. Маливанова, старший методист районного Дома культуры Приютненского района [В Калмыкии определены лучшие сельские учреждения культуры]. Отметим, что среди лучших муниципальных учреждений культуры Республики Калмыкия названа библиотека и лучшим работником муниципальных учреждений является библиотечный работник. В первом полугодии 2013 г. в рамках проекта КИГИ РАН была проведена экспедиция, в ходе которой собраны материалы о деятельности победителей вышеназванного конкурса.

Межпоселенческую Центральную библиотеку Октябрьской ЦБС Октябрьского района более десяти лет возглавляет С. Чорей. В библиотеке, которой она руководит, создана база электронных данных, основанная на краеведческом материале «Памятные места Октябрьского района», разработан электронный вариант экскурсии по Большому Царыну «Родной посёлок». Прошлое и настоящее района, опыт предшествующих поколений, их традиции, быт, обычаи — все это становится темой многочисленных мероприятий, проводимых библиотекой. В 2013 г. краеведческий отдел осуществлял проект «Год родной земли»,

который включает разделы: литературная карта района, памятные места, «Фронтовые дороги», «Новые грани родного края», летопись поселка.

В целях содействия развитию библиотечной системы района, становлению сельских библиотек в качестве культурно-интеллектуальных центров, способствующих повышению качества жизни жителей района и обеспечения доступа к культурным и интеллектуальным ценностям, библиотека участвует в проекте «Библиотеки России» (партия «Единая Россия»), в федеральной целевой программе «Культура России 2013–2018 гг.» по созданию сельской модельной библиотеки. В районе принята программа «Развитие муниципальной культуры в Октябрьском районе на 2013–2015 гг.», где предусмотрены средства на развитие библиотечной сети района.

Библиотека успешно занимается издательской деятельностью, публикует буклеты, памятки, брошюры («Большой Царын — моя судьба», «В краю рисовых долин» и др.), выпущены фотоальбом «Октябрьский район — 30 лет», наборы открыток («Мне эта степь дана в наследство», «В объективе — Октябрьский район») и др. Особое место среди изданий занимает книга «Нам не дано забыть», в которой собран материал о ветеранах Великой Отечественной войны, жителях района. Количество проводимых культурно-просветительных мероприятий за год составляет более 60, в том числе ориентированных на детей и молодежь — 34, на социально незащищенные группы населения с ограниченными возможностями — 20. На базе библиотеки более десяти лет успешно функционирует клуб «Огонек» для людей пожилого возраста, деятельность которого ориентирована на улучшение качества организации культурного досуга пенсионеров, вовлечение их в сферу творческой и социальной активности. Так, 2 февраля 2013 г. члены клуба «Огонек» приняли участие в юбилейных мероприятиях, посвященных 70-летию Сталинградской битвы, присутствовали на параде Победы, возложили цветы на Аллее Героев. Работа с клубом и его активом позволила обратить пристальное внимание на другие социально незащищенные категории населения и создать программу «От сердца к сердцу». Одним из конкретных результатов ее реализации стал созданный для людей с ограниченными возможностями клуб «Луч», который позволя-

ет им морально поддерживать друг друга, развивать художественный вкус, социальную активность, углублять познавательные интересы, расширять кругозор. Клуб «Луч» плодотворно сотрудничает с подростками из детского движения «Иткл», они совместно провели акции «Свеча Памяти», «Украсим планету цветами», которая прошла в рамках дня информации «Экология сегодня».

Большецарынская межпоселенческая библиотека успешно представляет свою работу на республиканских и российских конкурсах. В 2004–2005 гг. она стала победителем в смотре-конкурсе «Слава тебе, победитель-солдат!» среди центральных библиотек республики; в 2005 г. заняла второе место в номинации «Библиотечная газета» в рамках фестиваля-конкурса «Библиотека — окно в мир», второе место в 2005 г. в республиканском конкурсе среди муниципальных библиотек по повышению гражданско-правовой культуры избирателей. Большецарынская межпоселенческая библиотека победила в 2007 г. в республиканском конкурсе «Судьбою связаны единой», посвященном 85-летию провозглашения автономии Калмыкии и 70-летию образования Калмыцкой автономной республики. В 2009 г. сотрудники библиотеки завоевали призовое место во Всероссийском конкурсе среди библиотек России на «Лучший библиотечный проект по популяризации государственной символики в регионе» — в номинации «Лучший издательский проект» [ПМА 2013].

Садовская библиотека, названная лучшей по итогам конкурса, проведенного в 2013 г. министерством образования, культуры и науки РК, является одной из старейших библиотек республики. Согласно архивной справке, Садовская библиотека была открыта в 1921 г. В настоящее время сотрудники стараются в совершенстве овладеть новыми технологиями, информационной культурой, расширяя сферу услуг для своих пользователей, благодаря чему библиотека по-настоящему востребована жителями и остается подлинным духовным и культурным центром на селе.

Обслуживание является ведущей функцией современной библиотеки, которая подчиняет, изменяет и направляет работу всех отделов, формирует образ библиотеки в глазах читателей, предопределяет ее место в сфере социального влияния. В 2011 г.

Садовская библиотека получила статус модельной. В рамках проекта «Модельные сельские библиотеки» министерство культуры России выделило около 500 тысяч рублей, благодаря чему были получены 975 экземпляров книг, 225 экземпляров компакт-дисков и современное техническое оборудование: компьютер библиотекаря, компьютер читателя, многофункциональное периферийное устройство, мультимедийный проектор с экраном. Со стороны администрации СМО были выделены средства в сумме 31 тыс. руб. на приобретение читательских и компьютерных столов, установка пожарной сигнализации, приобретены цветной фотопринтер и цифровой фотоаппарат [ПМА 2013].

Услугами Садовской библиотеки ежегодно пользуются около 3 тысяч человек. Основную категорию пользователей составляют специалисты различных отраслей, учителя и учащиеся школ, студенты. Для пополнения книжного фонда проводятся акции «Подари библиотеке книгу!», «Прочел книгу — подари библиотеке», «Дар книги библиотеке». Читатели охотно откликаются на такие мероприятия, даря вторую жизнь книгам.

Сектор национально-краеведческой литературы ведет большую поисковую работу, выпускает буклеты, брошюры, посвященные известным людям Сарпинского района, сборники стихов земляков. Зав. сектором В. П. Чванова, участвуя в 2010 г. в республиканском конкурсе «Креативность — залог успеха» с проектом «Тропой войны», посвященным Эрдни Деликову, Герою Советского Союза, уроженцу района, была награждена дипломом и премией главы РК [ПМА 2013].

Успешная работа Садовской библиотеки складывается из ежедневного кропотливого труда ее сотрудников. Все они — люди творческие, неравнодушные, работающие с большой отдачей. Коллектив библиотеки был неоднократно награжден Почетными грамотами районной администрации, министерства образования, культуры и науки РК, министерства культуры РФ и российского профсоюза работников культуры.

Содействовать сохранению библиотечной сети призван проект «Библиотеки России», реализуемый партией «Единая Россия» с 2013 г. Основная задача проекта — становление современных библиотек как культурно-интеллектуальных центров

и важнейших институтов, способствующих модернизации страны. Успешно и плодотворно это начинание реализуется в Калмыкии. В 2013 г. стартовала республиканская партийная акция «Модернизация сельских учреждений культуры», в рамках которой в библиотечное обслуживание будут широко внедрены как онлайн-ресурсы (посредством высокоскоростного доступа в интернет), так и возможность чтения электронных книг (в 2013–2015 гг. будут приобретены 148 многофункциональных устройств). «Модернизация сельских учреждений культуры» предусматривает ежегодное выделение 14 сельским домам культуры средств республиканского бюджета на укрепление материально-технической базы по одному из приоритетных направлений. Акция позволит улучшить материально-техническую базу 70 сельских Домов культуры, а это почти половина от общего числа культурно-досуговых учреждений республики. Общий объем финансирования — более 23 миллионов рублей [За перемены 2013].

Таким образом, за последние годы библиотеки, опираясь на поддержку государственных органов управления, общественных организаций, отечественных и зарубежных партнеров, добились определенных успехов в деле сохранения историко-культурного наследия и культурных традиций калмыцкого народа, воспитания у населения чувства патриотизма и любви к малой Родине, эстетического вкуса и культурных навыков, высоких моральных качеств и идеалов. Постоянно проводятся культурно-массовые мероприятия по пропаганде краеведческого содержания, популяризации произведений калмыцких писателей, организация поисково-исследовательской деятельности на локальном материале.

Источники

В Калмыкии определены лучшие сельские учреждения культуры [электронный ресурс] // URL: [http:// gov. kalmregion.ru/news/201202-03-08-36-50/9085-2013-07-31-13-49-16](http://gov.kalmregion.ru/news/201202-03-08-36-50/9085-2013-07-31-13-49-16) (дата обращения 31. 07. 2013)

За перемены! За родную Калмыкию! Информационный бюллетень. 22.07.13.

И сколько бы ни клял я суховей, Он все же ветер родины моей [электронный ресурс] // URL: <http://vesti-kalmykia.ru/culture/10671-i-skolko-by-ne-klyal-ya-suhovey-on-vse-zhe-veter-rodiny-moey.html> (дата обращения: 04.01. 2014).

Конкурс «Я здесь живу! И край мне этот дорог!» [электронный ресурс] // URL: <http://www.kalmlib.ru/projects/43> (дата обращения: 02.01.2014).

Национальная библиотека им. А. М. Амур-Санана Республики Калмыкия [электронный ресурс] // URL: <http://www.kalmlib.ru/component/content/article/441> (дата обращения: 04.01.2014).

Нацбиблиотека подготовила мультимедийный проект к 70-летию депортации калмыцкого народа [электронный ресурс] // URL: <http://vesti-kalmykia.ru/society/9979> (дата обращения: 03.01.2014).

Объявлен победитель конкурса [электронный ресурс] // URL: <http://kalmlib.ru/component/content/article/489> (дата обращения: 07.01.2014).

[ЛМА] — Полевые материалы автора. п. Большой Царын Республики Калмыкия (апрель 2013 г.), с. Садовое Республики Калмыкия (май 2013 г.).

Литература

Балыков С. Б. Заламджа: повести и рассказы. Б-ка Мемориала «Донские казаки в борьбе с большевиками» / сост. Е. С. Ремилева. [Б.м.], 2013. 312 с.

Булычева А. А. Роль библиотек в сохранении историко-культурного наследия и культурных традиций мордовского народа (на примере Республики Мордовия) // Вестник Томского университета 2012. Серия «Культурология и искусствоведение». № 4 (8). С. 100–102.

Намруева Л. В. Современная калмыцкая культура: состояние и перспективы // Вопросы культурологии. 2011. № 3. С. 61–65.

Намруева Л. В. Роль женщин в сохранении этнокультурной идентичности калмыков // Женщина в российском обществе. 2013. № 1. С. 35–44.

Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2012. Стат. сб./ Калмыкиятат. Элиста, 2012. 299 с.

УДК 811.512.37'366.59
ББК Ш164.3-2

СИСТЕМА НЕПРЕРЫВНОГО ОБУЧЕНИЯ В СВЕТЕ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА *

В. Н. Мушаев

В Законе «О языках народов Республики Калмыкия» указывается, что Республика Калмыкия является единственным национально-государственным образованием калмыцкого народа. Решение проблем сохранения и развития калмыцкого языка как важнейшего идентификационного признака и основы духовной культуры народа возлагается на государственные органы Республики Калмыкия, что в первую очередь нашло отражение в законодательном закреплении статуса калмыцкого языка, в создании условий для активного его использования в государственной и общественной жизни, поддержания его престижа, нормализации и пропаганды [Администратор 2008: 13].

В региональной системе образования республики функционируют различные типы образовательных учреждений: национальные группы в дошкольных образовательных учреждениях (ДОУ в республике 64), национальные детские образовательные учреждения, национальные классы в общеобразовательных учреждениях республики (209), национальные школы и гимназии, общеобразовательные классы с углубленным изучением калмыцкого языка, общеобразовательные школы с этнокультурным компонентом образования и воспитания [Сборник 2013: 20].

В последние годы в республике достаточно планомерно ведется работа по созданию системы национально-регионального образования на всех ступенях воспитания и обучения. Министерством образования и науки Республики Калмыкия (МОиН РК) разработана Государственная программа развития образования и науки на 2013–2017 гг., в рамках которой существует подпрограмма «Калмыцкий язык и языки народов Калмыкии» по сохранению и развитию

языка как средства сохранения национального самосознания народа. Но, несмотря на проведение целого ряда мер, в республике еще не достигнуты ощутимые результаты в функционировании калмыцкого языка в официальной и бытовой сферах.

В данной статье, не касаясь вопросов, связанных с расширением сферы функционирования калмыцкого языка, считаем важным обратиться к проблемам адаптации существующих и создания новых образовательных программ для уровней, различающихся по возрастам, степени знания языка, сферам употребления, социальному статусу обучаемого, индивидуальной и массовой формам обучения, с использованием современных методик и технологий [Асира и др. 1989: 80; Нарн 2004: 180; Очинова 2009: 5].

В целях развития сотрудничества и установления партнерских отношений со всеми учреждениями образования республики в декабре 2011 г. при ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет» (КалмГУ) создан Центр методики преподавания и развития калмыцкого языка и Центр «Фольклор: Наука. Образование. Культура». Их деятельность координирует Ученый совет Калмыцкого государственного университета в сотрудничестве со всеми образовательными учреждениями МОиН РК и Управлением образования администрации г. Элисты. Центр методики преподавания и развития калмыцкого языка является научно-методическим подразделением, изучающим вопросы преподавания и содержания национально-регионального компонента в системе образования. Основными направлениями деятельности данного Центра являются:

1) апробация и внедрение результатов научно-методических разработок, методик и технологий по уровням обучения (препо-

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-14-08003 а(р).

давание калмыцкого языка в ДОУ, начальной, средней, средне-профессиональной и высшей школах и широкой общественности) и в процесс обучения студентов;

2) создание и работа с базой данных учителей и воспитателей, владеющих разнообразными методиками и технологиями;

3) организация семинаров, обсуждений и презентаций инновационных проектов, программ по проблемам технологии обучения, функционирования и развития калмыцкого языка.

I. Уровень дошкольных образовательных учреждений

1. Согласно утвержденной программе обучения калмыцкому языку в ДОУ, две творческие группы (в составе 14 чел.) и 12 учителей калмыцкого языка г. Элисты подготовили учебные материалы и провели организационные мероприятия. Так, было подготовлено учебное пособие для учителей калмыцкого языка и родителей детей ДОУ в 4-х частях, по четырем годам обучения (для массовых групп) [Эрендженова и др. 2010: 5]. В 2012 г. на августовском совещании учителей учебное пособие было разослано в электронном варианте для ознакомления во все ДОУ районов Калмыкии и г. Элисты. В декабре 2012 г. проведен семинар по обобщению пожеланий и замечаний учителей-практиков. В течение 2013 г. проведено два рабочих семинара с рецензентом пособия, д.ф.н. Убушаевым Н. Н., имеющим большой опыт работы в НИИ национальных школ РФ, и учителем-методистом, заслуженным учителем РФ, к.пед.н. Е. А. Джинцановой. После широкого обсуждения пособие было представлено в редакционно-экспертный совет Минобрнауки РК для дальнейшей экспертизы¹.

2. Материалы по содержанию образования и комплексно-тематического планирования для калмыцких национальных групп дошкольных образовательных учреждений (ДОУ) составлялись с учетом новых требо-

¹ В подготовке пособия приняли участие Азыдова Т. Э. (МКДОУ № 31), Баатырова Т. П. (МКДОУ № 16), Бадмаева Г. М. (МКДОУ № 27), Бальджикова Л. И. (МКДОУ №24), Болдырева А. Г. (МКДОУ №21), Брюгидикова В. О. (МКДОУ №12), Дорджиева К. М. (УОМ г. Элисты), Балакаева Е. Н. (МКДОУ № 24), Куркаева Л. М. (МКДОУ № 29), Нармаева А. Н. (МКДОУ № 18), Сангаджиева В. Н. (МКДОУ № 20), Цульцумова Б. М. (МКДОУ № 5), Очирова В. Э. (МКДОУ № 16), Эрдниева Г. Ц. (МКДОУ № 16).

ваний (стандартов). Рабочая группа начала работу в январе 2014 г., хотя государственные стандарты еще не были утверждены. Кроме ДОУ № 16 (зав. Эрдниева Г. Ц.), в качестве экспериментальной площадки выступили ДОУ № 29 (зав. Ах-Манджиева Л. Б.), ДОУ № 24 (зав. Горяева С. М.).

II. Уровень начальной школы

1. Подготовленный языковой материал для изучения в национальных классах апробируется на базе Калмыцкой национальной гимназии им. проф. А. Ш. Кичикова (директор к.пед.н. Е. Н. Ченкураева).

2. В настоящее время группа преподавателей Калмыцкой национальной гимназии готовит программу для изучающих язык с нулевым уровнем. Программа по системе и объему материала должна быть продолжением уровня ДОУ (в рамках непрерывного подхода).

III. Уровень средних и старших классов

Языковой и фольклорно-литературный материал, подготовленный в электронной форме для этого уровня, апробируется на базе СОШ № 15 (руководитель А. Х. Басхаева) и ЭКГ (руководители Н. А. Мальмакова, О. Г. Церен-Убушиева).

IV. Уровень начального профессионального образования (НПО) и среднего профессионального образования (СПО)

Преподавателями Калмыцкого государственного технолого-экономического колледжа, Профессионального лицея № 6, Автодорожного колледжа (руководитель группы Б. П. Арашаева) подготовлена программа для начального профессионального образования и среднего профессионального образования, которая прошла первое обсуждение и адресована студентам с нулевым уровнем владения калмыцким языком с учетом профессиональной направленности в начальных и средних специальных учебных заведениях.

V. Уровень высшего профессионального образования

Творческая группа в составе проф. Р. П. Харчевниковой, доц. Д. Б. Гедеевой, доц. Л. А. Лиджиевой под руководством доц. В. О. Имеева разрабатывает 2-е приложение к учебнику «Практический курс калмыцкого языка» для вузов.

VI. Уровень всеобщего обучения

Центр представил и внедряет через управление дополнительного образования Калмыцкого государственного университета программу курса калмыцкого разго-

ворного языка в объеме 72 часов для всех желающих. Слушатели, прошедшие обучение по данной программе, получают соответствующий сертификат. На 2013–2014 гг. запланирована подготовка учебного пособия к этой программе.

Одной из актуальнейших проблем обучения, преподавания и развития калмыцкого языка является несоответствие выделяемого стандартами времени объему содержания образования. Ныне этнокультурная тематика активно включается в учебный процесс, тяготея к двум крайностям: во-первых, для проработки данной составляющей недостаточно времени; во-вторых, из-за отсутствия единой и сквозной по уровням концепции учебники не выполняют своих задач.

В этой связи, признавая как достаточно цельный принцип этнокультурной коннотации с предлагаемыми этническими константами профессора А. Б. Панькина [Панькин 2013: 81], считаем, что первостепенной задачей является приобретение обучающимися навыков речевой деятельности.

Одной из важных для дальнейшего развития калмыцкого языка является проблема орфографии и орфоэпии. Дискуссии по данному вопросу идут с 1920-х гг. Экспериментальная работа, научные исследования магистрантов, аспирантов, обобщение и анализ исследователей помогут выработать систему письма, отражающую произношение.

Все эти изменения, дополнения и корректировки должны быть обоснованы и закреплены в новой Академической грамматике калмыцкого языка, создание которой начато авторским коллективом из ученых КИГИ РАН и КалмГУ.

В связи с вышеизложенным считаем необходимым:

- 1) принять новый закон и государственную программу развития калмыцкого языка;
- 2) принять единую республиканскую систему грантов для реализации непрерывной системы образования и развития калмыцкого языка;
- 3) осуществлять финансовую поддержку всеми организациями фонда «Хальмг келн»;

4) внести изменения в соответствующие программы обучения калмыцкому языку, которые должны обеспечить коммуникативную направленность: все виды ориентиров, содержащихся в учебно-методическом комплексе (теория, орфографические и пунктуационные правила, примеры и образцы к заданиям), нацелить на развитие речевой деятельности. Исходя из сетки распределения часов в образовательных учреждениях, определить для каждой ступени оптимальный объем и степень сложности материала. Новая концепция непрерывного образования должна опираться на лучшие достижения традиционной системы образования, современного языкознания, педагогики, лингводидактики и психологии.

Литература

- Администратор образования.* Элиста 2008. № 19. 13 с.
- Асира Н. Д., Дарван П. А., Павла Д. А., Убушан Н. Н., Челбана Е. И., Бурла С. Б.* Күүкдин садт хальмг кел дасхлһна программ. Элст, 1989. 85 с.
- Закон РК от 27 октября 1999 года № 30 II-3 «О языках народов Республики Калмыкия», принятый Народным Хуралом (Парламентом) РК [электронный ресурс] // URL: <http://docs.cntd.ru/document/804910292> (дата обращения: 02.02.2014).*
- Нарн. Баһ наста бичкүдүт нерәдгдженә.* Элст: АПП «Джангар», 2004. 189 с.
- Очирова О. Ш.* Дидактические игры на калмыцком языке для занятий в детском саду и начальной школе. Элиста: АПП «Джангар», 2009. 21 с.
- Панькин А. Б.* Этнокультурная коннотация содержания образования: проект и принципы реализации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 1. С. 81–86.
- Сборник нормативно-правовых документов МОКиН РК.* Элиста, 2013. 65 с.
- Эрендженова В. К., Бальджикова Л. И. и др.* Программа обучения калмыцкому языку в дошкольном образовательном учреждении (от трех до семи лет). На калм. яз. Элиста: Издат. дом «Герел», 2010. 127 с.

УДК 378.016
ББК 74.00

**ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ
УКРУПНЕННЫХ ДИДАКТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ
НА УРОКАХ КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ
(матричные задания)**

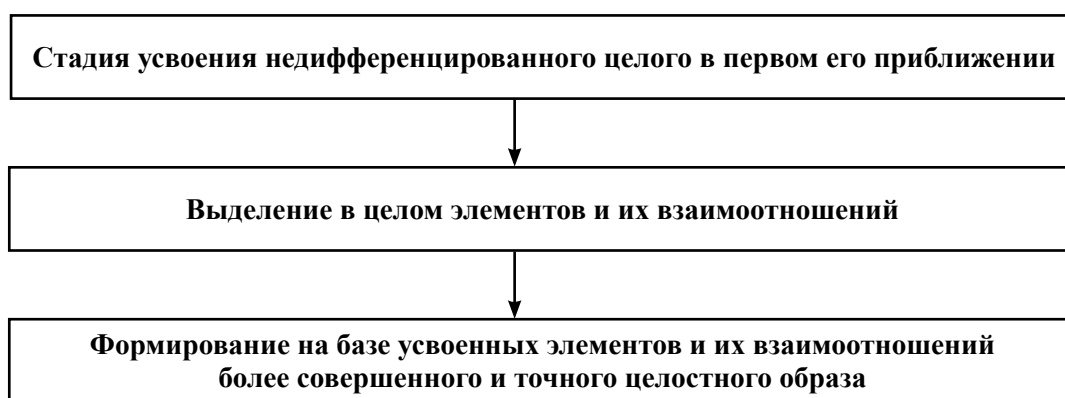
Н. Б. Коксунова

Как известно, в Республике Калмыкия сфера использования калмыцкого языка ограничена, поскольку почти отсутствует речевая среда, которая позволяла бы сохранять язык. В связи с этим остро ощущается необходимость поиска новых методов в преподавании калмыцкого языка, что напрямую связано с повышением эффективности обучения родному языку в современных условиях. На наш взгляд, применение технологии укрупненных дидактических единиц (УДЕ)¹ может стать перспективным в процессе обучения. К тому же накоплен положительный опыт использования элементов данной технологии в преподавании различ-

ных предметов, в основном естественных наук. Практика внедрения технологии УДЕ на уроках родного языка в Республике Калмыкия показывает, что данную эффективную систему обучения можно широко использовать на уроках родного языка.

Технология УДЕ основана на преподавании дисциплины блоками, одновременном изучении взаимосвязанных тем, на создании действенных и эффективных условий для развития познавательных способностей детей, их интеллекта и творческого начала.

Обучение с использованием технологии УДЕ строится по схеме:

Укрупненная дидактическая единица обладает качествами системности и целостности, устойчивостью к сохранению во времени. В качестве особенностей методики выделяются:

- 1) природосообразность при выборе форм и методов работы;
- 2) подача одновременно по трем каналам восприятия; разнообразие деятельности на уроке;

- 3) эмоционально-образный характер подачи материала, сопровождающейся действиями;
- 4) системный подход к преподаванию;
- 5) осуществление индивидуального подхода.

В технологии УДЕ важно различать следующие основные элементы:

- а) совместное и одновременное изучение родственных разделов программы,

¹ Идею укрупнения дидактических единиц впервые выдвинул и применил в методике преподавания математики П. М. Эрдниев, профессор Калмыцкого государственного университета, доктор педагогических наук, академик АПН. См.: [Эрдниев 1968; Эрдниев 1992].

одновременное изучение аналогичных или противоположных понятий;

б) взаимообратные задания (прямые и обратные);

в) представление информации в образно-наглядной форме (рисунки, графики, таблицы);

г) интегрирование знаний;

д) восстановление деформированных упражнений;

е) матричные задания [Использование... 1999: 3].

Некоторые приемы УДЕ — блочная подача материала, восстановление деформированных предложений, работа по единому тексту, представление информации в образно-наглядной форме (рисунки, графики, таблицы), матричные задания успешно применяются учителями калмыцкого языка. Например, Н. Д. Босхомджиевой разработано учебно-методическое пособие по калмыцкому языку и литературе для учителей и учащихся 5–11 классов «Хальмг кел болн литератур дасхлһна методическ һардвр», где широко используются графические схемы и матрицы [Босхомджиева 2007]. При Калмыцком республиканском институте повышения квалификации работников образования обобщен опыт работы учителя калмыцкого языка МБОУ СОШ № 23 города Элисты Н. Л. Айтаевой [УДЕ — путь к успеху 2003].

Широкое применение методик реализации технологии УДЕ помогает развивать гибкость ума и творческие способности, значительно усиливает процесс познания детьми окружающей действительности. В данной статье рассматриваются матричные задания, так как их использование способ-

ствует закреплению и систематизации знаний, полученных на уроках калмыцкого языка и литературы. Под матрицей понимается таблица с двумя входами, которая служит средством фиксации учебной информации и может быть полностью или частично заполнена (в последнем случае недостающая информация может быть восстановлена самими учащимися). Матричная система позволяет лучше воспринимать новую тему, так как наибольшая прочность освоения достигается при подаче учебной информации графическим, числовым или символическим кодами.

Крупноблочная технология предполагает ряд интересных в дидактическом отношении приемов — например, объединение нескольких правил, дефиниций, характеристик в одном определении, характеристике, что увеличивает их информационную емкость. подача материала крупными блоками определяет двухлинейную логическую структуру урока: повторение «по связи» осуществляется в течение всего урока и служит фоном, на котором изучается новый материал. Приведем несколько примеров таблиц-матриц, которые разработаны автором статьи и были апробированы на уроках калмыцкого языка и калмыцкой литературы.

1. Тип урока: обобщающий.

Тема урока: Части речи.

Класс: 6-й.

Цель: обобщение знаний о частях речи в калмыцком языке.

Оборудование: таблица-матрица.

Время выполнения: 15 минут.

Заполнение таблицы-матрицы проводится вместе с учащимися или учениками самостоятельно.

Келһнэ онц хүвс	Ю темдглнэ?	Сурврмуд	Морфологическ темдгүд	Үлгүр
Бээлһнэ нерн				
Чинрлгч нерн				
Тоолгч нерн				
Орч нерн				

Результаты:

1) данная матрица создает условия для быстрого запоминания грамматических

признаков частей речи;

2) учащиеся выделяют правила функционирования частей речи;

3) учащиеся сравнивают грамматические признаки разных частей речи.

Укрупнение дидактических единиц достигается особым структурированием учебного материала: увеличение объема изучаемого материала и в то же время объединение его в крупные блоки создают резерв времени.

II. Тип урока: ознакомительный.

Тема урока: Жаңһрин эклц.

Класс: 5-й.

Цель: изучение пролога калмыцкого героического эпоса «Джангар».

Оборудование: таблица-матрица.

Время выполнения: 40 минут.

Заполнение таблицы-матрицы проводится вместе с учащимися или самостоятельно.

Шинжмүдин	Альд сууна?	Эцкиннь нерн	Юуһарн йилһрнэ?	Ямаран мөртэ?
Баатрмудын нерд				
<i>Күңкән Алтн Чееж</i>	<i>барун бийд</i>	—	<i>цецн ухата</i>	<i>Улман Агсг Улан</i>
<i>Арслңгин Арг Улан Хоңһр</i>	<i>зүн бийд</i>	<i>Бөк Мөңгн Шигиһр</i>	<i>зөргтэ</i>	<i>Көк Һалзн</i>
<i>Догшин Хар Санл</i>	<i>зүн талас 3-гч</i>	<i>Бульһр</i>	<i>чидлтэ</i>	<i>Буурл Һалзн</i>
<i>Гүзән Гүмб</i>	<i>Хоңһрин дару</i>	—	<i>ик оврта</i>	<i>Заани тавг хээсн хар күлг</i>
<i>Орчлңгин Сээхн Миңьян</i>	<i>тал дунд</i>	<i>Эрк Туг</i>	<i>сээхн</i>	<i>Алтн Шарһ</i>
<i>Күнд Һарта Савр</i>	<i>Күңкән Алтн Чеежин дару</i>	—	<i>эв балтч, чидлтэ</i>	<i>Күүкн күрң һалзн</i>

Результаты:

1) данная матрица позволяет лучше запомнить имена богатырей «Джангара»: *Күнд Һарта Савр*, *Күңкән Алтн Чееж* болн нань чигн;

2) при помощи матрицы учащиеся могут составлять предложения: *Күнд Һарта Савр Күңкән Алтн Чеежин дару сууна*.

3) и, шире, краткие рассказы о богатырях: *Арслңгин Арг Улан Хоңһр Жаңһрин зүн бийд сууна. Энүнэ эцкин нерн — Бөк Мөңгн Шигиһр. Эн зөргтэ баатр. Эн Көк Һалзн гидг мөртэ.*

III. Тип урока: ознакомительный.

Тема урока: Хальмг Таңһчин сүлд.

Класс: 5-й – 8-й.

Цель: развитие речи учащихся.

Оборудование: таблица-матрица.

Время выполнения: 15 минут.

После прочтения текста «Хальмг Таңһчин сүлд» («Герб Республики Калмыкия») учащимся предлагается самостоятельно заполнить матрицу.

Хальмг Таңһчин сүлд

Хальмг Таңһчин сүлдд улан зала, дөрвн төөлг, зег, бадм цецг, цаһан хадг зурата.

Алтн-шар өңгтэ төөгрг аһу дунднь улан зала зурата. Шар өңг — шар шажсна болн хальмг келин улсин чирэ-зүсин өңг. Хальмг таңһч оньдин нарта сээхн бээтхэ гисн темдг.

Улан зала мөргүлин әрүн темдг бээсмн, бадм цецгин секгдсн миңһн хамтхасн болжсана. 1437 жсилд — Тоһн тээж, 1750 жсилд Дондг-Даи өөрд улс улан залата махла өмсх зөвтэ гижэ зэрлг зарлсмн. Улан өңг — байрин, жирһлин темдг.

Деернь дөрвн төөлг зурата. Келкәтә дөрвн төөлг — дөрвн өөрд хамцсна темдг, делкән дөрвн үзгин келин-улсла иньглтин, эвин зокалар бээхмн гих чинр-утхта.

Мана өвкнрин нүүһэд йовсн авц-бәрциг темдглжәх зег бийән цеврлһнә цаһан хаалһд орхиг медүлжәнә.

Бальчгт үүдәд, ла, ус һатлжә урһсн бадм цецг сээхн цаһан өңгтә. Ямаран чигн күчр-күндин хөөн шин сээхн жирһл эрк биш

ирхмн гих тоолвериг эн цецгэлэ залхдүлжэ
келжэ болхмн.

Дорань цаһан хадг зурага. Цаһан хадг цуг

олн келн-улсиг күндлжэх сана медүлжэнэ.

Хадг — күндлһнэ темдг. Цаһан өңг — мана
цуг үүлдврин эв делдгч санан-седкл.

Сурврмуд Темдг	Сүлдин альк зурага?	темдгүд талкднь	Ямаран өңгтэ?	Ю темдглнэ?
зала	дунд		улан	мөргүлин эрүн темдг
дөрвн төөлг	деер		цаһан, көк, улан	дөрвн өөрд хамцсна темдг
зег	төргин захар		цаһан, көк	өвкнрин нүүхэд йовсн авц- бэрц
бадм цецг	дор		цаһан	сээхн жирһл
хадг	улан залан дор		цаһан	күндлһнэ темдг

Результаты:

1) данная матрица позволяет лучше за-
помнить обозначения символов герба Рес-
публики Калмыкия: зала, дөрвн төөлг, зег,
бадм цецг, хадг;

2) используя матрицу, учащиеся проду-
цируют предложения: Зала сүлдин дунд зу-
рага. Зала улан өңгтэ. Зала мөргүлин эрүн
темдг медүлнэ;

3) используя матрицу, учащиеся воспро-
изводят текст.

IV. Тип урока: урок закрепления.

Тема урока: сказка «Һурвлһ яһад хамр-
тан нүкн уга болсmb?».

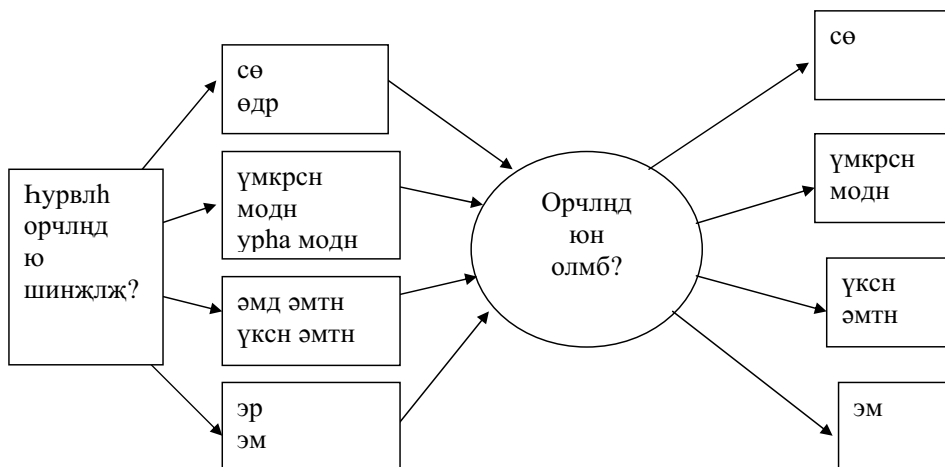
Класс: 6-й.

Цель: изучение калмыцкой сказ-
ки «Һурвлһ яһад хамртан нүкн уга
болсmb?»

Оборудование: графическая схема и не-
заполненная таблица-матрица.

Время выполнения: 10 минут.

Учащимся предлагается заполнить таб-
лицу-матрицу на основе графической схе-
мы.

Сурврмуд Шинж	Ю дүнцүлж?	Яһж дүнцүлж?	Юн олмаб?
1-гч	сө, өдр	будта өдриг сөөд тоолхла	сө
2-гч	унсн модн, урһа модн	үмкрсн модыг унснд тоолхла	үмкрсн модн
3-гч	эмд эмтн, үксн эмтн	унтсн эмтиг үкснд тоолхла	үксн эмтн
4-гч	эр, эм	эмин үлмэд орсн эриг эмд тоолхла	эм

Результаты:

1) данная матрица позволяет детально запомнить сюжет сказок;

2) учащиеся составляют предложения:
Будта өдриг сөөд тоолхла, сө олн;

3) учащиеся воспроизводят текст сказки.

Как видим, технологию УДЕ можно использовать на уроках и по развитию речи учащихся, создавая условия для реализации задач по развитию системного мышления, активизации и расширению словарного запаса, воспитанию познавательного интереса.

Таким образом, применение технологии УДЕ на уроках калмыцкого языка и литературы во многом экономит время, увеличивает объем материала, который можно дать на уроках, развивает логическое мышление учащихся, учит их приемам свертывания и развертывания информации, помогает вычленять главное, развивает познавательные способности и интеллект учащихся, расширяет их кругозор. Использование элементов УДЕ на уроках обеспечивает реализацию

не только микроцелей, которые преследует учитель на уроках (ознакомление, закрепление, обобщение материала), но и макроцели — развития мышления учащегося.

Литература

Босхомджиева Н. Д. Хальмг кел болн литератур дасхлһна методическ хардвр. Элиста: НПП «Джангар», 2007. 116 с.

Использование приемов методики УДЕ на уроках русского языка (Из опыта работы Власенко Т. В., учителя русского языка средней школы № 23 Элисты). Элиста: Республик. центр развития образования, 1999. 48 с.

УДЕ — путь к успеху (из опыта работы учителя калмыцкого языка МБОУ СОШ № 23 г. Элисты Айтаевой Н. Л.). Элиста: КРИП-КРО, 2013. 50 с.

Эрдниев П. М. Укрупнение дидактических единиц как технология обучения. В 2 ч. Ч. 1, 2. М.: Просвещение, 1992. 175 с.

Эрдниев П. М. О структуре дидактической единицы усвоения знаний // Вестник высшей школы. 1968. № 10. С. 34–41.

УДК 342.536.75
ББК 67.300

**О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ПРАВОВОГО СТАТУСА КОМИССИЙ
ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ПАРЛАМЕНТСКОМУ РАССЛЕДОВАНИЮ**

О. Х. Молокаева

Характерной чертой парламентаризма современных демократических государств является парламентский контроль. Конституция Российской Федерации предусматривает различные формы контроля — например, деятельность Счетной палаты по контролю за исполнением федерального бюджета (ст. 101); отрешение Президента Российской Федерации от должности (ст. 93), решение вопроса о доверии Правительству (ст. 103, 117) и т. п.

7 мая 2013 г. был принят Федеральный закон № 77-ФЗ «О парламентском контроле». Согласно Закону, парламентский контроль проводят Совет Федерации и Государственная Дума, их комитеты и комиссии, члены и депутаты, Счетная палата Российской Федерации, парламентская комиссия по расследованию [Федеральный закон «О парламентском контроле 2013». В данном законе перечислены формы парламентского контроля. Так, Государственная Дума рассматривает вопрос о доверии Правительству Российской Федерации, заслушивает его ежегодные отчеты и доклады Председателя ЦБ РФ о деятельности Банка России, проводит парламентские слушания и направляет депутатские запросы. Одним из видов парламентского контроля является парламентское расследование.

Исторически первое парламентское расследование было проведено Конгрессом США в 1912 г. по факту крушения «Титаника». Результаты парламентских расследований подчас сказывались не только на событиях внутри страны, но и на внешнеполитических позициях государства. Например, уотергейтское расследование привело к отставке Президента США Р. Никсона. В Италии, Японии парламентские расследования заканчивались отставкой премьер-министра, министров, или же судом, а даже

иногда и самоубийством государственных деятелей, чье служебное поведение расследовалось. В последнее время таковыми стало дело Гонгадзе на Украине, существенно повлиявшее на последующие кардинальные перемены в этой стране. Таким образом, парламентское расследование — исключительно дееспособное, многоцелевое и эффективное средство современной политики, в значительной мере позволяющее контролировать ход внутривластных процессов, оказывать влияние на состояние международных дел [Парламентское расследование 2009].

Анализ законодательства зарубежных стран свидетельствует о том, что орган, проводящий парламентское расследование, может иметь различные названия. В некоторых странах подобные структуры носят название «комитет», в других — «комиссия». Термин «комитет» употребляется в Германии (хотя Регламент Бундестага от 28 января 1952 г. предусматривает создание исследовательской комиссии (§ 56)), а, например, в России, Греции, Испании, Португалии, Литве нашел применение термин «комиссия» [Якимова 2012: 112].

В России практика создания парламентских комиссий по расследованию существует с 1990-х гг. Они были образованы для расследования событий в Чеченской Республике 1993–1994 гг., финансового кризиса 1998 г., отрешения от должности Президента Б. Н. Ельцина, событий в Беслане 2004 г. Однако нормативного правового акта, регулирующего данный круг общественных отношений, не было, хотя имелись попытки разработать такой законопроект. Первый законопроект о парламентских расследованиях был внесен в Государственную Думу в 2002 г. и отвергнут по той причине, что Конституция Российской Федерации не

предусматривает возможности парламентских расследований, следовательно, предварительно нужно внести в нее изменения [Нудненко 2008: 6].

Период многолетних дискуссий по вопросу о необходимости парламентских расследований в стране был завершен в 2005 году. В Послании Президента Российской Федерации В. В. Путина Федеральному Собранию того года было однозначно сказано о необходимости утвердить законом процедуру парламентских расследований [Послание Президента РФ 2005].

В ходе обсуждения законопроекта о парламентском расследовании высказывались различные точки зрения. Так, введение института парламентского расследования, на взгляд тогдашних заместителей Председателя Госдумы В. Пехтина и В. Володина, председателя Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству В. Плигина, его первого заместителя А. Москальца (все из фракции «Единая Россия»), станет «очередным шагом на пути построения в России демократического общества» и позволит законодательной власти более эффективно реагировать на «наиболее значимые события, вызывающие широкий общественный резонанс».

Однако не все парламентарии поддержали доводы сторонников законопроекта. Так, В. Илюхин (фракция КПРФ) полагал, что закон «унижает российский парламент». По его мнению, этим документом «фактически запрещается проводить парламентские расследования в отношении недостойного поведения высших должностных лиц», поэтому предметом разбирательства «никогда не станут вопросы коррупции президентского окружения или все, что невыгодно исполнительной власти» [Информационно-аналитические бюллетени 2005].

27 декабря 2005 г. был принят Федеральный закон № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации», где закрепляются цели и принципы парламентского расследования, его предмет, порядок формирования парламентской комиссии.

Парламентскому расследованию подлежат: 1) факты грубого или массового нарушения гарантированных Конституцией Российской Федерации прав и свобод человека и гражданина; 2) обстоятельства, связанные с возникновением чрезвычайных ситуаций техногенного характера; 3) обстоятельства,

связанные с негативными последствиями чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера; 4) факты грубого нарушения финансовой дисциплины, развившиеся в несвоевременном исполнении доходных и (или) расходных статей федерального бюджета либо бюджетов государственных внебюджетных фондов Российской Федерации по объему, структуре и целевому назначению, в неэффективности расходов средств федерального бюджета и средств государственных внебюджетных фондов Российской Федерации, управления и распоряжения федеральной собственностью [Федеральный закон «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации 2005: ст. 4].

Статья 9 Федерального закона № 196-ФЗ отмечает, что при принятии решения о возбуждении парламентского расследования палаты Федерального Собрания на паритетных началах формируют комиссию, состоящую из членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы, и избирают ее сопредседателей. В состав комиссии от Государственной Думы должно входить равное число представителей всех депутатских объединений в Государственной Думе. В литературе высказываются точки зрения, согласно которым в законе требуется указать, что часть состава комиссии должна формироваться исходя из профессиональных данных депутата Государственной Думы или члена Совета Федерации; в число лиц, уполномоченных вносить предложение о проведении парламентского расследования, включить Общественную палату РФ; ввести обязательность указания предмета и целей конкретного парламентского расследования в постановлении палаты [Федотова 2012].

Комиссия формируется на время проведения парламентского расследования и после его завершения распускается. Одной из особенностей проведения парламентского расследования в Российской Федерации является то, что возможно создание только совместных комиссий обеих палат Федерального Собрания. Конституция Испании от 27 декабря 1978 года в ст. 76 закрепляет, что Конгресс и Сенат и, при необходимости, обе палаты совместно могут назначать следственные комиссии по любым делам, представляющим общественный интерес. Полагаем, что следует ввести право создания парламентской комиссии отдельно па-

латой Федерального Собрания Российской Федерации в случае получения отказа от другой палаты.

В ходе дискуссии во время принятия закона высказывалось мнение, что Федеральный закон должен исходить из наличия права на самостоятельное парламентское расследование каждой палаты Федерального Собрания. Совместные расследования могут быть дополнением к этому, выражая добрую волю каждой из палат, и, конечно же, в этом случае требуется их одинаковое решение. Кроме того, отмечалось, что проект федерального закона о парламентском расследовании Федерального Собрания не устанавливает каких-либо гарантий прав палат на парламентское расследование в качестве совместной деятельности. Между тем в другом варианте совместной деятельности палат Федерального Собрания, предусмотренном Конституцией России, в законодательном процессе такие гарантии есть. Так, неодобрение Советом Федерации закона, поступившего из Государственной Думы, может привести к повторному голосованию в Думе, при котором требуется уже две трети голосов.

Недостатком проекта федерального закона о парламентских расследованиях было и то, что он давал право каждой палате досрочно прекратить полномочия членов комиссии парламентского расследования со своей стороны. Тем самым работа комиссии могла быть нейтрализована [Авакьян 2005]. Кроме того, возможен вариант, когда Государственная Дума примет решение о создании комиссии парламентского расследования, а Совет Федерации откажется его поддержать, в результате парламентское расследование не состоится. Данные положения законопроекта нашли свое закрепление в принятом законе.

Вышеназванные мнения, на наш взгляд, достаточно аргументированные и обоснованные, не были учтены, и в Федеральном законе от 27 декабря 2005 г. получило закрепление предложение о формировании единого органа парламентских расследований обеих палат Федерального Собрания РФ. Таким образом, это — следующая форма совместной работы Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания после совместного заседания палат Федерального Собрания [Нудненко 2008: 6].

Первой комиссией по парламентскому расследованию после принятия закона

2005 г., была парламентская комиссия по расследованию обстоятельств, связанных с возникновением чрезвычайной ситуации техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года. В ее состав вошли 8 членов от Совета Федерации, 8 депутатов от Государственной Думы, представляющих все фракции. Комиссия провела 8 заседаний, осуществила выезд на место трагедии — п. Черемушки (г. Саяногорск), а также на ряд предприятий по изготовлению гидрооборудования (г. Санкт-Петербург) — всего предприняла 4 рабочих поездки. Комиссия действовала с 21 сентября 2009 г. по 25 декабря 2009 г. В итоговом докладе были высказаны рекомендации. Комиссия выявила отсутствие полноценного контроля технического состояния оборудования и в этой связи сочла необходимым разработать нормативный правовой акт, регламентирующий порядок вывода из работы основных фондов в электроэнергетике, имеющих высокий физический и моральный износ. Кроме того, комиссия сочла необходимым разработать нормативный правовой акт, регулирующий вопросы гражданской ответственности по возмещению ущерба, нанесенного в результате неправильных и неправомерных действий по управлению электроэнергетическими системами. Комиссия отметила необходимость разработки специального технического регламента «О безопасности энергетических систем», в котором следует установить требования безопасности по поддержанию надежности энергетических систем. Таким образом, в итоговом докладе комиссии были высказаны рекомендации по совершенствованию законодательной базы электроэнергетической отрасли.

В деятельности Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации предложения о создании комиссии парламентского расследования по важным вопросам государственной и общественной значимости высказываются довольно часто. Однако такие предложения, к сожалению, редко получают поддержку. Так, в апреле 2013 г. лидер КППРФ Геннадий Зюганов заявил, что чиновники, курирующие в Российской Федерации сферу образования, должны покинуть свои посты. Глава КППРФ выразил мнение о необходимости создания комиссии Государственной Думы и Совета Федерации для расследования действий чиновников, руководящих данной сферой.

Но комиссия по данному, актуальному для российского общества вопросу, создана не была.

В действующем законодательстве, регулирующем парламентское расследование, существуют пробелы. Так, председатель комитета Совета Федерации по конституционному законодательству, правовым и судебным вопросам, Андрей Клишас и Константин Добрынин стали авторами проекта закона об изменениях в закон о парламентском расследовании. Одним из принципиальных нововведений законопроекта сенатор назвал расширение перечня событий, подлежащих парламентскому расследованию. «Мы предлагаем дополнить его фактами нарушения должностными лицами Конституции России, федеральных конституционных законов, федеральных законов, а также совершения должностными лицами действий или бездействия, несовместимых с их статусом», — пояснил Константин Добрынин. Эти изменения также предполагают возможность проведения подобного расследования, в том числе и в отношении любого парламентария.

Если обратиться к зарубежному опыту, то, например, Конституция Польши предусматривает, что Сейм осуществляет контроль за деятельностью Совета министров (ч. 2 ст. 95 Конституции Польши). Парламентский контроль в польском Сейме инициирует не только сбор информации, необходимой для осуществления законодательной функции, но делает также возможным привлечение к политической ответственности правительства и его членов [Соловьев 2010: 181]. В 2004–2005 гг. в польском Сейме действовала комиссия по расследованию обвинения в нарушениях со стороны министерства финансов в ходе надзора над представителями казначейства в нефтяном концерне «Орлен», а также обвинения в использовании спецслужб для противозаконного воздействия на органы юстиции с целью давления на членов правления концерна «Орлен». В итоговом докладе следственной комиссии, принятом в сентябре 2005 г., были сформулированы следующие выводы. Во-первых, был поставлен вопрос о привлечении к конституционной ответственности Александра Квасьневского за нарушения прав и обязанностей Президента Республики Польша, во-вторых, о привлечении к конституционной ответственности бывшего премьер-министра Лешека Миллера за превышение

должностных полномочий и действия, совершенные в ущерб общественным интересам, для достижения частных политических преимуществ, и, в-третьих, о привлечении к конституционной ответственности бывшего премьер-министра Влодзимежа Чимошевича за неисполнение должностных обязанностей в части обеспечения энергетической безопасности страны [Соловьев 2012: 160].

Конституцией Польши (ст. 202) также предусмотрен отдельный орган, называемый Верховной Палатой Контроля, являющийся высшим органом государственного контроля. Данный орган подчиняется Сейму. Верховная Палата Контроля контролирует деятельность органов правительственной администрации, Национального Банка Польши, государственных юридических лиц и иных государственных организационных единиц с позиций законности, экономности, целесообразности и добросовестности.

С учетом охарактеризованного выше опыта законодательного регулирования полагаем целесообразным расширить круг вопросов, решаемых комиссией Федерального Собрания по расследованию, за счет контроля за деятельностью высших должностных лиц.

Авторы законопроекта предлагают также убрать деятельность органов дознания и органов предварительного следствия, которую они осуществляют в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, из перечня событий, не подлежащих парламентскому расследованию. «Таким образом, существенно расширяется предмет парламентского расследования», — отметил Константин Добрынин.

С данным мнением трудно согласиться. Уголовное расследование обстоятельств правонарушения осуществляется правоохранительными органами с целью установления и наказания виновных лиц. Целями парламентского расследования являются выявление причин и условий возникновения фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования, информирование о них общества, а также оказание содействия в устранении таких причин и условий. Особенностью устранения указанных причин является использование возможностей законодательной функции Федерального Собрания Российской Федерации. Поэтому уголовное преследование не исключает парламентского расследования. Напротив,

парламентское расследование должно дополнять уголовное расследование. Таким образом, оно может проводиться параллельно уголовному расследованию, но специфическими формами и методами. Более того, институт парламентских расследований — это наиболее активный и последовательный помощник действующим сегодня органам следствия и дознания.

В период обсуждения концепции проекта Федерального закона депутаты отмечали, что сегодня высокопоставленное должностное лицо может отказываться от дачи показаний, объяснений прокуратуре, МВД, иным органам следствия. Однако перед парламентской комиссией расследования они не смогут отказаться от дачи показаний. Так, парламентская комиссия, расследовавшая тбилисские события 1989 г., пригласила ряд высокопоставленных государственных деятелей на свое заседание, и они дали ей свидетельские показания. В то же время Главная военная прокуратура, в производстве которой находилось уголовное дело, не смогла этих лиц допросить [Лазарев 2005: 5].

Обращает на себя внимание тот факт, что в законе о парламентском расследовании не прописана процедура принятия решения по итогам расследования и не предусмотрена возможность создания согласительной комиссии для преодоления возникших расхождений между палатами Федерального Собрания. Полагаем, что нормы, регламентирующие данные процедуры, необходимо внести в Закон.

Авторы законопроекта предлагают также ввести уголовную ответственность для физических лиц в случае неправомерного отказа от предоставления информации (документов, материалов) в период проведения парламентского расследования. Сейчас подобная норма существует только для должностных лиц [Добрынин 2013]. Конституция Республики Бавария от 8 декабря 1946 г. предусматривает, что парламентские следственные комитеты и другие органы, привлекаемые ими к работе, могут в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом собирать все необходимые доказательства, приглашать свидетелей и экспертов, допрашивать их и приводить к присяге и вести против них производство по делу об обязанности давать свидетельские показания.

Граждане могут обладать специальными знаниями либо информацией, которая

может способствовать парламентскому расследованию. Для полного и всестороннего парламентского расследования необходимо, чтобы неправомерный отказ от предоставления информации предусматривал правовые последствия в виде ответственности. Будет ли это уголовная или иная по виду ответственность — вопрос сложный, нуждающийся в обсуждении.

Что касается правовых последствий парламентских расследований Федерального Собрания, то статья 25 Федерального закона № 196-ФЗ закрепляет положение о том, что в итоговом докладе могут содержаться предложения о принятии нормативных правовых актов, направленных на устранение причин и последствий событий, послуживших основанием для проведения парламентского расследования. В этом отражается социальная значимость не только работы парламентской комиссии, но и деятельности законодательного органа в целом [Ивлиев 2004: 78]. В итоговом докладе также могут содержаться предложения об освобождении от должности должностных лиц, действия (бездействие) которых повлекли за собой возникновение фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования, или действия (бездействие) которых по устранению причин и последствий событий, послуживших основанием для проведения парламентского расследования, носили неудовлетворительный характер, предложения о совершенствовании деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления.

Таким образом, парламентские расследования играют немаловажную роль в реализации прав и свобод человека и гражданина, в выявлении и устранении грубых и массовых их нарушений, хотя Федеральный закон о парламентском расследовании нуждается в доработке и внесении изменений.

Литература

- Авакьян С. А. О проекте Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Архив комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2005 г. 2 с.

- Добрынин К.* Нужно расширить возможности парламентского расследования. 29 марта 2013 г. сайт Совета Федерации Федерального Собрания РФ [электронный ресурс] URL: // <http://council.gov.ru/press-center/news/30200/> (дата обращения: 3.06.2013).
- Ивлиев Г. П.* Круглый стол «Какой парламент нужен России?». Москва, 28 января 2004 г. // Цикл публичных дискуссий «Россия в глобальном контексте». Вып. 16: Власть для развития страны. М., 2004. С. 78.
- Информационно-аналитические бюллетени (ИАБ) 2005 г. 11 осенняя сессия 2005 г. Государственная Дума в средствах массовой информации [электронный ресурс] // URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/1/3262> (дата обращения: 22.01.2014).*
- Итоговый доклад парламентской комиссии по расследованию обстоятельств, связанных с возникновением чрезвычайной ситуации техногенного характера на Саяно-Шушенской ГЭС 17 августа 2009 года [электронный ресурс] // URL: <http://www.council.gov.ru/> (дата обращения: 22.01.2014).*
- Конституция федеральной земли ФРГ Республики Бавария от 8 декабря 1946 г. // Интернет-библиотека конституций [электронный ресурс] URL: <http://worldconstitutions.ru/archives/186> (дата обращения: 22.01.2014).
- Лазарев В. В.* Предложения по законопроекту «О парламентских расследованиях» // Архив Комитета по конституционному законодательству и государственному строительству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. 2005. С. 5.
- Нудненко Л. А.* К истории разработки и принятия Федерального закона «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Государство и право. 2008. № 8. С. 5–13.
- Парламентское расследование // Аналитический Вестник. Выпуск 2. Зарубежный опыт осуществления парламентского контроля. Федеральное Собрание Российской Федерации. Аппарат Государственной Думы. Аналитическое управление. М., 2009. [электронный ресурс] // URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/1/3262> (дата обращения: 22.01.2014).*
- Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию РФ от 25.04.2005 // Российская газета. № 86. 26.04.2005.*
- Соловьев Д. В.* Деятельность исполнительной власти как предмет парламентского контроля в Республике Польша // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 6. С. 180–184.
- Соловьев Д. В.* Парламентское расследование как политический институт: опыт Польши // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. 2012. № 2. С. 150–163.
- Федеральный закон от 27 декабря 2005 г № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета. 29 декабря 2005. № 294.*
- Федеральный закон от 7 мая 2013 № 77-ФЗ «О парламентском контроле» // СЗ РФ, 13.05.2013, № 19, ст. 2304.*
- Федотова Ю. Г.* Парламентское расследование как форма парламентского контроля в Российской Федерации: автореф. дис канд. юрид. н. Челябинск. 2012. 33 с.
- Якимова Е. М.* Парламентские расследования как форма парламентского контроля: опыт России и Германии // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2012. № 6 (86). С. 112–115.

УДК 342.
ББК 67.400

**КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ
ПРЕДМЕТОВ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ВЕДЕНИЯ
СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
(на примере Республики Калмыкия)**

К. Ю. Булуктаева, Е. А. Гунаев

В процессе конституционного развития значительные изменения в тексте Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия претерпели положения, касающиеся устройства органов государственной власти, местного самоуправления республики и их полномочий, связанные прежде всего с динамичным развитием федерального законодательства. В то же время нормы Степного Уложения, закрепляющие основы конституционного строя республики, права и свободы человека и гражданина, в основе своих положений остались неизменными, так как повторяют принципы Конституции РФ.

Неизменными остаются и исключительные предметы ведения республики, в пределах которых субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти и осуществляют собственное правовое регулирование, не противоречащее федеральному законодательству. В тексте Степного Уложения нет прямого перечня или закрепления данных предметов ведения в конкретной статье. Имеется лишь статья 7, указывающая на наличие этих предметов ведения [Степное Уложение (Конституция) 1994]. Они закреплены в тексте Основного закона Калмыкии посредством регулирования статуса республики, конкретных полномочий органов государственной власти, связанных с их реализацией.

Цель настоящей статьи — исследовать нормы и положения Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия, регулирующие предметы исключительного ведения республики в контексте федерального и республиканского законодательства.

Статья 7 Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия (ред. от 29.06.2012) закрепляет применительно к Республике Калмыкия принцип разграничения предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государ-

ственной власти субъектов Российской Федерации (п. 3 ст. 5 Конституции РФ). Разграничение предметов ведения и полномочий — признак федеративного устройства государства. В Конституции РФ 1993 г. выделяется сфера исключительного ведения Российской Федерации (ст. 71), сфера совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов (ст. 72), а также по остаточному принципу — сфера ведения субъектов Российской Федерации, которая прямо в Конституции РФ не закреплена (ст. 73).

Согласно Конституции РФ, «субъекты Российской Федерации, вне пределов ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных правовых актов» (п. 4 ст. 76). «В случае противоречия между федеральным законом и нормативным правовым актом субъекта Российской Федерации, изданным по предметам собственного ведения, действует нормативно-правовой акт субъекта Российской Федерации» (п. 6 ст. 76) [Конституция РФ 1993].

Необходимо отметить, что разграничение предметов ведения уже произведено Конституцией РФ в ст. 71–73, они не подлежат перераспределению иными актами, разграничиваются только полномочия органов государственной власти — их права и обязанности по управлению определенной сферой общественных отношений в рамках соответствующего предмета ведения [Хабриева 2004: 7]. Практическую сложность представляет разграничение полномочий в сфере совместного ведения и определение предметов исключительного ведения субъектов РФ, в рамках которых они обладают всей полнотой государственной власти.

Г. С. Кириенко отмечает, что «отсутствие в российской Конституции четкого перечня предметов собственного ведения субъектов Российской Федерации оказалось

наиболее проблемным вопросом в формировании института их исключительного ведения. Неопределенность в этой сфере позволяет федеральным органам государственной власти в одностороннем порядке осуществлять переквалификацию предметов собственного или совместного с субъектами Российской Федерации ведения» [Кириенко 2006: 8].

Статья 26.1. Главы IV.1. — «Общие принципы разграничения полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта Российской Федерации» (введена Федеральным законом от 04.07.2003 № 95-ФЗ) Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 22.10.2013) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» устанавливает, что полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам ведения субъектов Российской Федерации:

– определяются конституцией (уставом), законами и принимаемыми в соответствии с ними иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации;

– осуществляются данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета) (ст. 26.2) [Федеральный закон 1999].

В пункте 2 статьи 26.3. названного Федерального закона закреплены полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, «осуществляемые данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации (за исключением субвенций из федерального бюджета), — всего более 70 вопросов. Отдельные полномочия органов государственной власти субъекта Российской Федерации могут быть временно возложены на федеральные органы государственной власти и (или) должностных лиц, назначаемых федеральными органами государственной власти» [Федеральный закон 1999].

В этой же статье указанного Федерального закона устанавливается, что «на федеральные органы государственной власти не могут быть возложены полномочия органов государственной власти субъекта Россий-

ской Федерации по принятию конституции (устава) субъекта Российской Федерации и поправок к ней (к нему), по установлению системы органов государственной власти субъекта Российской Федерации, по изменению статуса субъекта Российской Федерации и по изменению границ между субъектами Российской Федерации» (ч. 7 п. 2 Ст. 26.9.) [Федеральный закон 1999]. Это и есть примеры полномочий исключительного ведения субъекта Российской Федерации.

Исходя из норм Конституции РФ и практики федеративных отношений, к полномочиям собственного ведения субъекта Российской Федерации, помимо указанных, относят: право устанавливать свои государственные языки наряду с русским (для республик); государственные символы (герб, флаг, гимн); решение вопроса об официальном наименовании субъекта РФ с ограничениями непротиворечия основам конституционного строя и государственному суверенитету Российской Федерации и другие вопросы [Гунаев 2009: 20–21, 2010: 25–26]. Наиболее полный перечень приводится Н. А. Михалевой [Михалева 2010: 148–149].

Следует отметить, что вышеназванные полномочия не являются предметами абсолютного исключительного ведения субъекта Российской Федерации, учитывая требования Конституции РФ, федерального законодательства и решений Конституционного Суда РФ. Например, согласно Конституции РФ, «статус субъекта РФ может быть изменен по взаимному согласию Российской Федерации и субъекта РФ в соответствии с федеральным конституционным законом» (ч. 5 ст. 66) [Конституция РФ 1993]. По мнению С. А. Авакьяна, «изменение статуса субъекта Российской Федерации предполагает преобразование «вида» субъекта (республика, край, область, автономная область, автономный округ) из одного в другой; упразднение субъекта, путем включения его в состав другого субъекта в виде одной или нескольких административно-территориальных единиц, раздробления его территории между несколькими субъектами Российской Федерации, вхождения одного субъекта Российской Федерации в состав другого без потери статуса субъекта Российской Федерации (автономные округа)» и др. Как отмечает С. А. Авакьян, «... исчерпывающего регулирования проблемы изме-

нения статуса субъекта РФ в федеральной Конституции нет. Но это не значит, что она предоставляет решение указанной проблемы самим субъектам. Конечно, здесь требуется федеральное законодательное регулирование» [Авакьян 2003: 28–29, 36].

Можно согласиться с мнением о том, что в первую очередь «к сфере исключительного ведения субъектов относятся полномочия, затрагивающие вопросы государственности субъектов» [Бланкенагель 2007]. К ним, на наш взгляд, относятся и полномочия, связанные с особенностями конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации [Булуктаева 2012: 71–82].

Предметы исключительного ведения Республики Калмыкия закреплены в статьях 5 (статус и территория республики), 8 (система государственной власти), 17 (государственные языки), 18 (административно-территориальное устройство), 19 (государственные символы), 47, 48 (принятие и изменение конституции республики). Отдельные предметы исключительного ведения закреплены в статьях 28, 30, 34, регулирующих полномочия Главы Республики Калмыкия, Народного Хурала (Парламента) и Правительства Республики Калмыкия. Это, например, определение структуры исполнительных органов государственной власти республики Главой Республики Калмыкия, обеспечение исполнения республиканского бюджета, управление и распоряжение собственностью республики Правительством Республики Калмыкия, установление республиканских налогов и сборов, а также порядка их взимания Народным Хуралом (Парламентом) Республики Калмыкия и др. [Степное Уложение (Конституция) 1994].

Согласно статье 5 Степного Уложения (Конституции) РК, «территория и статус Республики Калмыкия не могут быть изменены без ее согласия» [Степное Уложение (Конституция) 1994]. В отношении изменения конституционно-правового статуса субъекта Российской Федерации как предмета исключительного ведения республики сомнений не возникает. Однако по вопросу изменения территории следует дать разъяснения. Как известно, в соответствии с пунктом «б» статьи 71 Конституции РФ, вопросы территории Российской Федерации, включая территории ее субъектов, относятся к исключительному федеральному веде-

нию. Тем не менее, если придерживаться политико-правового подхода в определении состава территории субъекта Российской Федерации как «территории муниципальных образований субъекта Российской Федерации и иных административно-территориальных образований, расположенных в его пределах» [Чебаев 2013: 11], то вопросы изменения территории субъекта Российской Федерации совпадают с вопросами изменения его административно-территориального устройства, что является в определенных федеральным законодательством случаев прерогативой субъектов Российской Федерации.

Так, А. Н. Чертков отмечает, что «различные вопросы изменения территории субъекта Федерации могут находиться в ведении Российской Федерации, совместном ведении и ведении субъекта Федерации. Выражение взаимного согласия об изменении границы сопредельных субъектов относится к ведению самих субъектов Федерации. Урегулирование процедуры такого изменения — к совместному ведению, поскольку затрагивает и административно-территориальное устройство субъектов РФ, и федеративное устройство. Утверждение изменения границ между субъектами РФ относится к ведению Российской Федерации в лице Совета Федерации» [Чертков 2009: 23].

В статье 8 Степного Уложения закреплено право республики устанавливать систему государственной власти в Республике Калмыкия, которая «основывается на принципах разделения законодательной, исполнительной и судебной властей, их самостоятельности, а также разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и Республикой Калмыкия» [Степное Уложение (Конституция) 1994]. В этой связи отметим, что к исключительным полномочиям в области организации судебной власти в субъектах Российской Федерации относятся назначение мировых судей и учреждение конституционного (уставного) суда субъекта Российской Федерации. Конституционный суд Республики Калмыкия пока не учрежден, учеными-юристами республики производилось научное рассмотрение данного вопроса [Булуктаева 2004; Гунаев 2011; Церенов 2012].

Особенностью Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия являются положения статей 14, 15, 16 о сохра-

нении и развитии культур народов республики [Степное Уложение (Конституция) 1994]. Однако эти положения находятся в сфере совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов. Н. А. Михалева отмечает, что «охрана суверенных прав народов на сохранение и свободное развитие национальных языков, национальной самобытности и культуры составляет сферу совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов» [Михалева 2010: 159]. Российская Федерация устанавливает основы федеральной политики и федеральных программ в области культурного и национального развития, в совместном же ведении находятся общие вопросы воспитания, образования, науки и культуры (пп. «е» ст. 71 и 72) [Конституция РФ 1993].

К исключительным предметам ведения, в соответствии с федеральным законодательством, отнесены и вопросы принятия и внесения изменений в конституцию республики. В частности, статья 48 закрепляет, что «действие Степного Уложения (Конституции) Республики Калмыкия может быть прекращено только путем проведения референдума Республики Калмыкия» [Степное Уложение (Конституция) 1994]. Действующий Закон Республики Калмыкия «О референдуме Республики Калмыкия» не дает ответа на этот вопрос, урегулировав лишь процедурные вопросы назначения и проведения референдума [Закон 2007]. На наш взгляд, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия «должен принимать проект нового Основного Закона республики и выносить его на референдум. Проведение референдума по принятию нового Основного Закона республики будет означать соответственно и прекращение действия прежнего. В этой связи считаем, что нормы, регулирующие порядок принятия и прекращения действия Степного Уложения, необходимо конкретизировать и урегулировать в республиканском законодательстве» [Гунаев 2012].

По мнению авторов, в Степном Уложении (Конституции) Республики Калмыкия важно четко отразить сферу исключительных предметов ведения и полномочий субъекта РФ, как это закреплено в уставах и конституциях других субъектов Российской Федерации, например, Ростовской области, Астраханской области, Забайкальского и Ставропольского краев, Республик Адыгея, Бурятия, Тыва и др.

В заключение необходимо отметить, что предметы исключительного ведения субъекта Российской Федерации можно подразделить на два вида. Первые, которые составляют большинство, — это те предметы ведения, которые пересекаются с предметами исключительного ведения Российской Федерации, а также предметами ее совместного ведения с субъектами Федерации, т. е. могут быть перераспределены федеральным законодательством. И вторые, немногочисленные, собственно исключительного ведения, которые являются по своей правовой природе гарантиями конституционно-правового статуса субъектов Российской Федерации.

Источники

Закон Республики Калмыкия «О референдуме Республики Калмыкия» от 1 октября 2007 г. № 376-III-3 (ред. от 19.11.2012) // Справочно-правовая система «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.01.2014).

Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. (в ред. Законов о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ и № 7-ФКЗ) // Рос. газета. 2009. 21 января.

Степное Уложение (Конституция) Республики Калмыкия от 5 апреля 1994 г. (ред. от 29.06.2012) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.01.2014).

Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 22.10.2013) // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 27.01.2014).

Литература

Авакьян С. А. Изменение статуса субъекта Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2003. № 2. С. 18–37.

Бланкенагель А. В поисках исчезнувших исключительных полномочий субъектов Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 1. (58). С. 153–162 // URL: http://www.yabloko.ru/municipal/library/V_poiskah_ischeznuvshyh_iskluchitelnyh_polnomochiy_subjectov_RF (дата обращения: 27.01.2014).

- Булуктаева К. Ю.* Конституционно-правовой статус Республики Калмыкия как субъекта Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02: Ростов н/Д. 2004. 23 с.
- Булуктаева К. Ю.* Предпосылки, история и проблемы развития конституционно-правового статуса Калмыкии в составе России. Элиста: Изд-во КалмГУ. 2012. 98 с.
- Гунаев Е. А.* Государственные символы Калмыкии в XX – начале XXI в.: исторические и политико-правовые аспекты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2009. № 1. С. 14–21.
- Гунаев Е. А.* Официальное наименование Республики Калмыкия: исторические и политико-правовые аспекты // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 20–26.
- Гунаев Е. А.* Порядок принятия и изменения конституции республики – субъекта Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 4 (18). В 2-х ч. Ч. 1. С. 45–47.
- Гунаев Е. А.* Проблемы учреждения конституционной юстиции в субъектах Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия) // Вестник Академии права и управления. 2011. № 25 (ноябрь). С. 58–65.
- Кириенко Г. С.* Исключительное ведение субъектов Российской Федерации: конституционно-правовая теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02: Белгород. 2010. 22 с.
- Михалева Н. А.* Конституции и уставы субъектов Российской Федерации (сравнительно-правовое исследование). М.: Юркомпани. 2010. 366 с.
- Хабриева Т. Я.* Российская Конституция и эволюция федеративных отношений // Государство и право. 2004. № 8. С. 5–13.
- Церенов Б. В.* Об организации Конституционного суда в Республике Калмыкия // Участие калмыков в укреплении российской государственности: Мат-лы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 1150-летию российской государственности и Году российской истории (г. Элиста, 29 ноября 2012 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2012. С. 87–89.
- Чебаев В. Н.* О составе территории субъекта Российской Федерации (вопросы теории и практики) // Финансы. Экономика. Стратегия. 2013. № 10. С. 9–12.
- Чертков А. Н.* Правовое регулирование установления и изменения границ субъектов Российской Федерации как пространственного предела их территорий // Журнал российского права. 2009. № 9 (153). С. 17–25.

УДК 341.233.1 (045)

ББК 65.261.83-26

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ БЮДЖЕТОВ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Х. Н. Замбаев

Современная направленность и поставленные перед региональными органами государственного финансового контроля приоритеты обуславливают необходимость разработки и внедрения принципиально новых инструментов, способствующих повышению результативности государственного финансового контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации.

К числу указанных инструментов, по нашему мнению, можно отнести мониторинг качества контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации, основной целью которого является предоставление пользователям объективной информации о качестве подготовки и проведения контроля как в масштабах отдельно взятого субъекта Российской Федерации, так и в совокупности по всем регионам страны.

Вопросу качества контроля и его оценки уделяется достаточно много внимания на международном уровне, что подтверждается наличием соответствующих стандартов и руководств.

К числу международных документов, устанавливающих требования к качеству контроля, относятся стандарты Международной федерации бухгалтеров ISA 220 «Контроль качества при аудитах финансовой информации за прошлые периоды» и Международный стандарт контроля качества ISQC 1 «Контроль качества для фирм, выполняющих аудиты и проверки финансовой информации о прошлых периодах, а также прочие обязательства по гарантиям и оказанию сопутствующих услуг», а также Руководство по качеству аудита Европейской организации высших органов финансового контроля [International standard on auditing 220 «Quality control for an audit of financial statements» 2009; International standard on quality control 1 «Quality control for firms that perform audits and reviews of financial statements, and other assurance and

related services engagements» 2009; Guidelines on audit quality 2004].

Согласно указанному Руководству, применительно к исследуемому аспекту качество представляет собой степень, в которой совокупность неотъемлемых характеристик аудита удовлетворяет определенным требованиям.

При этом оценить качество проведения контрольных мероприятий возможно лишь в результате проведения мониторинга качества контроля, который представляет собой непрерывный процесс, направленный на обеспечение соблюдения требований к качеству контроля.

Вопрос внедрения в Российской Федерации элементов оценки качества контроля к настоящему моменту не получил должного развития, поскольку на региональном уровне процесс стандартизации контроля не завершен, а органами государственного финансового контроля не разработаны и не используются методики, позволяющие оценить качество проведения контрольных мероприятий, в том числе в рамках контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ, что придает еще большую значимость разработке концептуальных аспектов мониторинга качества контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ.

Российская интерпретация понятия качества контроля сохранила свою международную концептуальную основу, поскольку качество контрольного мероприятия, в соответствии со стандартом финансового контроля 301 «Управление качеством контрольных мероприятий Счетной палаты Российской Федерации», определяется совокупностью его характеристик, соответствующих правилам и требованиям организации и осуществления контрольного мероприятия, которые установлены в стандартах финансового контроля, а также должны обеспечивать достоверность, объективность и эффективность его результатов, удовлетво-

ряющих запросам основных пользователей отчета о результатах контрольного мероприятия в лице законодательной власти и общественности [Общие требования к стандартам внешнего государственного и муниципального финансового контроля 2012].

Принципиальное отличие приведенного определения от его международной интерпретации заключается лишь в том, что названные характеристики качества привязаны уже к соответствующим специализированным стандартам, что, на наш взгляд, является логичным и устраняет неопределенность в российском варианте подхода определения качества контроля.

К числу основных задач мониторинга качества контроля следует отнести, во-первых, обеспечение выполнения установленных правил и требований организации и осуществления контрольных мероприятий, во-вторых, выявление и устранение недостатков в организации и осуществлении контрольных мероприятий, в-третьих, разработку и реализацию мер, направленных на повышение качества контрольных мероприятий.

Мониторинг качества контроля возможно осуществить как в рамках предварительной (путем проверки обоснованности выбора тем и объектов контрольного мероприятия), оперативной (путем выборочного анализа качества проверки отдельных вопросов), так и в последующей форме контроля (путем проверки качества оформления результатов контроля).

Охарактеризовав содержательные аспекты мониторинга качества контроля, це-

лесообразно рассмотреть возможность его внедрения на примере материалов работы органов государственного финансового контроля субъектов РФ за 2011–2012 гг.

Поскольку Общими требованиями к стандартам внешнего государственного и муниципального финансового контроля Счетной палаты РФ разрешается использовать в качестве основы при разработке стандартов контрольно-счетными органами субъектов РФ (далее — КСО субъектов РФ) положения стандартов Счетной палаты РФ, то нами были частично использованы отдельные положения стандарта финансового контроля 301 «Управление качеством контрольных мероприятий Счетной палаты Российской Федерации». Принципиальное отличие указанного стандарта от других заключается в том, что он не может быть напрямую реализован без использования вспомогательных стандартов. Другими словами, проверить качество контроля возможно лишь при использовании положений иного стандарта, предусматривающего конкретные требования к контрольному мероприятию.

Учитывая многообразие органов внешнего государственного финансового контроля, действующих ныне на региональном уровне, логичным и обоснованным будет проанализировать и провести последующий контроль качества контрольных мероприятий КСО субъектов РФ в части соблюдения требований стандарта финансового контроля 130 «Общие правила проведения контрольного мероприятия» [Ассоциация контрольно-счетных органов Российской Федерации].

Таблица 1. Информация о прозрачности официальных сайтов контрольно-счетных органов субъектов Российской Федерации в части размещения в свободном доступе отчетов о результатах контрольных мероприятий за 2011–2012 годы (в разрезе федеральных округов)

№ п/п.	Федеральный округ	Количество КСО субъектов Российской Федерации, на сайтах которых размещены отчеты о результатах контрольных мероприятий за 2011–2012 годы	Количество КСО субъектов Российской Федерации в федеральном округе	Показатель прозрачности, %
1	2	3	4	5
1.	Центральный ФО	3	18	16,67
2.	Северо-западный ФО	4	11	36,36
3.	Южный ФО	3	6	50
4.	Северо-кавказский ФО	5	7	71,43

5.	Приволжский ФО	2	14	14,29
6.	Уральский ФО	1	6	16,67
7.	Сибирский ФО	4	12	33,33
8.	Дальневосточный ФО	2	9	22,22
9	Всего	24	83	28,91

[Расчеты автора на основе материалов КСО субъектов РФ]

Причина выбора указанного стандарта заключается в том, что все 83 КСО субъектов РФ являются членами Ассоциации контрольно-счетных органов РФ (далее — АККОР), информация о прозрачности деятельности которых представлена в таблице 1.

Результаты прозрачности официальных сайтов КСО субъектов РФ показали, что в большинстве регионов сайты контрольных органов в отношении отчетов о результатах контрольных мероприятий являются непрозрачными, поскольку только 24 КСО субъектов РФ из 83 разместили указанную информацию на официальных сайтах.

Принимая во внимание, что стандарт финансового контроля 130 «Общие прави-

ла проведения контрольного мероприятия» был принят АККОР только в 2011 г., для последующего контроля качества случайным образом были отобраны 74 отчета о результатах контрольных мероприятий только за 2011–2012 гг. 24 КСО субъектов РФ.

Мониторинг качества контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ проводился по таким элементам структуры отчета о результатах контрольных мероприятий, как цели контрольных мероприятий, перечень вопросов, предмет, результаты, выводы, предложения (рекомендации), а также соблюдение требований к написанию текстов отчетов.

Таблица 2. Результаты анализа соответствия основных элементов структур отчетов о результатах контрольных мероприятий требованиям стандарта 130 «Общие правила проведения контрольного мероприятия»

№ п/п.	Элементы структуры отчета	Соответствуют требованиям		Соответствуют требованиям не в полной мере		Не соответствуют требованиям или отсутствуют	
		Количество	%	Количество	%	Количество	%
1	2	3	4	5	6	7	8
1.	Формулировка целей	0	0	7	9,46	67	90,54
2.	Критерии оценки эффективности	0	0	0	0	74	100
3.	Предмет контрольного мероприятия	52	70,27	5	6,76	17	22,97
4.	Результаты	19	25,67	29	39,19	26	35,14
5.	Выводы	55	74,32	2	2,7	17	22,98
6.	Предложения (рекомендации)	29	39,19	22	29,73	23	31,08
7.	Соблюдение требований к написанию отчета	28	37,84	28	37,84	18	24,32

[Расчеты автора на основе материалов КСО субъектов РФ]

В процессе анализа установлено, что наименование контрольных мероприятий в большинстве отчетов соответствует требованиям.

По такому элементу структуры отчета, как формулировка целей, отмечается несо-

ответствие требованиям в 90,54 % отчетов и соответствие требованиям не в полной мере — в 9,46 %. Данные показатели объясняются определением одной цели контрольного мероприятия (56,76 %), отсутствием установленных целей контрольного

мероприятия (24,32 %), определением двух целей контрольного мероприятия (12,16 %), невыполнением установленных целей контрольного мероприятия (6,76 %), несоответствием формулировок целей наименованию контрольного мероприятия (5,41 %), определением двух целей в рамках одной (4,05 %), неточностью формулировок или неправильным определением целей контрольных мероприятий (2,7 %).

Рассмотрение положений предметов отчетов о результатах контрольных мероприятий показало, что в 22,97 % отчетов предмет не соответствует требованиям и в 6,76 % — соответствует требованиям не в полной мере.

Основными причинами, объясняющими указанные ранее показатели, являются те, по которым: в предмете некоторых контрольных мероприятий не отражена принадлежность проверенных средств к конкретному бюджету (21,62 %), или же предмет не отражен в наименовании контрольного мероприятия (4,05 %), а также неправильно определен предмет контрольного мероприятия (1,35 %).

Выявляется также несоответствие требованиям (35,14 %) и соответствие требованиям не в полной мере (39,19 %) результатов контрольных мероприятий, изложенных в отобранных для мониторинга отчетах.

К числу типичных причин несоответствия результатов и соответствия не в полной мере стоит отнести: изложение результатов контрольных мероприятий в соответствии с вопросами контрольного мероприятия (27,03 %), неструктурированность результатов (16,22 %), изложение результатов отдельным списком (12,16 %), отсутствие результатов (6,76 %), изложение результатов контрольных мероприятий отдельно в зависимости от объектов контрольного мероприятия (6,76 %), отсутствие четкого выделения результатов в отчете (2,7 %) и описательный характер результатов (1,35 %).

По такому элементу структуры отчета, как выводы, мониторинг качества показал, что в целом ситуация является положительной, так как несоответствие наблюдается в 22,98 % случаев, а соответствие не в полной мере лишь в 2,7 % отчетов.

Факторный анализ причин, послуживших основанием для признания не соответствующими или соответствующими не в полной мере выводов отчетов, показал, что наиболее типичными нарушениями были:

отсутствие выводов (12,16 %), составление выводов отдельным списком (8,11 %), изложение выводов и результатов отдельным текстом (1,35 %), составление выводов в зависимости от объектов проверки (1,35 %).

Предложения (рекомендации), отраженные в отчетах, в 39,19 % случаев соответствуют требованиям, в 29,73 % — соответствуют не в полной мере и в 31,08 % — не соответствуют полностью. Причины, объясняющие полученное процентное соотношение в отношении предложений (рекомендаций), заключаются в том, что в отчетах они представляют собой перечень документов, которые следует принять для устранения выявленных нарушений, и при этом не раскрывается содержание изложенных в них предложений (31,08 %). В отдельных отчетах встречается полное отсутствие каких-либо предложений (рекомендаций) — 29,73 %.

Заслуживает внимания и такой элемент (хотя и не предусмотрено обязательное его выделение в структуре отчета), как перечень вопросов контрольного мероприятия. Как показали результаты мониторинга качества, наиболее типичными нарушениями в отношении указанного элемента отчета о результатах контрольного мероприятия являлись: составление перечня вопросов единым списком без разделения по целям контрольного мероприятия (9,76 %), несоответствие отдельных вопросов поставленным целям (9,46 %), определение большого перечня вопросов по каждой цели (5,41 %) и отражение перечня вопросов в программе контрольного мероприятия (82,43 %).

Анализ соответствия отчетов о результатах контрольных мероприятий стандарту СФК 130 проводился также в части соблюдения требований к написанию текстов отчетов, который выявил, что 24,32 % текстов отчетов не соответствуют требованиям и 37,84 % соответствуют не в полной мере. Основанием для подобного вывода является несоблюдение требований к объему отчета, а также требований, предъявляемых к тексту отчетов о результатах контрольных мероприятий в части лаконичности, легкости чтения, понятности и беспристрастности изложения (9,46 %). Наибольший удельный вес в части анализа соблюдения требований к написанию текста отчета связан с нарушением структуры отчета (58,11 %).

Полученные практические результаты проведения мониторинга качества контро-

ля за исполнением бюджетов субъектов РФ показали наличие множества случаев несоблюдения требований к оформлению результатов контрольных мероприятий и, соответственно, подтвердили необходимость внедрения подобного инструмента в деятельность контрольных органов регионов.

Таблица 3. Шкала дифференциации соответствия программ проведения контрольных мероприятий и отчетов о результатах контрольных мероприятий

№ п/п.	Признак классификации программ	Содержание признака
1	2	3
1.	Соответствует требованиям	Все элементы структуры программы проведения контрольного мероприятия или отчета о результатах контрольного мероприятия соответствуют требованиям
2.	Соответствуют требованиям не в полной мере	Несоответствие по 1 элементу программы проведения контрольного мероприятия или отчета о результатах контрольного мероприятия полностью и/или 1-2 элементам частично
3.	Не соответствует требованиям	Несоответствие по 2 и более элементам программы проведения контрольного мероприятия или отчета о результатах контрольного мероприятия полностью и/или 3 и более элементам частично

[Составлено автором]

Основываясь на полученных результатах мониторинга качества контроля в отношении отдельных элементов структуры отчета, целесообразно рассмотреть результаты соответствия отчетов о результатах контрольных мероприятий в целом предъявляемым к ним требованиям.

Следует также отметить, что оценка содержания отчетов о результатах контрольных мероприятий требованиям стандарта СФК 130 «Общие правила проведения контрольного мероприятия» осуществлялась,

исходя из условно определенной шкалы дифференциации соответствия отчетов о результатах контрольных мероприятий, которая представлена в таблице 3.

Исходя из ранее полученных результатов мониторинга в отношении отдельных элементов структуры отчетов и приведенной шкалы дифференциации соответствия отчетов предъявленным к ним требованиям, были получены результаты, отраженные в таблице 4.

Таблица 4. Соответствие содержания отчетов о результатах контрольных мероприятий установленным требованиям

№ п/п.	Соответствие оформления отчета о результатах контрольного мероприятия	Отчеты о результатах контрольных мероприятий	
		Количество	%
1	2	3	4
1.	Соответствует требованиям	14	18,92
2.	Соответствует требованиям не в полной мере	31	41,89
3.	Не соответствует требованиям	29	39,19
4.	Всего	74	100

[Расчеты автора на основе материалов КСО субъектов РФ]

При рассмотрении данных таблицы 4, связанных с анализом в целом содержания отчетов о результатах контрольных мероприятий установленным положениям стандарта СФК 130 «Общие правила проведения

контрольного мероприятия», необходимо отметить, что в большинстве случаев отчеты не соответствуют совокупности требований. При этом всего лишь 18,92 % соответствуют требованиям к содержанию отчетов

и к написанию текста отчетов, а 41,89 % — соответствуют не в полной мере. Следовательно, 39,19 % всех проверенных отчетов о результатах контрольных мероприятий им не соответствуют.

Рассмотренные выше данные наглядно подтверждают важность и значимость проведения контроля качества контрольных мероприятий и, соответственно, мониторинга качества контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ.

Результаты практической стороны вопроса показали существующие пробелы и, соответственно, низкое качество контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ, что позволяет констатировать несоблюдение КСО субъектов РФ требованиям стандарта СФК 130 «Общие правила проведения контрольного мероприятия».

Специфика подобного контроля (в части объективности и результативности) заключается в том, что он в полной мере не может быть реализован только контрольно-счетными органами субъектов РФ по отношению к своей деятельности, что обуславливает необходимость проведения с определенной периодичностью мониторинга качества контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ внешним субъектом.

В целом, полученные материалы наглядно подтверждают необходимость применения на региональном уровне мониторинга качества контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ, который в условиях активного перехода к стандартизации деятельности региональных органов государственного финансового контроля будет способствовать обеспечению заинтересованных лиц и общественности объективными данными о состоянии и о качестве организации и осуществления контроля за исполнением бюджетов субъектов РФ.

Литература

- Общие требования к стандартам внешнего государственного и муниципального финансового контроля* (одобрены Коллегией Счетной палаты Российской Федерации (протокол от 12 мая 2012 г. № 21К (854) // Справочно-правовая система «Консультант-плюс».
- Стандарт* финансового контроля 130 «Общие правила проведения контрольного мероприятия» (утвержден решением Президиума Ассоциации контрольно-счетных органов Российской Федерации 26 мая 2011 года, протокол № 37) [электронный ресурс] // URL: <http://www.ach-fci.ru/AKSOR/art1/libart25> (дата обращения: 25.10.2013).
- Стандарт* финансового контроля 301 «Управление качеством контрольных мероприятий Счетной палаты Российской Федерации» (утвержден решением Коллегии Счетной палаты Российской Федерации от 24 декабря 2010 г., протокол № 63К (765) [электронный ресурс] // URL: <http://www.ach.gov.ru/ru/revision/material/?id=885> (дата обращения: 25.10.2013).
- Guidelines on audit quality*. Luxembourg, 6–7 December 2004. [электронный ресурс] // URL: <http://eca.europa.eu/portal/pls/portal/docs/1/3088298.PDF> (дата обращения: 25.10.2013).
- International standard on auditing* 220 «Quality control for an audit of financial statements», 2009 [электронный ресурс] // URL: <http://www.ifac.org/sites/default/files/downloads/a010-2010-iaasb-handbook-isa-220.pdf> (дата обращения: 25.10.2013).
- International standard on quality control* 1 «Quality control for firms that perform audits and reviews of financial statements, and other assurance and related services engagements», 2009 [электронный ресурс] // URL: <http://www.ifac.org/sites/default/files/downloads/a007-2010-iaasb-handbook-isqc-1.pdf> (дата обращения: 25.10.2013).

УДК 502.(470.56):911.61:551.50.
ББК 28.708:28.072

ПРОБЛЕМЫ ЭКОЛОГИИ В КАЛМЫКИИ КАК ФАКТОРЫ ЗАБОЛЕВАЕМОСТИ И СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ*

А. Б. Менглинова

Неуклонный рост антропогенного воздействия на природные ландшафты Калмыкии обосновывает необходимость проведения комплексной оценки современного состояния ландшафтов. Увеличение социальной и экологической напряженности требует проведения анализа тенденций развития и механизмов формирования экологической ситуации в республике. Некоторые формы хозяйственной деятельности в РК (добыча углеводородного сырья, крупностадное овцеводство) привели к формированию неблагоприятной экологической обстановки. К наиболее острым относятся проблемы, связанные с нарушением средо- и ресурсовоспроизводящих функций ландшафта (как основы традиционного природопользования), снижением биоразнообразия и качества среды обитания коренного населения. Они включают: разрушение природных экосистем и истощение биологических ресурсов, дестабилизацию песчаных грунтов, загрязнение поверхностных вод и почв нефтью и нефтепродуктами [Сангаджиева 2004: 17].

Тенденция ухудшения состояния здоровья населения под влиянием неблагоприятных изменений окружающей среды возводит проблему изучения влияния среды обитания на здоровье человека в разряд важнейших. Здоровье человека является определяющим фактором государственной экономической и социальной политики, приоритетным направлением всех природоохранных и профилактических мероприятий. Риски, связанные с возникновением заболеваний на загрязненных территориях выше, чем на условно чистых [Верзилина и др. 2007: 10]. Нарастание экономических проблем регионального уровня обычно обусловлено отрицательным эффектом от дисбаланса между техногенными потоками

ми вещества и совокупностью природных процессов, которые подвергаются трансформации. Когда степень вмешательства человека в функционирование природных и агроландшафтных систем достигает критического предела, эти процессы начинают активно развиваться. Следовательно, именно совокупность природных и техногенных потоков вещества и результат их взаимодействия могут служить критерием оптимальности (или хотя бы рациональности) планируемых программ по природопользованию. В таких программах обеспечению сбалансированного эколого-мелиоративного состояния агроландшафтов должно уделять пристальное внимание.

Тот факт, что постепенно накапливающиеся негативные изменения в агроландшафтных системах Республики Калмыкия являются источником экологического риска, становится все более очевидным. Привнесенные элементы — тяжелые металлы (ТМ — в особенности токсичные, накапливающиеся в аллювиальных почвах), загрязнение донных отложений в реках, озерах и других водоемах можно сравнить с миной замедленного действия. Вовлечение загрязняющих веществ в биологический круговорот, благодаря активно развивающемуся здесь травостой и его повсеместному использованию в кормопроизводстве, ведет к включению избыточного количества ряда элементов в трофическую цепь. Употребление местной сельскохозяйственной продукции в совокупности с вышеперечисленными факторами ведет к появлению региональных эндемических заболеваний.

В том или ином населенном пункте питьевые воды являются единственным постоянным источником поступления определенных химических веществ в организм человека. В отличие от питьевых вод, про-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 13-05-96502.

дукты питания нередко производятся в отдаленных районах, которые имеют другие биогеохимические условия. Можно предположить следующее: эпизодическое поступление больших концентраций как макро-, так и микроэлементов с продуктами питания оказывает меньшее влияние, чем их систематическое поступление в организм человека с питьевой водой.

В Калмыкии антропогенное воздействие на агроландшафт проявляется повсеместно на уровне локального экологического риска. В промышленно развитых муниципальных образованиях республики сложилась такая ситуация, когда большое количество вредных веществ попадает в сельскохозяйственную продукцию вследствие сброса слабо очищенных или неочищенных промышленных вод в речные водоемы, использования неочищенных вод при орошении, загрязнения воздуха выбросами ядовитых веществ [Менглинова и др. 2013: 669]. Состояние здоровья населения является индикатором изменения экологической обстановки. Обычно учитываются следующие критерии: увеличение младенческой смертности, невынашивание беременности, врожденные аномалии развития новорожденных, смертность по возрастным группам мужчин и женщин, заболеваемость детей и взрослых, распространение онкологических заболеваний, средняя продолжительность жизни [Ильин и др. 2002: 78].

Изучение здоровья населения в целях региональных управленческих действий медико-экологического характера наиболее эффективно выполнять на региональном уровне [Прохоров 1996: 14]. При этом демографические показатели информативны в разрезе исследования здоровья человеческой популяции. В контексте изучения регионального здоровья целесообразно говорить о следующих показателях: смертность и заболеваемость [Семенова 2010: 182].

Названные показатели применены при оценке интегрального индекса регионального здоровья населения (ИРЗН), который и послужил основой для распределения районов Республики Калмыкия по группам. Для получения данного показателя использовался опыт проведения интегральной оценки состояния здоровья населения Краснодарского края, выполненной А. Н. Семеновой [Семенова 2010], которая в качестве индикатора негативных экологических факторов использовала показатели заболевае-

мости новообразованиями и смертности от новообразований, а в качестве индикатора негативных социальных факторов использовала показатели заболеваемости туберкулезом и смертности от туберкулеза.

Несомненно, онкологическая заболеваемость и смертность — одна из наиболее показательных медико-экологических характеристик неблагополучия среды обитания. Однако с позиций современной науки и практики врожденные пороки развития (ВПР) также необходимо рассматривать в первую очередь как следствие разнообразных нарушений здоровья родителей, среди причин которых экзогенные факторы играют существенную роль [Антонова и др. 2010: 30]. Следовательно, изучение территориальной вариабельности частоты встречаемости врожденных аномалий развития имеет немаловажное значение в процессе исследования состояния окружающей среды.

Таким образом, вместо показателей заболеваемости и смертности от новообразований и туберкулеза нами использовались показатели заболеваемости новообразованиями и врожденными аномалиями, а также показатели смертности от новообразований и врожденных аномалий за десятилетний период (с 2002 по 2011 гг.). В качестве информационной базы данного этапа исследования использовались отчетные и аналитические материалы территориального органа Федеральной службы государственной статистики по РК [Статистический ежегодник 2011; 2012]. ИРЗН рассчитывался по формуле (1):

$$\text{ИРЗН} = 1 - ((I_{\text{зн}} + I_{\text{зва}} + I_{\text{сн}} + I_{\text{сва}}) : 4),$$

где $I_{\text{зн}}$ — индекс заболеваемости новообразованиями; $I_{\text{зва}}$ — индекс заболеваемости врожденными аномалиями; $I_{\text{сн}}$ — индекс смертности от новообразований; $I_{\text{сва}}$ — индекс смертности от врожденных аномалий. Для расчета $I_{\text{зва}}$ применялась формула (2):

$$I_{\text{зва}} = (a_{\text{icp}} - a_{\text{min}}) : (a_{\text{max}} - a_{\text{min}}),$$

где a_{icp} — средний за период 2002-2011 гг. показатель заболеваемости врожденными аномалиями в i -м районе; a_{max} и a_{min} — соответственно максимальный и минимальный за аналогичный период показатели заболеваемости врожденными аномалиями по районам республики.

Прочие частные индексы рассчитывались по формуле, аналогичной форму-

ле (2). Вместо показателя заболеваемости врожденными аномалиями в них использовались показатель заболеваемости новообразованиями и показатели смертности от врожденных аномалий и новообразований.

Полученные нами величины ИРЗН варьируются в пределах от нуля до единицы. Единица соответствует наилучшей оценке, нуль — наихудшей. Значения ИРЗН сконцентрированы в интервале 0,45–0,74.

Проанализировав полученные данные, для Калмыкии можно выделить 4 группы районов с различной медико-экологической ситуацией (рис. 1):

1) в группу с максимальными значениями ИРЗН (показатель имеет значение не

менее 0,67) вошли Кетченеровский, Ики-Бурульский, Целинный, Яшкульский, Октябрьский районы;

2) в группу с удовлетворительным уровнем состояния здоровья населения (ИРЗН в интервале 0,61–0,66) вошли Городовиковский, Лаганский, Черноземельский, Юстинский районы;

3) третья группа включает г. Элисту и Малодербетовский район, уровень регионального здоровья в них оценивается как низкий (значения ИРЗН находятся в диапазоне 0,56–0,60);

4) крайне низкий уровень регионального здоровья (ИРЗН в интервале 0,45–0,55) отмечен в Приютненском, Сарпинском и Яшалтинском районах.

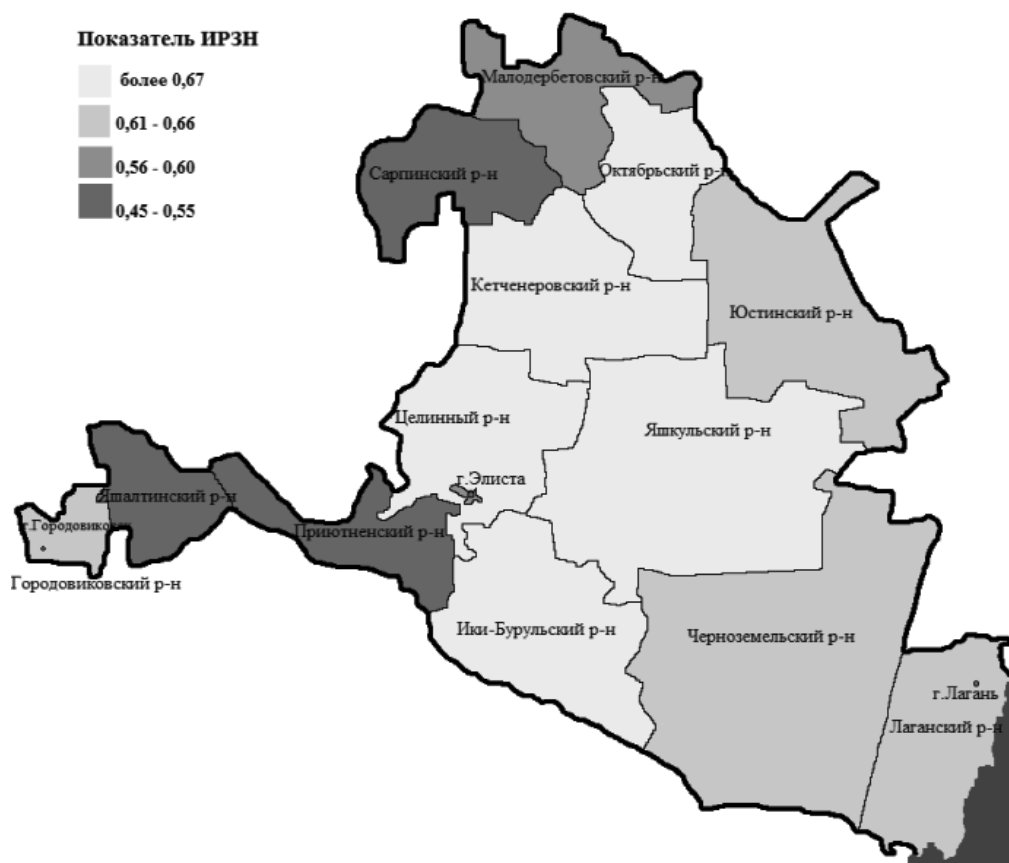

Рис. 1. Индекс регионального здоровья населения в муниципальных образованиях Республики Калмыкия, 2003–2012 гг.

Для исследования механизмов возникновения экологических проблем Калмыкии, многообразии природных характеристик РК было представлено нами в виде экологически значимых факторов (схема 1). Под

последними понимаются сохранение устойчивости, целостности, уникальности и эстетической ценности ландшафтов, а также свойства и компоненты ландшафта, важные для использования в качестве природных

ресурсов, сохранения здоровья и условий проживания населения.

Дефляция на дренированных песчаных грунтах ведет к изменениям ландшафта вплоть до формирования пустынь. В настоящее время они широко распространены на юго-востоке республики. Мало того, в последние годы особенно возрастает роль пожаров. Непосредственное воздействие отдельных компонентов, имеющих

в основном точечный характер, вызывает изменение ландшафтов. Причем площади охвата значительно превосходят площадь первичного нарушения благодаря их методичному повреждающему воздействию. Таким образом происходит трансформация ландшафтов на локальном уровне. В результате развития определенных процессов происходит регионализация нарушений (табл. 1).

Таблица 1. Факторы, играющие ведущую роль в формировании неблагоприятной экологической обстановки в РК

а) воздушный и водный перенос загрязнений;	б) воздействие на скопления мигрирующих животных, трансформация ключевых для биоты местообитаний;	в) слияние территорий соседних месторождений вследствие развития экзогенных процессов на периферийных участках месторождений и вдоль транспортных линий между месторождениями;	г) перераспределение антропогенных нагрузок в традиционных отраслях хозяйствования вследствие вытеснения овцеводства и охотничьего промысла из районов месторождений, жилых поселков и т. п.
--	---	--	--

Главными экологическими проблемами Калмыкии на современном этапе являются: сокращение площадей пашен и лесонасаждений, нарушение режима особо охраняемых территорий (заповедников, заказников), загрязнение поверхностных рек и почв нефтью и нефтепродуктами, нарушение местообита-

ний промысловых и охраняемых животных, истощение рыбных и пастбищных ресурсов, дестабилизация многолетних песчаных грунтов, активация опасных геоморфологических процессов, тепловое и химическое загрязнение атмосферы в результате сжигания попутного газа на факелах.

Схема 1. Экологически значимые факторы

На зонально-региональном уровне для РК к экологически значимым можно отнести следующие факторы: низкая скорость восстановления растительного покрова, неустойчивость засоленных грунтов, низкая самоочищающая способность вод и почв, высокая степень заболоченности, что увеличивает возможность накопления загрязняющих веществ, и некоторые другие [Сангаджиева 2004: 29]. К наиболее ценным природным компонентам и объектам относятся охраняемые виды животных, водоохранные зоны озер, промысловые виды пастбищ. В качестве экологически значимых факторов такие невозобновимые природные ресурсы — полезные ископаемые, как газ и нефть, не рассматривались.

Таблица 2. Оценка остроты экологических проблем Республики Калмыкия

Природные районы ландшафтов, геохимическая ф-ла (место целого числа занимают элементы, содержание которых равно кларку, числитель — элементы, содержание которых ниже кларка, знаменатель — элементы, содержание которых выше кларка, эндемик (за дробью)).	Экологическая проблема критерий оценки: А — загрязнение атмосферы (химическое, термическое), З — опасность для здоровья человека, Вх — химическое загрязнение вод — превышение ПДК, Пх — загрязнение земель нефтью и нефтепродуктами — частота и масштабы разливов нефти, Д — утрата пастбищных ресурсов, Ж — нарушения местообитаний промысловых животных, Р — истощение рыбных ресурсов, М — дестабилизация песчаных массивов, активация опасных геоморфологических процессов, нарушенность почвенно-растительного покрова, Г — подтопление, заболачивание в результате нарушений поверхностного стока, К — нарушение режима особо охраняемых территорий. Показатели истощения и утраты естественных ресурсов Вх Г Д М Пх Р Ж. Показатели нарушения генетической ценности А, З, К.	Степень остроты экологических проблем: острая — характерна для территорий агроландшафтов и средней дигрессии пастбищ (1); умеренно-острая — распашка легких почв, газовые, нефтяные месторождения, оросительно-обводнительные системы, геологоразведка (2); наиболее острая — добыча углеводородного сырья, разлив нефти, опустынивание, радиационное загрязнение (3).
Степной ландшафт		
Ставропольская возвышенность Na,Fe <u>Cu Co Zn</u> (B, n) Mo, Zn	Vx ¹ P ¹ K ¹	Острая
Западный Маныч Na,Fe <u>Cu Co</u> (B, Mn) Mn, Zn	Vx ¹ P ¹ Г ¹ Ж ¹ К ¹	умеренно-острая
Сухостепной ландшафт		
Кумо-Манычская впадина Na,Fe <u>Cu Co</u> (B,Mn) Mo,Mn,Zn	Vx ¹ Пх ¹ Р ¹ Г ¹ Ж ¹ К ¹	Острая
Ергенинская возвышенность Ca,Fe <u>Cu Zn Co B</u> (Mn) Mo,Mn	Vx ¹ Д Р ¹ Г ¹ Ж ¹ К ¹	умеренно-острая

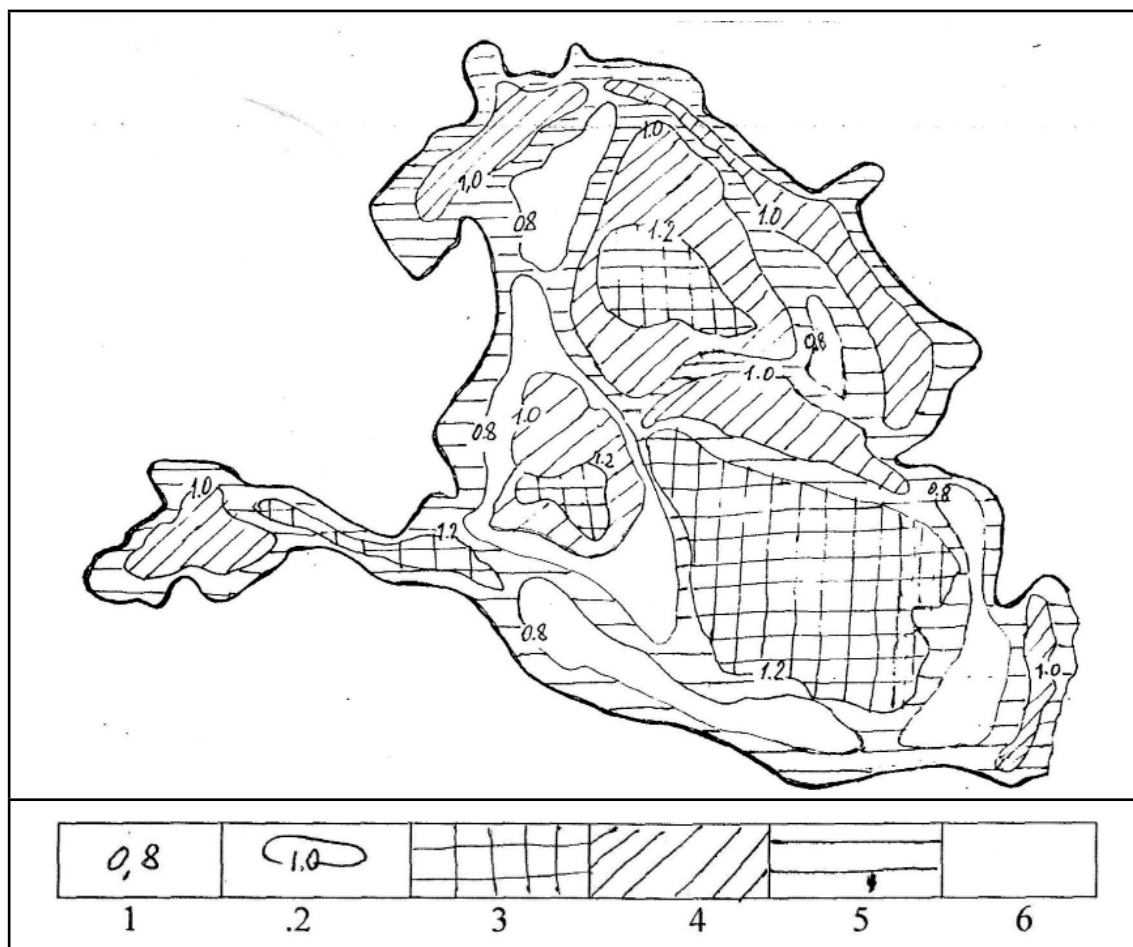
Полупустынный и пустынный ландшафт		
Прикаспийская низменность Na,Ca <u>Cu Co Mn</u> (B) Mo,Zn,B	A Vx ¹ Px ¹ Д P ¹ Г ¹ Ж ¹ К ¹ М ²	наиболее острая
Черные Земли Na,Ca <u>Cu Co Mn Mo</u> (B) Zn,B	ABx ¹ Px ¹ ДP ¹ Г ² Ж ¹ К ¹ М ² Э ³	наиболее острая
Сарпинская низменность Na,Ca <u>Fe Cu Co</u> (B,Mn) Mo, Mn, B	Vx ¹ Д P ¹ Г ¹ Ж ¹ К ¹	наиболее острая

На локальном уровне на первый план выходят следующие факторы: пожароопасность типов растительности, характеристики грунтов (просадочность и механический состав), характер рельефа (крутизна склонов, расчлененность). Наиболее ценными природными объектами и компонентами являются: места гнездования массовых видов птиц, места обитания промысловых и охраняемых видов животных, массивы охраняемых лесов, водоохранные зоны рек, водоемов, памятники

природы, полынные пастбища и т. п.

Степень проявления экологической проблемы (степень антропогенной трансформации природных ландшафтов) определялась на основе экспертных балльных оценок и количественных показателей.

На карте-схеме 1 показано распределение экологического потенциала, вычисленного по совокупному воздействию социально-экономических, геодинамических и ландшафтных напряжений РК.

Карта-схема 1. Экологический потенциал суммарных воздействий социально-экономических и ландшафтных напряжений на территории РК [Сангаджиева 2004].

1 — коэффициент экологического потенциала; 2 — изолинии равных экологических показателей; 3–6 — степень проявления и изменения напряженности: 3 — наиболее острая экологическая ситуация (характерна для территорий радиационного загрязнения, опустынивания, нефтяных месторождений, разливов нефти и аварий); 4 — умеренно острая (разведка газовых и нефтяных месторождений, степные пожары, распашка легких почв); 5 — острая (территории вблизи буровых полигонов, эродированность пахотных земель, пастбищная депрессия); 6 — слабая.

Острота экологических ситуаций определялась в зависимости от последствий для хозяйства и качества среды обитания человека, степени проявления экологической проблемы. Наиболее острой в настоящее время является проблема истощения биологических ресурсов, разрушения природных экосистем и химического загрязнения. Истощение ресурсной базы рыболовства и овцеводства подрывает систему жизнеобеспечения населения РК и основы привычного природопользования. Степень их остроты определяется значимостью биологических ресурсов и природных ландшафтов в целом для коренного населения регионов.

Экологически и экономически устойчивое и сбалансированное развитие региона невозможно без единой концепции его развития, включающей: определение приоритетов демографической, хозяйственной, экологической политики; принятие региональной программы развития нефтегазодобывающего комплекса; развитие и совершенствование программы традиционного природопользования. Базой концепции могло быть районирование территории по типам природопользования, в наибольшей степени отвечающего принципам рационального природопользования нефтегазодобывающих районов юга России и особенностям природы и сложившейся системы хозяйства. Для достижения цели снижения уровня риска возможно использование следующих подходов: снижение мощности воздействия и числа источников опасности; повышение эффективности очистки выбросов загрязняющих веществ; уменьшение числа экспонированных лиц; снижение вероятности аварийных ситуаций [Куролап 2012: 79].

Таким образом, на человека в разные периоды жизни действуют множество факторов. А на их воздействие, в свою очередь, влияют такие условия, как реакция на ку-

муляцию действующих факторов, момент реализации воздействия, содержание необходимых или, наоборот, вредных для жизнедеятельности человека химических элементов в питьевой воде, в культурных растениях, в воздухе и т. п.

Прогноз состояния здоровья населения делают непредсказуемым наличие привычных интоксикаций, производственных вредностей, а также нередко незакономерные ответные реакции организма на воздействие факторов внешней среды.

Литература

- Антонова И. В., Богачева Е. В., Китаева Ю. Ю. Роль экзогенных факторов в формировании врожденных пороков развития (обзор) // Экология человека. Экология детства. 2010. № 6. С. 30–35.
- Жезилина И. Н., Агарков Н. М., Чурносов М. И. Влияние антропогенных загрязнителей атмосферы на частоту врожденных аномалий развития среди новорожденных детей в г. Белгороде. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. С. 10–14.
- Ильин Ф. Е., Кадырова З. З., Кадырова Ю. Я. Статистический анализ заболеваемости жителей Тюменской области: сравнительная характеристика 2000–2001 гг. // Северный регион: стратегия и перспективы развития. Сургут: Изд-во СурГУ, 2003. С. 78–80.
- Куролап С. А., Клепиков О. В., Епринцев С. А. Экологическая экспертиза и оценка риска здоровью. Воронеж: Научная книга, 2012. 108 с.
- Менглинова А. Б., Сангаджиева Л. Х., Кикильде-ев Л. Е., Сангаджиева О. С. Эколого-гигиеническая оценка факторов среды для аридных условий с разной антропо-техногенной нагрузкой // Известия Самарского научного центра РАН. 2013. Т. 15. № 3 (2). С. 668–672.
- Прохоров Б. Б. Медико-экологическое районирование и региональный прогноз здоровья населения России. М.: Изд-во МНЭПУ, 1996. 72 с.
- Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. Элиста: Калмыкиятат, 2011. 321 с.
- Республика Калмыкия. Статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. Элиста: Калмыкиятат, 2012. 299 с.
- Сангаджиева Л. Х. Микроэлементы в почвах Калмыкии и биогеохимическое районирование ее территории. Элиста: АПП «Джангар», 2004. 115 с.
- Семенова А. Н. Оценка регионального здоровья населения Краснодарского края // Проблемы региональной экологии. 2010. № 2. С. 181–186.

НАУЧНЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ

26–28 ноября 2013 г. Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук совместно с Калмыцким государственным университетом провели **Всероссийскую научную конференцию «Репрессированные народы: история и современность»**, посвященную 70-летию депортации калмыцкого народа. Во Всероссийской научной конференции приняли участие более 80 докладчиков из разных регионов нашей страны, в том числе из гг. Москвы, Ростова-на-Дону, Ставрополя, Красноярска, Волгограда, Тамбова, из Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республики, Кабардино-Балкарской Республики и Республики Калмыкия.

Участников конференции приветствовали Глава Республики Калмыкия А. М. Орлов и Председатель Народного Хурала (Парламента) РК А. В. Козачко. В пленарном заседании с докладами выступили д.и.н., проф. К. Н. Максимов (КИГИ РАН, г. Элиста), д.и.н., проф. В. Б. Убушаев (КалмГУ, г. Элиста), д.и.н., проф. Ш. А. Гапуров (АН ЧР, г. Грозный), к.и.н. А. М. Бугаев (АН ЧР, г. Грозный), д.и.н. проф. Н. Д. Суздавцов (СКФУ, г. Ставрополь), д.и.н., проф. М. М. Ибрагимов (АН ЧР, г. Грозный), к.полит.н. Н. Г. Очирова (КИГИ РАН, г. Элиста), к.пед.н. Б. К. Салаев (КалмГУ, г. Элиста), к.культ. Н. Д. Санджиев (КалмГУ, г. Элиста), к.соц.н. С. Э. Лиджи-Гаряева (ИКИАТ, г. Элиста), а также ветераны труда — заслуженный работник культуры РФ и РК А. О. Тапкина, Почетный гражданин РК, к.э.н. П. Д. Бакаев (г. Элиста), представитель общественной организации «Карачаевцы — аланский народ» Б. Д. Байрамуков (г. Черкесск).

В двух секциях конференции «Проблемы исследований депортаций в СССР и реабилитации репрессированных народов» и «Депортация в исторической памяти народов России» участниками форума был обсужден широкий круг вопросов, связанных с анализом источниковой базы, историографии указанной проблематики, изучением процесса реализации законодательных

актов по реабилитации репрессированных народов, а также исследованием отражения темы депортации в устной истории, литературе, фольклоре и искусстве.

26 декабря 2013 г. КИГИ РАН совместно с республиканским информационным агентством «Калмыкия» провел **Круглый стол «Репрессированные, но не сломленные»**, посвященный 70-летию депортации калмыцкого народа (1943–1957 гг.). Участники Круглого стола обсудили актуальные вопросы, связанные с трагическими страницами в истории калмыцкого народа, вкладом народа республики в победу в Великой Отечественной войне и др. На заседании с докладами выступили д.ист.н. К. Н. Максимов, д.ист.н. У. Б. Очиров, заслуженный работник культуры РК И. Н. Басангов и др.

23 и 26 декабря 2013 года состоялась Научная сессия по итогам работы Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН в 2013 году. На сессии были заслушаны доклад директора КИГИ РАН Н. Г. Очировой «Об итогах научной и научно-организационной деятельности института в 2013 г.», доклады сотрудников института по завершенным темам НИР, отчеты по стажировкам и завершенным грантам РГНФ, программам фундаментальных исследований Президиума РАН. За отчетный период в институте были завершены 14 научно-исследовательских тем, в том числе 1 международный проект, финансировавшийся Фондом А. фон Гумбольдта (Германия). В рамках грантовой поддержки РГНФ завершены 3 проекта.

24 февраля 2014 г. состоялось **торжественное собрание**, посвященное 90-летию со дня рождения главного библиографа Научной библиотеки КИГИ РАН, Почетного гражданина Республики Калмыкия, заслуженного работника культуры Республики Калмыкия Прасковьи Эрдниевны Алексеевой. В чествовании юбиляра приняли участие Глава Республики Калмыкия А. М. Орлов, министр образования и науки

РК Н. Г. Манцаев, сотрудники института, представители общественности, научной и творческой интеллигенции республики, работники СМИ. А. М. Орлов вместе с П. Э. Алексеевой торжественно открыли Музей редкой книги КИГИ РАН, где представлены раритетные библиографические издания XIX–XX вв. В своем выступлении А. М. Орлов выразил сердечную благодарность Прасковье Эрдниевне за подвижническую деятельность по сохранению культурного и научного наследия, отметив при этом, что ее имя стоит в одном ряду с выдающимися деятелями калмыцкой науки. Глава Калмыкии огласил поздравительную телеграмму Президента Российской Федерации В. В. Путина.

Директор КИГИ РАН Н. Г. Очирова выступила с докладом «Жизнь как открытая книга», посвященным жизни и деятельности П. Э. Алексеевой. В докладе была отмечена подвижническая деятельность П. Э. Алексеевой по созданию богатейших фондов Научной библиотеки института, ее научная работа. Н. Г. Очирова огласила также решение Ученого совета о присвоении Научной библиотеке КИГИ РАН имени П. Э. Алексеевой. Это сообщение было воспринято с большим удовлетворением всей общественностью республики.

3–8 февраля 2014 г. в республике прошла Неделя российской науки.

В рамках Недели науки ученые КИГИ РАН провели встречи с учащимися и общественностью в районах Республики Калмы-

кия и г. Элисте, лектории по актуальным проблемам современной гуманитарной науки. Ученые Института прочитали студентам высших и средних учебных заведений лекции на темы: «История Калмыцкого ханства в XVII веке», «История Джунгарского ханства», «Герои Великой Отечественной войны в памяти элистинцев (по данным социологического опроса)», «Русскоязычная национальная поэзия», «Государственная символика Республики Калмыкия», «Героический эпос «Джангар», «Современные лингвистические исследования» и др.

12 февраля 2014 г. состоялось торжественное собрание ученых Калмыкии, в котором приняли участие представители научно-исследовательских и образовательных учреждений Калмыкии, члены Совета молодых ученых и специалистов при Главе Республики Калмыкия, руководители профильных министерств и ведомств, а также представители средств массовой информации республики. В ходе мероприятия были заслушаны доклады руководителей научно-исследовательских и высших учебных заведений об их деятельности в 2013 году. Премия Главы Республики Калмыкия была вручена учащимся образовательных учреждений республики за особые успехи в учебной, творческой и научной работе.

*Материал подготовлен
ученым секретарем КИГИ РАН
к.ф.н. Е. В. Бембеевым*

ИСТОРИЯ

Омар Нессар. «Боннская модель» и политический процесс в Афганистане в 2001–2004 гг.

В статье исследованы сложные политические процессы, происходившие в Афганистане в 2001–2004 гг. Автор анализирует этапы развития, показывает реализацию решений Боннской конференции 2001 года, а также характеристику деятельности политических партий и движений.

Ключевые слова: Афганистан, Боннская конференция, политический процесс, международные организации.

Лиджиева И. В., Немгирова С. Н. Этнокультурное развитие региона: мониторинг этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия.

На основе анализа результатов мониторинга этноконфессионального и межкультурного взаимодействия в Республике Калмыкия в статье рассмотрены вопросы межэтнических отношений. Авторы приходят к выводу о том, что выявление этнокультурных характеристик региона позволит обнаружить его специфику, осуществить прогнозирование межэтнических и межконфессиональных отношений на мезоуровне.

Ключевые слова: этнокультурное развитие, межэтнические отношения, идентичность, миграция, национально-культурные общественные организации, регион, мониторинг.

Сартикова Е. В. Становление и развитие профсоюза работников просвещения в Калмыкии: 1920–1928 гг.

Статья посвящена истории создания профсоюза работников просвещения Калмыкии (Рабпрос). В 1921 г. после регистрации Калмыцкого областного совета профсоюзов, получили организационное оформление отраслевые профсоюзы. Автор отмечает, что перед профсоюзом Рабпроса стояли те же задачи, что и в целом перед профсоюзами всей страны: увеличение численности членов, борьба с неграмотностью, защита интересов работников.

Ключевые слова: профсоюзы, областной совет профессиональных союзов, профсоюз работников просвещения, численность союза, ликвидация безграмотности.

АРХЕОЛОГИЯ

Очир-Горяева М. А. К вопросу о роли коня в погребальном обряде калмыков.

На основе анализа деталей выноса невесты в калмыцком свадебном обряде в статье проведена реконструкция доставки умерших на коне к месту погребения и сопогребения коня по традициям добуддийских верований. Для сравнения приводятся данные по этнографии тюрко-монгольских народов и археологические источники (золотой футляр из Сибирской коллекции Петра I).

Ключевые слова: погребальный обряд, свадебный обряд, конь, скифо-сарматская археология, калмыки, тюрко-монгольские народы.

HISTORY

Omar Nessar. «Bonn Model» and Political Process in Afghanistan in 2001–2004.

The complicated political processes happening in Afghanistan in 2001–2004 are investigated in the article. The author analyzes development stages, shows implementation of solutions of Bonn conference of 2001, and also gives the characteristics of activity of political parties and movements.

Keywords: Afghanistan, Bonn conference, political process, international organizations.

Lidgieva I., Nemgirova S. The ethno-cultural development of a region: the monitoring of ethno-confessional and intercultural interaction in the Republic of Kalmykia.

The questions of the interethnic relations are considered in the article on the basis of the analysis of results of monitoring of ethnoconfessional and cross-cultural interaction in the Republic of Kalmykia. The authors come to the conclusion that the identification of ethnic and cultural characteristics of the region will allow to define its specificity, to carry out forecasting of interethnic and interfaith relations at the meso level.

Keywords: ethnic and cultural development, interethnic relations, identity, migration, national-cultural public organizations, region, monitoring.

Sartikova E. Formation and Development of Trade Union of Workers of Education in Kalmykia: 1920–1928.

The article is devoted to the history of formation of the trade union of workers of education of Kalmykia (Rabpros). In 1921 after registration of the Kalmyk regional council of trade unions, branch trade unions received organizational registration. The author marks that Rabpros's trade union had same tasks, as trade unions of all countries as a whole: to increase the number of members, to fight against illiteracy, to protect interests of workers.

Keywords: trade unions, regional council of trade unions, trade union of workers of education, union number, illiteracy elimination.

ARCHEOLOGY

Ochir-Goriaeva M. To the Question of the Role of a Horse in a Funeral Rite of Kalmyks.

On the basis of the analysis of details of carrying out of the bride in the Kalmyk wedding rite a reconstruction of delivery of the dead on a horse to a place of burial and a co-burial of a horse by traditions of the pre-Buddhist beliefs is carried out in the article. For comparison data on ethnography of the Turkic-Mongolian peoples and archeological sources (the gold case from the Siberian collection of Peter I) are provided.

Keywords: funeral rite, wedding rite, horse, Scythian-Sarmatian archeology, Kalmyks, Turkic-Mongolian people.

ЭТНОЛОГИЯ

Айыжы Е. В., Базырчар А-Х. О. Священные места цаатанов в сомоне Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии (по материалам полевых экспедиций).

Статья посвящена культовым святым местам сомона Цагааннуур Хубсугульского аймака Монголии. К исследованию привлечены полевые материалы о священных местах родовых групп цаатанов (тувинцев-оленевонов).

Ключевые слова: цаатаны, Монголия, культ, священные места, святилища, обо.

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Савельев А. В. Огубленные «ы» и «и» в низовых говорах чувашского языка.

Статья посвящена огубленным гласным, обнаруженным в низовых говорах чувашского языка на месте орфографических «ы» и «и». Автором установлено, что в ряде случаев эти гласные являются рефлексам огубленных гласных пратюркского языка. В других случаях огубленные «ы» и «и» появляются в результате вторичной лабиализации.

Ключевые слова: чувашский язык, пратюркский язык, вокализм, историческая фонетика.

Очирова В. С., Омакаева Э. У. Номинации лиц мужского пола по степени родства в калмыцком языке (на материале песенных текстов).

Статья посвящена проблемам гендерной номинации в калмыцком языке на материале названий лиц мужского пола по степени родства, маркирующих статус семейно-родовых отношений. Авторы приходят к выводу, что в калмыцких песенных текстах термины родства играют ключевую роль среди средств лексической маркировки семантики «мужского».

Ключевые слова: калмыцкий язык, гендерная номинация, названия лиц мужского пола, степень родства, песенные тексты.

Абдалтаджедини Нахид. К истории иранизма *сардар* в русской литературно-документальной рецепции.

Статья посвящена рассмотрению иранизма *сардар* в языке русской художественной и документальной литературы. Автор приходит к выводу о том, что несмотря на полную грамматическую адаптацию в русском языке, слово *сардар* не получило семантического развития и осталось восточным экзотизмом.

Ключевые слова: иранизм, русский язык, сардар, вариант, семантика.

ETHNOLOGY

Ayzyhy E., Bazyrchay A-Kh. Sacred Places of the Tsaatans of Tsagaanuur Somon of Khubsugul Aimag of Mongolia (on field expedition materials).

The article is devoted to the sacred places of Tsagaanuur somon of Khubsugul aimag of Mongolia. The study involved field materials, dedicated to the sacred places of generic groups of Tsaatans (Tuvan herders).

Keywords: Tsaatans, Mongolia, cult, sacred places, sanctuary, obo.

LINGUISTICS

Saveliev A. The Rounded «y» and «i» in the Anatri Dialect of Chuvash.

The article is devoted to the rounded vowels in the Anatri dialect of Chuvash which correspond to the unrounded «y» and «i» in Standard Chuvash.

The author found that in some cases these vowels are reflexes of labial vowels of Proto-Turkic language. In other cases, labial «y» and «i» are the result of secondary labialization.

Keywords: the Chuvash language, the Proto-Turkic language, vocalism, historical phonetics.

Ochirova V. Omakaeva E. Nominations of Males on the Degree of Kinship in the Kalmyk Language (on the material of song texts).

The article is devoted to the problems of gender nomination in Kalmyk on the material of male nominations on the degree of kinship marking the status of the relations in a family and in a clan. The authors conclude that in Kalmyk song texts kinship terms play a key role among the means of marking the lexical semantics of «male».

Keywords: the Kalmyk language, gender nomination, male nominations, the degree of kinship, song texts.

Nakhid Abdaltadzhedini. To the History of Iranism *Sardar* in the Russian Literary and Documentary Reception.

The article is devoted to consideration of iranism *sardar* in the language of Russian artistic and documentary literature. The author comes to the conclusion that despite of full grammatical adaptation in Russian, the word *sardar* has not developed semantically and remained as an oriental exoticism.

Keywords: Iranian loanword, Russian language, *sardar*, variant, semantics.

ФОЛЬКЛОРИСТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Сокаева Д. В. Мифологический компонент осетинских легенд, преданий и устных рассказов о святилище Бурсамдзели.

Статья посвящена циклу легенд, преданий и устных рассказов о святилище Бурсамдзели в Южной Осетии. Автор приходит к выводу, что мифологический компонент является важной художественно-мировоззренческой составляющей рассматриваемых текстов о герое Бурсамдзели и царице Тамаре, представляя собой переплетение топонимического, метеорологического и терриоморфного мифов.

Ключевые слова: осетинский фольклор, мифологема, несказочная проза, устный рассказ, сказочная проза, святилище Бурсамдзели.

Сарбашева (Гузиева) А. М., Болатова (Атабиева) А. Д. О специфике символических обобщений в национальной балкарской литературе.

В статье рассмотрена специфика символических обобщений в балкарской литературе. Анализ философско-эстетических основ национальной прозы и драматургии позволяет определить плодотворную тенденцию к метафорически завуалированному изображению действительности посредством символов.

Ключевые слова: ассоциативность, образы-символы, художественная условность, миф, философское обобщение, символический реализм, метафорический подтекст, жанр, драма.

Топалова (Зумаева) Д. Ю. О своеобразии современной русскоязычной поэзии Калмыкии (на примере творчества Д. Насунова и Р. Ханиновой).

Статья посвящена рассмотрению динамики развития современной русскоязычной поэзии Калмыкии как одного из значительных явлений в литературном процессе республики. Автор осуществляет попытку анализа национально-культурного пространства художественного творчества калмыцких русскоязычных поэтов и выявления категорий, посредством которых моделируется литературная идентичность авторов и реконструируется национальная картина мира.

Ключевые слова: поэзия Калмыкии, русскоязычная литература, проблема национальной идентичности, диалог культур

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

Батырева С. Г. Калмыцкая ассоциация художников «Джунгария»: к вопросу этнической идентичности.

Статья посвящена вопросу этнической идентичности на примере деятельности Калмыцкой ассоциации художников «Джунгария» в 90-е гг. XX века. Автор приходит к выводу, что искусство отражает историческую память народа, связанную с этническим самосознанием.

Ключевые слова: современное искусство, культура, история, творческая личность, этническое самосознание, историческая память, Джунгария.

FOLKLORISTICS & LITERATURE STUDIES

Sokaeva D. Mythological Component of Ossetian Legends, Tales and Oral Stories about Boursamdzeli Sanctuary.

The article is devoted to the cycle of legends, tales and oral stories about Boursamdzeli sanctuary in South Ossetia. The author comes to the conclusion that the mythological component is an important art and world outlook component of considered texts about hero Bursamdzeli and queen Tamara representing an interlacing of toponymic, meteorological and terriomorphic myths.

Keywords: Ossetian folklore, the mythologeme, non-fairy prose, oral story, fairy prose, Bursamdzeli sanctuary.

Sarbasheva (Guzieva) A., Bolatova (Atabieva) A. About Specifics of Symbolic Generalizations in National Balkar Literature.

The article deals with the specificity of symbolic generalizations in Balkar literature. The analysis of philosophical and aesthetic basis of national prose and dramaturgy gives the opportunity to determine a fruitful tendency to metaphorically veiled image of reality by means of symbols.

Keywords: associativity, image symbols, art convention, myth, philosophical generalization, symbolical realism, metaphorical implication, genre, drama.

Topalova (Zumaeva) D. On the Originality of Modern Russian-Language Poetry of Kalmykia (on the example of the works of D. Nasunov and R. Khaninova).

The article is devoted to the dynamics of development of the modern Russian-language poetry of Kalmykia as one of the significant events in the literary process of the republic. The author attempts to analyse the national-cultural space of artistic works of Kalmyk Russian-language poets, and to reveal the categories through which literary identity of the authors is modeled and national worldview is reconstructed.

Keywords: poetry of Kalmykia, Russian-language literature, the problem of national identity, dialogue of cultures.

ART STUDIES

Batyreva S. Kalmyk Association of Artists «Dzhungaria»: to the Question of the Ethnic Identity.

The article is devoted to the question of ethnic identity on the example of activity of Kalmyk association of artists «Dzhungaria» in the 90s of the XX century. The author concludes that art reflects the historical memory of the people connected with ethnic self-consciousness.

Keywords: modern art, culture, history, creative person, ethnic self-consciousness, historical memory, Dzhungaria.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIOLOGY

Бадмаева Н. В., Иджаева Б. В. К вопросу о социальном неравенстве населения Республики Калмыкия в условиях трансформации российского общества.

В статье рассматриваются характеристики социально-экономических процессов Калмыкии, влияющие на социальное неравенство населения республики. На региональном уровне анализируются результаты социологических опросов, выявляющих основные линии дифференциации населения.

Ключевые слова: социальное неравенство, социальная дифференциация, регион, структура общества, самоидентификация населения.

Томаска А. Г. Особенности адаптации учащихся — представителей коренных малочисленных народов Севера — к условиям города.

В статье анализируются первичные социологические данные, собранные среди учащихся, представителей коренных малочисленных народов Севера, в гг. Якутск, Нерюнгри и Алдан Республики Саха (Якутия). Автор отмечает, что основными факторами адаптации к городским условиям для разных групп молодежи являются получение образования, расширение круга общения, улучшение бытовых условий, независимость от родительской опеки. Проведенный опрос выявил, что в целом по адаптационным группам наибольшие затруднения вызывают отсутствие родительского контроля, неудовлетворительные условия жизни, сложности структурирования повседневной жизни.

Ключевые слова: социальная адаптация, социализация, урбанизация, мигранты, малочисленные народы Севера.

Винокурова Д. М. Территориальная мобильность жителей Республики Саха (Якутия): семейные связи и миграционные намерения.

В статье анализируется влияние территориальной мобильности на семейно-родственные связи и на миграционные намерения населения на примере мнений респондентов, проживавших в момент опроса в гг. Ленск, Мирный, Якутск.

Ключевые слова: семейно-родственные связи, урбанизация, женская миграция, матримониальный потенциал.

Намруева Л. В. О роли библиотек в сохранении культурного наследия (на примере Республики Калмыкия).

В статье анализируется роль библиотек республики в сохранении историко-культурного наследия и традиций калмыцкого народа; воспитания у населения патриотизма, организации культурно-массовых мероприятий, направленных на формирование исторической памяти, на передачу этнокультурных ценностей.

Ключевые слова: библиотека, этническая культура, учреждения культуры, культурно-интеллектуальные центры, историческая память, наследие.

Badmaeva N., Idzhaeva B. Towards the Issue of Social Inequality of the Population of the Republic of Kalmykia in the conditions of the Transformation of the Russian Society.

The article considers the socio-economic characteristics of Kalmykia affecting social inequality of the population. The results of opinion polls identifying the main lines of differentiation of the population are analyzed at the regional level.

Keywords: social inequality, social differentiation, the region, the structure of society, self-identification of the population.

Tomaska A. The Features of Adaptation of Pupils — Representatives of the Indigenous Minorities of the North — to City Conditions.

The article analyzes the primary sociological data collected among pupils, representatives of the indigenous minorities of the North, in Yakutsk, Neryungri and Aldan of the Republic of Sakha (Yakutia). The author notes that the main factors of adaptation to city conditions for different groups of youth are receiving education, expansion of a circle of contacts, improvement of living conditions, independence of parental guardianship. The survey revealed that, in general, in adaptation groups most trouble cause lack of parental control, unsatisfactory living conditions, the complexity of structuring everyday life.

Keywords: social adaptation, socialization, urbanization, migrants, minorities of the North.

Vinokurova D. Territorial Mobility of Inhabitants of the Republic of Sakha (Yakutia): Family Relations and Migratory Intentions.

The article analyzes influence of territorial mobility on family and kinship ties and on migratory intentions of the population on the example of opinions of the respondents living at the time of poll in Lensk, Mirnyi, Yakutsk.

Keywords: family and kinship ties, urbanization, female migration, matrimonial opportunity.

Namrueva L. On the Role of Libraries in Preservation of Cultural Heritage (on the example of the Republic of Kalmykia).

The article analyzes the role of libraries of the republic in the process of preservation of historical and cultural heritage and traditions of the Kalmyk people; educating the public on patriotism, organization of cultural events directed toward formation of historical memory, to transfer of ethno-cultural values.

Keywords: library, ethnic culture, cultural institutions, cultural and intellectual centres, historical memory, legacy.

ПЕДАГОГИКА

Мишаев В. Н. Система непрерывного обучения в свете проблем развития калмыцкого языка.

В статье рассмотрены основные направления развития современного калмыцкого языка и вопросы становления системы непрерывного обучения калмыцкому языку. Автор излагает практические результаты по созданию последовательной уровневой системы обучения и предлагает меры по теоретической и организационной поддержке функционирования калмыцкого языка на современном этапе.

Ключевые слова: проблемы функционирования языка, система непрерывного обучения, теоретические вопросы грамматики, орфография, полевые материалы.

Коксунова Н. Б. Применение технологии укрупнения дидактических единиц на уроках калмыцкого языка и литературы (матричные задания).

В статье рассматриваются вопросы использования технологии УДЕ в обучении калмыцкому языку на примере матричных заданий. Актуальность проблемы применения элементов технологии УДЕ на уроках калмыцкого языка и литературы обусловлена необходимостью повышения эффективности обучения родному языку в современных условиях. Автор приходит к выводу, что в результате применения технологии УДЕ учащиеся учатся анализировать, сравнивать, обобщать, обретают интерес к знаниям, развивают устную речь.

Ключевые слова: калмыцкий язык, укрупнение дидактических единиц, технология, матрица, системный подход, развитие, элементы, матричные задания, приемы, блочная подача материала, логическое мышление.

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ И ЭКОНОМИКА

Молокаева О. Х. О некоторых проблемах правового статуса комиссий Федерального Собрания Российской Федерации по парламентскому расследованию.

Статья посвящена правовому статусу комиссий Федерального Собрания Российской Федерации по расследованию. Рассматриваются состав, полномочия, порядок работы комиссий. Автор отмечает пробелы в действующем законодательстве, влияющие на вопросы парламентского расследования.

Ключевые слова: парламент, комиссии по расследованию, парламентский контроль.

Булуктаева К. Ю., Гуняев Е. А. Конституционно-правовое регулирование предметов исключительного ведения субъектов Российской Федерации (на примере Республики Калмыкия).

В статье на примере Конституции Республики Калмыкия рассмотрен вопрос об исключительных предметах ведения субъектов Российской Федерации. Авторы приходят к выводу, что «главные» предметы исключительного ведения субъектов РФ являются гарантиями их конституционно-правового статуса.

Ключевые слова: Российская Федерация, Республика Калмыкия, предметы исключительного ведения, полномочия, Степное Уложение (Конституция), конституционно-правовой статус.

PEDAGOGICS

Mushaev V. System of Continuous Training in the Light of Problems of Development of the Kalmyk Language.

The article considers the basic directions of development of modern Kalmyk language and questions concerning the formation of system of continuous training in Kalmyk. The author takes up the practical results of creating a coherent multi-level system of training and proposes theoretical and organizational support measures to ensure the functioning of the Kalmyk language on the modern stage.

Keywords: the problems of the language functioning, system of continuous training, theoretical grammar problems, orthography, field materials.

Koksunova N. The application of Technology of Integration of Didactic Units at Lessons of the Kalmyk Language and Literature (matrix tasks).

The article deals with the issues of using of JDU technology in teaching Kalmyk on the example of matrix tasks. The relevance of a problem of applying the elements of JDU technology at lessons of the Kalmyk language and literature is caused by need to improve the effectiveness of mother-tongue education in modern conditions. The author comes to a conclusion that as a result of application of JDU technology pupils learn to analyze, compare, generalize, find interest to knowledge, develop oral speech.

Keywords: Kalmyk language, integration of didactic units, technology, matrix, system approach, development, elements, matrix tasks, methods, block giving of a material, logical thinking.

JURISPRUDENCE & ECONOMICS

Molokaeva O. On some Problems of Legal Status of the Parliamentary Inquiry Commissions of Federal Assembly of the Russian Federation.

The article is devoted to the legal status of the commissions of the Federal Assembly of the Russian Federation on parliamentary inquiry. The structure, authority, operating procedure of the commissions are considered. The author points out the gaps in the existing legislation affecting the parliamentary inquiry.

Keywords: parliament, inquiry commissions, parliamentary control.

Bulukhtaeva K., Gunaev E. Constitutional and Legal Regulation of Subjects of Exclusive Maintaining of the Subjects of the Russian Federation (on the example of the Republic of Kalmykia).

The article considers the question of exclusive areas of jurisdiction of the subjects of the Russian Federation on the example of the Constitution of the Republic of Kalmykia. The authors come to a conclusion that the «main» subjects of exclusive authority of the territorial subjects of the Russian Federation are guarantees of their constitutional legal status.

Keywords: Russian Federation, Republic of Kalmykia, subjects of exclusive maintaining, authority, Steppe Code (Constitution), constitutional legal status.

Замбаев Х. Н. Концептуальные аспекты мониторинга качества государственного финансового контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации. В статье рассматриваются роль и значение мониторинга качества государственного финансового контроля за исполнением бюджетов субъектов Российской Федерации в условиях повышения требований к эффективности бюджетных расходов в рамках реализуемой бюджетной реформы. Автор отмечает факторы, влияющие на результативность государственного финансового контроля.

Ключевые слова: государственный финансовый контроль, государственные и муниципальные финансы, результативность, мониторинг качества, исполнение бюджета.

БИОЛОГИЯ

Менглинова А. Б. Проблемы экологии в Калмыкии как факторы заболеваемости и смертности населения.

В статье рассмотрена степень антропогенной трансформации природных ландшафтов. На основе анализа количественных показателей и экспертных балльных оценок произведена эвальвация остроты экологических проблем в Республике Калмыкия. Автором выполнена оценка территориальной структуры заболеваемости и смертности населения по определенному набору показателей (новообразования, врожденные пороки развития).

Ключевые слова: антропогенная трансформация ландшафтов, загрязнение, степень напряженности экологической обстановки, заболеваемость населения, индекс регионального здоровья населения.

Zambaev Kh. Conceptual Aspects of Monitoring of Quality of State Financial Control of Execution of Budgets of Subjects of the Russian Federation.

The article considers a value and a role of the monitoring quality of state financial control of execution of budgets of subjects of the Russian Federation in the conditions of increase of requirements to efficiency of budgetary expenses within the limits of realized budgetary reform. The author notes factors influencing effectiveness of the state financial control.

Keywords: the state financial control, public finance, effectiveness, monitoring quality, budget execution.

BIOLOGY

Menglinova A. Environmental Problems in Kalmykia as Factors of Incidence and Mortality of the Population.

The article considers the degree of anthropogenic transformation of natural landscapes. Based on the analysis of quantitative indicators and expert ballroom assessments the severity of environmental problems in the Republic of Kalmykia is evaluated. The author estimated the territorial structure of morbidity and mortality on a set of indicators (tumors, congenital malformations).

Keywords: anthropogenic transformation of landscapes, pollution, the degree of intensity of ecological environment, population morbidity, index of regional health of the population.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Абдалтаджеддини Нахид — аспирант кафедры русского языка Санкт-Петербургского государственного университета. (Санкт-Петербург) E-mail: tajdini60@gmail.com

Айыжы Елена Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и археологии Тувинского государственного университета (Кызыл). E-mail: aiygy@mail.ru

Базырчап Анай-Хаак Орлан-ооловна — аспирант кафедры этнологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Кызыл). E-mail: anaihaak1990@mail.ru

Батырева Светлана Гарриевна — доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Музея калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: sargerel@mail.ru

Болатова (Атабиева) Асият Даутовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела балкарской филологии Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Нальчик). E-mail: kbigi@mail.ru

Булуктаева Киштя Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: kbuluktaeva@mail.ru

Винокурова Декабрина Михайловна — кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск). E-mail: dorofdm1@yandex.ru

Гунаев Евгений Александрович — кандидат юридических наук, научный сотрудник отдела социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: gunayev@yandex.ru

Замбаев Хонгр Николаевич — аспирант Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Москва). E-mail: zambaev_hongor@mail.ru

Nakhid Abdaltadzhedini — postgraduate student of Russian language Chair of the St. Petersburg State University (St. Petersburg). E-mail: tajdini60@gmail.com

Elena Ayyzhy — Ph. D. of History, associate professor of World History and Archeology Chair of the Tuvan State University (Kyzyl). E-mail: aiygy@mail.ru

Anai-Khaak Bazyrchap — postgraduate student of the Ethnology Chair of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov (Kyzyl). E-mail: anaihaak1990@mail.ru

Svetlana Batyreva — Ph. D. of Art Studies, leading research worker of Zaya-pandita's Museum of the Kalmyk traditional culture of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: sargerel@mail.ru

Asiat Bolatova (Atabieva) — Ph. D. of Philology, senior research worker of Balkarian philology Department of the Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Nalchik). E-mail: kbigi@mail.ru

Kishtia Buluktaeva — Ph. D. of Jurisprudence, associate professor of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: kbuluktaeva@mail.ru

Dekabrina Vinokurova — Ph. D. of Sociology, associate professor, senior research worker of Institute of Humanities and Problems of Minorities of the North of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (Yakutsk). E-mail: dorofdm1@yandex.ru

Evgeny Gunaev — Ph. D. of Jurisprudence, research worker of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: gunayev@yandex.ru

Khongr Zambaev — postgraduate student of the Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow). E-mail: zambaev_hongor@mail.ru

Коксунова Нина Бадмаевна — учитель калмыцкого языка МОКУ «Хар-Булукская СОШ», аспирант заочной формы обучения Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: nina.koksunova@yandex.ru

Лиджиева Ирина Владимировна — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: irina-lg@yandex.ru

Менглинова Айса Баатыровна — аспирант кафедры химии Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: menglinova@yandex.ru

Молокаева Оксана Хараевна — аспирант кафедры конституционного права им. Н. В. Витрука Российской академии правосудия (Москва). E-mail: oksana_molokaeva@mail.ru

Мушаев Владимир Наранович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой калмыцкого языка и монголистики, директор Центра методики преподавания и развития калмыцкого языка Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: mushaev_vn@mail.ru

Намруева Людмила Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, зав. отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: nludmila@mail.ru

Немгирова София Николаевна — кандидат экономических наук, заведующий отделом социально-политических исследований Института комплексных исследований аридных территорий (Элиста). E-mail: nereatsof@mail.ru

Омакаева Эллара Уляевна — кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом языкознания Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Омар Нессар — директор Центра изучения современного Афганистана, научный сотрудник Института Востоковедения РАН (Москва) E-mail: omar.nessar@gmail.com.

Nina Koksunova — teacher of the Kalmyk language of the Khar-Buluk school, postgraduate student of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: nina.koksunova@yandex.ru

Irina Lidzhieva — Ph. D. of History, senior research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: irina-lg@yandex.ru

Ayisa Menglinova — postgraduate student of the Chemistry Chair of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: menglinova@yandex.ru

Oksana Molokaeva — postgraduate student of the Chair of Constitutional Law named after N.V. Vitruk of the Russian Academy of Justice (Moscow). E-mail: oksana_molokaeva@mail.ru

Vladimir Mushaev — Ph. D. of Philology, professor, Head of the Chair of the Kalmyk Language and Mongolistics, director of the Centre for Kalmyk Language Teaching Methods and Development of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: mushaev_vn@mail.ru

Liudmila Namrueva — Ph. D. of Sociology, associate professor, Head of the Department of Social, Political and Ecological Studies of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: nludmila@mail.ru

Sofia Nemgirova — Ph. D. of Economics, Head of the Department of Social and Political Researches of the Institute of Complex Researches of Arid Territories. (Elista). E-mail: nereatsof@mail.ru

Ellara Omakaeva — Ph. D. of Philology, associate professor, Head of Linguistics Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: elomakaeva@mail.ru.

Omar Nessar — Director of the Center for the Study of Modern Afghanistan, research worker of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: omar.nessar@gmail.com.

- Очир-Горяева Мария Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории, археологии и этнологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: mariaochir@rambler.ru
- Очирова Виктория Сергеевна** — старший преподаватель кафедры иностранных языков и общей лингвистики Калмыцкого государственного университета (Элиста). E-mail: ochirovavs@yandex.ru
- Савельев Александр Владиславович** — аспирант отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН (Москва). E-mail: santor.jus@gmail.com.
- Сарбашева (Гузиева) Алена Мустафаевна** — кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела балкарской филологии Института гуманитарных исследований КБНЦ РАН (Нальчик). E-mail: alenasarb@mail.ru
- Сартикова Евгения Викторовна** — доктор исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории, этнологии и археологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru
- Сокаева Диана Вайнеровна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела источниковедения Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северная Осетия-Алания (Владикавказ). E-mail: socdial@yandex.ru
- Томаска Алена Георгиевна** — научный сотрудник сектора этносоциологии Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск). E-mail: algepo@mail.ru
- Топалова (Зумаева) Делгир Юрьевна** — младший научный сотрудник отдела письменных памятников, литературы и буддологии Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (Элиста). E-mail: delya.top@yandex.ru
- Maria Ochir-Goriaeva** — Ph. D. of History, senior research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: mariaochir@rambler.ru
- Viktoria Ochirova** — senior lecturer of Chair of Foreign Languages and General Linguistics of the Kalmyk State University (Elista). E-mail: ochirovavs@yandex.ru
- Alexander Saveliev** — postgraduate student of the Department of Ural-Altai languages of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow). E-mail: santor.jus@gmail.com.
- Alena Sarbasheva (Guzieva)** — Ph. D. of Philology, associate professor, senior research worker of Balkarian Philology Department of the Institute for Humanities of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences (Nalchik). E-mail: alenasarb@mail.ru
- Evgeniya Sartikova** — Ph. D. of History, associate professor, senior research worker of the History, Archeology and Ethnology Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru
- Diana Sokaeva** — Ph. D. of Philology, senior research worker of Source Studies Department of North-Ossetian Institute of Humanitarian and Social Studies named after V. I. Abaev of Vladikavkaz Scientific Centre of Russian Academy of Sciences and the Government of the Republic of North Ossetia-Alania (Vladikavkaz). E-mail: socdial@yandex.ru
- Alena Tomaska** — research worker of the Sector of Ethnosociology of the Institute for Humanities and Problems of the Indigenous People of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Yakutsk). E-mail: algepo@mail.ru
- Delgir Topalova (Zumaeva)** — junior research worker of the Written Monuments, Literature and Buddhism Department of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences (Elista). E-mail: delya.top@yandex.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН» принимает к печати авторские рукописи по приоритетным направлениям фундаментальных исследований РАН в области гуманитарных наук, а также рецензии, хронику, персоналии, ранее нигде не публиковавшиеся.

Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных научных результатов диссертаций** на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук по направлениям (редакция 17.06.2011):

- история;
- юриспруденция;
- филология;
- религиоведение,
- политология,
- философия,
- педагогика,
- биология,
- экономика
- социология.

Материалы принимаются в электронном виде в редакторе Word, набранные 14-м шрифтом через полуторный интервал (все поля по 2,5 см), объемом не более 0,7 п. л. При наборе необходимо использовать стандартную гарнитуру шрифта TimesNewRoman. Допускается представление рисунков в редакторе Word внутри текста статьи с перечнем подрисовочных подписей. Литература должна быть затекстовая в алфавитном порядке. Страницы обязательно должны быть пронумерованы.

К материалу прилагаются следующие документы: 1) аннотация на русском и английском языках (с обязательным переводом названия статьи, объемом не более 10 строк); 2) ключевые слова (не более 20) и их перевод на английский язык; 3) сведения об авторе: фамилия, имя, отчество (полностью); ученая степень; ученое звание; направление работы; должность (с указанием полного названия кафедры вуза или структурного подразделения исследовательского института); рабочий адрес и телефоны; адрес электронной почты; 4) внешняя рецензия на статью; 5) ББК и УДК; 6) договор (бумажный вариант договора с личной подписью в двух экземплярах).

Редакция отправляет предлагаемые к изданию рукописи на независимое научное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикуемых материалов. Рукописи не возвращаются, редакция не вступает в переписку по поводу отклоненных материалов. Перепечатка опубликованных в журнале материалов допускается только по согласованию с редакцией.

Материалы могут быть отправлены простой корреспонденцией, заказным письмом (358000 Республика Калмыкия, г. Элиста, ул. Илишкина, 8), электронной почтой (vestnik.kigiran@gmail.com).

Правила для авторов, Положение о рецензировании, а также договор опубликованы на сайте Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (www.kigiran.com/articles.php?cat_id=8).